

Александра Лисина

Любовь не выбирают

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Хорошо ли быть белой ведьмой? А получить приглашение на отбор невест для повелителя самой загадочной расы в мире? По личному опыту могу сказать – не очень, потому что белых ведьм у нас мало, а союз с могущественным нелюдем представляет для избранницы серьезную угрозу. Одно хорошо – на роль невесты я не подошла. А вот должность судьи повелитель мне все-таки навязал...

- [Александра Лисина](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- 4
- 5

Александра Лисина
Любовь не выбирают

Пролог

«Да-а, день определенно не задался», – подумала я, с мрачным видом изучая двери тронного зала.

Нет, сами двери были очень даже ничего – большие, красивые, с искусной резьбой, в создание которой неизвестные мастера наверняка вложили уйму времени и сил. Но не это тревожило меня в данный момент.

Предстоящая аудиенция у владыки моранов^[1] – вот моя главная головная боль, причем и в переносном, и в прямом смысле этого слова.

Осторожно пощупав саднящий затылок, я бросила неприязненный взгляд на троицу стоящих у дверей, закованных с ног до головы в доспехи стражников. С виду они были похожи на людей: две руки, запряженные в толстые кожаные перчатки; две ноги, закрытые спереди металлическими щитками; голова, упакованная в глухой шлем без единой щелки. Ни дырок для ноздрей, ни отверстий для глаз... сплошная отполированная до зеркального блеска сталь. А на месте глаз – разноцветная слюдяная пластинка, за которой совершенно ничего не видать.

Может, правду говорят, что под шлемами мораны прячут звериные морды? А может, это вообще человекообразные ящеры, которым стало тесно под землей, и именно поэтому пару сотен лет назад они решили выбраться на поверхность?

К несчастью, о моранах и сейчас мало что известно, кроме того, что они вроде бы нам не враги. Да, среди них много прекрасных воинов, которые, впрочем, не служат никому, кроме своего повелителя. Не меньше искусных резчиков по камню и великолепных ювелиров, мастерство которых поражает с первого взгляда. А еще у них есть особая, совершенно непонятная нам магия, которая в первые годы после контакта с подземниками весьма тревожила наших чародеев.

Но, надо признать, приглашать в гости мораны действительно умеют. Щедрая россыпь сонной пыльцы, мешок на голову, и опля – я уже как миленькая стою в их подземном царстве и вовсю наслаждаюсь прекрасными видами.

Говорят, у их повелителя ко мне какое-то дело... но что могло понадобиться могущественному нелюдю от простой белой ведьмы?

Медленно повернувшись вокруг своей оси и мельком оглядев красующиеся на стенах роскошные барельефы, я снова потерла затылок и поморщилась.

Приволокли меня сюда, понимаешь, без согласия. Оставили без личных вещей. Незнамо куда дели дорожный мешок, из-за чего я теперь должна предстать перед подземным владыкой в стоптанных башмаках и потрепанном дорожном платье. Невесть где бросили, а может, и сломали мою любимую метлу... Та-а-ак. Метла для ведьмы – это серьезно, так что, похоже, и у меня появилось к повелителю важное дело.

Наконец со стороны дверей послышался тихий шорох, и тяжелые створки сами по себе поползли в стороны. Похожие на муравьев стражники, в руках которых покачивались угрожающе длинные копья, бесшумно расступились, а из открывшегося полутемного проема вышел еще один... ну, скажем так, «муравей». В таких же ярко блестящих доспехах и в глухом шлеме, только без оружия.

– Повелитель Таалу ждет вас, госпожа Нораатис, – донеслось приглушенное из-под забрала.

Я кивнула.

Что ж, пойдем потолкуем с их загадочным повелителем. Мне даже интересно стало, для чего я ему понадобилась, ведь до сих пор ни один из магов верхнего мира не удостоивался личной аудиенции. И, наверное, я даже соглашусь тут задержаться, если вдруг окажется, что дело мне по зубам. Но если выяснится, что на моей метле появилась хоть одна царапинка...

Я мрачно улыбнулась. После чего расправила плечи и, откинув назад полы запылившегося плаща, смело шагнула в темноту.

Глава 1

Тронный зал меня, мягко говоря, поразил.

Волею случая мне уже доводилось бывать в домах богачей и любоваться изысканными интерьерами, но о том, что в гигантской пещере возможно сотворить нечто подобное, я прежде не подозревала.

Размеры тронного зала потрясли – стоя на пороге, я с трудом могла различить противоположную стену. На потолок вообще страшно было смотреть – настолько он казался далеким! Высоченные каменные своды терялись во тьме. Такая же жутковатая тьма клубилась и по углам, и возле украшенных причудливыми символами опорных колонн. Но особенно много ее скопилось у дальней стены, там, где на приличном возвышении виднелся белоснежный трон повелителя.

А еще мне на мгновение почудилось, что коварная тьма таится даже внизу, подо мной. Вернее, под ажурными, невероятно сложными и воистину мастерски выполненными каменными кружевами, которые по какому-то недоразумению заменяли здесь пол.

Осторожно ступив на это произведение искусства, я снова поразились: кружева казались столь тонкими и изящными, что их жаль было топтать грязными башмаками. Казалось, наступи чуть посильнее, и они рассыплются в прах. Но нет – мой провожатый чувствовал себя здесь вполне уверенно, и, что самое главное, под его весом ни один камешек так и не треснул.

А потом я присмотрелась внимательнее и успокоилась – пол в тронном зале оказался двойным. Верхний, похожий на кружевную салфетку, пестрел множеством сквозных отверстий, тогда как нижний выглядел совершенно целым. Так что, если мы с «муравьем» и провалимся по дороге, то не глубже, чем на ладонь. Если, конечно, живущая внизу тьма не сожрет нас за неосторожность.

Молча следуя за «мурашом», я с трудом удержалась, чтобы не начать вертеть головой по сторонам. Но даже так, краем глаза изучая медленно проплывающие мимо стены, снизу доверху украшенные искусными барельефами, я не могла не испытывать восхищения.

Вот ведь нелюди проклятые! Понятно, что зал изначально был создан, чтобы производить впечатление на гостей, но... мать-богиня! Каким же оно было, это впечатление! Ни одному дворцу в верхнем мире не сравниться! Казалось бы, что тут такого? Один сплошной камень, ни ярких цветов,

кроме созданных самой природой оттенков, ни бликов золота или серебра, ни тканей, ни дерева, ни драгоценностей... а чувствуешь себя так, словно ступаешь по самому дорогому в мире ковру в окружении немыслимой, никогда прежде не виданной роскоши. Роскоши, имя которой – совершенство.

По мере приближения к трону я поняла, что постепенно теряю уверенность в себе. Каменное возвышение, которое я сначала посчитала недостойным своего внимания, в действительности было намного больше, чем мне показалось от входа. Гигантское сооружение напоминало вплавленную в пол пирамиду. Огромные ступени вели к массивному трону. Сияющее ослепительной белизной природных кристаллов сиденье, обрамленное такими же сияющими подлокотниками, было рассчитано на горного великана. И, честное слово, у меня екнуло в груди, когда при нашем приближении с этого монумента кто-то неторопливо поднялся.

Не дойдя до трона каких-то пары сотен шагов, сопровождающий меня моран внезапно остановился и с почтением преклонил колено. А на мой настороженный взгляд сделал неопределенный жест и едва заметно кивнул в сторону трона. Мол, иди.

Ну я и пошла.

И лишь добравшись до возвышения, с досадой поняла, почему хитрый «мураш» так рано остановился – с того места, где он находился, трон и площадка перед ним неплохо просматривались. Я же, стоя у дурацкого основания, ни дмурта^[2] оттуда не видела. И должна была кричать вверх, даже не зная, где в этот момент находится повелитель. Слушает ли меня вообще или же по-тихому ржет в кулак.

Однако как только я развернулась, чтобы вернуться к «мурашу», сверху послышалось тихое, но требовательное:

– Поднимись!

Причем на чистейшем эль-лилле – самом распространенном наречии верхнего мира. Так что я, хоть и ругнулась про себя, все же не рискнула не подчиниться и, подоткнув длинный подол, принялась карабкаться на эту несусветную верхотуру.

Одна ступенька, вторая, третья... На седьмой я с неприятным удивлением поняла, что запыхалась. А на одиннадцатой, к собственной досаде, и вовсе остановилась, чтобы перевести дух.

Впрочем, чего удивляться? Ступеньки-то широченные, высоченные, такие далеко не каждый с наскоку одолеет, как будто мораны не для себя делали. Но не заставляй же из-за этого владыку ждать? Да и очень уж хотелось узнать, какой умелец обучил его нашему языку так, что ни

малейшего акцента не чувствовалось.

А еще меня подгонял внезапно проснувшийся интерес: вот скажите, повелитель сюда точно так же карабкается перед каждой аудиенцией, как я? Или его в специальной люльке на пирамиду поднимают? А может, наоборот, сверху опускают, чтобы ножки лишний раз не утруждал? Или вообще катапультой на трон забрасывают?

Пошарив вокруг глазами, но так и не обнаружив нигде нужных приспособлений, я настолько глубоко задумалась над возникшей проблемой, что сама не заметила, как добралась до самого верха. Однако стоило мне с пыхтением затащить себя на последнюю, двадцать четвертую ступеньку и осознать, что подъем наконец-то закончился, как случилось новое потрясение. Правда, на этот раз – для нас обоих. Потому что повелитель, насколько я поняла, не ждал, что я вообще к нему доберусь. А я, признаться, не надеялась, что он рискнет показаться мне без шлема.

Думаю, опешили мы с ним совершенно одинаково. Я, вероятно, первой из смертных увидела его лицо, из-за чего инстинктивно отшатнулась и едва не кувыркнулась вниз. А он, вовремя опомнившись, буквально прыгнул вперед, цапнул меня за ворот и мощным рывком вернул обратно на площадку. После чего властно притянул к себе и, шумно втянув ноздрями воздух, издал какой-то непередаваемый горловой звук.

Что это было – шипение или клокотание, и какую несло в себе эмоциональную нагрузку, я не поняла. Да и не стремилась разобраться, если честно, потому что в этот самый момент совершенно непочтительно пялилась на повелителя моранов и лихорадочно гадала, что мне потом за это будет.

Надо признать, уродом владыка Таалу не являлся и на злобного ящера вовсе не походил.

Прямые черные волосы, спускающиеся до середины спины и загибающиеся на кончиках наподобие острых крючков. Строгий овал лица. Неестественно светлая кожа, которая несколько пугающе смотрелась на фоне черного доспеха. Излишне резкие черты. Непривычно большой лоб и, напротив, чрезмерно узкий подбородок...

Если бы не глаза, его вполне можно было бы принять за человека. Но первый же взгляд на творящуюся под надбровными дугами жуть мгновенно рассеивал эту иллюзию – у моранов, как оказалось, не имелось ни белков, ни зрачка, ни радужки. Под совершенно человеческими веками виднелась лишь выпуклая, неестественно блестящая черная пленка, в которой мое испуганное лицо отразилось, как в зеркале. А под пленкой клубилась та самая тьма, которой вокруг и так было предостаточно.

– Вот поэтому мы предпочитаем не показываться людям без шлемов, – приятным, чуть хрипловатым баритоном сообщил мужчина, когда я испуганно дернулась и вместо того, чтобы разразиться каким-нибудь особо убойным заклинанием, издала невнятный сип. – Вы излишне суеверны и склонны к преувеличениям. Не надо меня бояться, ведьма. Даю слово, что не причиню тебе вреда.

Рука повелителя, закрытая кожаной перчаткой, наконец отпустила мой ворот, а вместе с ним – и перехваченное спазмом горло, позволив сделать долгожданный вдох. А затем моран неожиданно отступил. Причем так быстро, что мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать случившееся и, кинув на владыку еще один диковатый взгляд, повременить с уже готовым сорваться заклинанием.

Дмурт бы побрал этого нелюдя... У меня чуть сердце из груди не выскочило, а он стоит, усмехается. И, кажется, прекрасно знает, какие мысли роятся в моей растрепанной голове!

– Вы – демон? – все-таки набралась наглости уточнить я, на всякий случай сохраняя максимально возможную дистанцию.

Моран вздернул верхнюю губу, демонстрируя чуть увеличенный клык.

– Мне известно, чем занимаются в верхнем мире такие, как ты. Но в меня не нужно бросаться заклинаниями: во-первых, здесь они не подействуют, а во-вторых, в этом нет необходимости. Мы, как и вы, создания из плоти и крови. Хотя, полагаю, для многих твоих сестер даже отдаленного сходства с демонами достаточно, чтобы приписать нам славу кровожадных чудовищ.

Я одернула сбившееся набок платье и, отступив еще на шаг, все-таки потребовала:

– Покажите руки.

И снова повелитель меня удивил, безропотно сняв перчатку с левой руки. Но, поскольку когтей на пальцах у него не оказалось, а кожа, хоть и выглядела бледной, все же не имела характерных для одержимых отметин, я вздохнула с облегчением:

– Спасибо.

– И это все? – иронично вздернул бровь моран. – Неужели даже не попытаешься ударить?

Я на мгновение заглянула в его жутковатые глаза, в которых снова, как в первый раз, отразилось мое раздосадованное лицо, и поморщилась.

– Вы – не нежить. А значит, у меня нет причин для нападения.

– Пока нет, – едва заметно кивнул моран, словно прочитав мои мысли. – Но я рад, что хотя бы на время этот вопрос отпал.

– Зачем вы меня искали?

– Вообще-то я искал не тебя. Мне нужна верховная белая ведьма.

Вот теперь пришла моя очередь усмехаться.

– Госпожа Тейлара уже давно не бродит по дорогам в поисках приключений. Для этого есть ведьмы попроще.

– Мы знаем, что она редко покидает храм матери-богини, – охотно согласился повелитель. – Но у нас нет желания испытывать его стены на прочность – это осложнит отношения с верхним миром. Тем не менее я должен увидеться с этой женщиной. А в качестве благодарности готов подсказать, где найти ваших пропавших сестер. Как считаешь, на таких условиях она согласится встретиться?

Я мгновенно оцетинилась.

Белый храм – это особое место, в котором такие, как я, издревле черпают силу. Место, до краев наполненное благодатью матери-богини – покровительницы всего живого, которую почитают во всех без исключения странах верхнего мира.

Мы, ее жрицы, несем в себе ее божественный свет. В местах, где мы регулярно бываем, лучше плодоносит земля, в опустошенные засухой русла быстрее возвращается вода, в лесах охотнее рождаются звери, а люди в деревнях начинают меньше болеть.

Нет, мы не изгоняем смерть и не исцеляем тяжкие болезни, но помочь заживить простую рану или облегчить боль нам вполне по силам.

Наш храм – это не неприступная крепость, а древняя святыня. Именно поэтому к нему относятся с таким трепетом. И поэтому же ни один король не посмеет отказать заглянувшей в его дворец ведьме даже в самой ничтожной просьбе.

Правда, среди нас есть и те, кто избрал иной путь. Те, кому доверили особые знания, помогающие не дарить благодать, а отнимать ее, и дающие способность ранить, даже убить... с помощью тех самых боевых заклятий, одно из которых я едва сейчас не использовала.

Но проклятый моран знал, куда бить, когда говорил о моих сестрах: за последний месяц на дорогах верхнего мира бесследно исчезли сразу четверо светлых жриц. Причем ни следа, ни намека на то, как и почему это произошло, нам найти не удалось. Вернее, нам не удавалось сделать этого вплоть до того дня, когда посланные повелителем моранов «мураши» просто-напросто выкрали меня из придорожного трактира. И теперь, кажется, храму не надо больше продолжать настойчивые поиски – думаю, я нашла верный ответ.

– Что с моими сестрами? – отрывисто спросила, буравя нелюдя

настороженным взглядом.

Мужчина едва заметно пожал плечами.

– Они живы, здоровы, но ограничены в перемещениях, поскольку не смогли выполнить ту работу, для которой я их нанимал.

– Белые ведьмы служат только богине, – сухо отчеканила я, едва сдерживаясь, чтобы не сказать какую-нибудь гадость.

– Как правило, да. Но согласись: когда дело касается жизни и смерти, стоит пойти на небольшую уступку?

Я сжала челюсти.

– Что вам от нас нужно?

– Одна небольшая услуга, после выполнения которой вы все вернетесь домой. Твои сестры не смогли мне помочь, поэтому мои воины привели тебя. Если с этим не справишься ты, я найду кого-то еще. И буду искать до тех пор, пока не достигну желаемого. Или пока ваша верховная ведьма-настоятельница не согласится прийти сюда ради вас.

– Зачем она вам? – тихо спросила я, опасно балансируя на самом краю площадки и готовясь сорваться вниз, если нелюдь потребует что-то запредельное. Например, выдать настоящее имя наставницы. Или использовать доставшуюся мне благодать не по назначению.

– У нее есть то, что нужно мне, – спокойно отозвался моран, пристально глянув мне прямо в глаза.

В этот момент я все-таки пошатнулась и, неловко взмахнув руками, едва не сверзилась вниз. Но повелитель молниеносным движением оказался рядом, уверенно перехватил меня за талию и не позволил упасть.

– Не делай глупостей, я все объясню, – так же спокойно предложил он, словно ничего не случилось. – Если, конечно, ты не передумала убиваться и согласишься выслушать меня до конца.

Когда все тот же «мураш» открыл незнамо какую по счету каменную дверь, я благодарно кивнула и без опаски вошла в незнакомое помещение.

С повелителем Таалу мы все-таки договорились: он милостиво дает мне время собраться с мыслями, а ровно через два часа я возвращаюсь, чтобы получить ответы на свои вопросы.

С его же разрешения мне выделили гостевые покои, куда я только что заявила, приличную охрану, которая состояла аж из четырех молчаливых «муравьев» и тащилась за мной вплоть до этих дверей. А еще сюда успели перенести все мои личные вещи, включая дорожный мешок, запасной плащ и даже... хвала матери-богине... любимую метлу, которая сейчас смиренно стояла в уголке.

Увидев старую, потрепанную жизнью боевую подругу, я окончательно успокоилась. После чего оглядела выделенную повелителем комнату. Подивилась более чем скромной обстановке, состоящей из шерстяного ковра, придвинутого к дальней стене дивана, пары мягких кресел и небольшого деревянного столика. А потом обнаружила все те же потрясающие каменные кружева, которые, в отличие от тронного зала, покрывали здесь не только пол, но и стены до самого верха, и поинтересовалась у застывшего в дверях «мураша»:

– Это что, магия?

Упакованный с ног до головы в «зеркальные» доспехи моран проследил за моим взглядом и, качнув головой, на таком же безупречном, как у повелителя, эль-лилле ответил:

– Нет, госпожа Нораатис. В дворцовых покоях камень обрабатывается вручную.

– Но это же сколько работы... – ошеломленно замерла я, а потом запрокинула голову и, оглядев высокий, похожий на купол в храме потолок, тихонько выдохнула: – Невероятно!

– Вам еще что-нибудь нужно, госпожа Нораатис?

– Просто Нора, пожалуйста.

– «Атис» в нашем языке означает «почетная гостья», госпожа, – спокойно пояснил «мураш». – По приказу владыки Таалу здесь к вам будут обращаться только так.

– Хорошо. А как зовут вас? – поинтересовалась я, мысленно смиряясь с неизбежностью.

– Риату, госпожа. Я исполняю особые поручения повелителя и к тому же неплохо знаю язык верхнего мира.

Ну да, неплохо. Нет, я, конечно, понимаю, что за двести с хвостиком лет, прошедших с первого контакта, можно было чему угодно научиться, но такого чистого произношения я уже давненько не слышала.

– Просто Риату и все? – уточнила на всякий случай.

– Так точно, госпожа Нораатис. У нас не в ходу длинные имена.

Хм. А это удобно. В нашем мире порой запутаться можно во всевозможных приставках. А здесь все просто, функционально и понятно. Начинаю уважать владыку за такой подход.

– Вы не могли бы снять шлем? – попросила я, увидев, что Риату собрался уходить. – Полагаю, вам и вашим лю... то есть моранам, приходится носить шлемы только потому, что здесь нахожусь я. И мне кажется, в этом больше нет необходимости. Согласитесь: если даже повелитель решил меня удивить, то вас уж я точно не испугаюсь.

«Мураш» после такого предложения откровенно заколебался. Но потом все-таки поднял руки и стянул с головы неудобную железку, открыв моему взгляду коротко стриженные, абсолютно прямые черные волосы, почти такое же бледное лицо, как у повелителя, и посмотрел на меня такими же страшноватыми глазами.

– Благодарю, – спокойно кивнула я, убедившись, что «демонические» глаза – это действительно расовая особенность. – Буду признательна, если вы и впредь не станете скрывать от меня лицо.

– Как пожелаете, госпожа, – едва заметно улыбнулся мужчина и, уважительно наклонив голову, вышел. А за ним сама по себе, как по мановению волшебной палочки, с тихим шорохом закрылась тяжелая дверь.

– Ну что, будем обживать? – тихонько спросила я в пустоту, убедившись, что из коридора не доносится ни единого звука. – Эй, По, ты как?

Безучастно стоящая метла тут же встрепенулась и, плавно изогнувшись в рукояти, воровато выглянула из угла.

– Выходи, негодница, – улыбнулась я. – В ближайшие пару часов нас не потревожат, так что любоваться на твои выкрутасы будет некому.

Метла обрадованно трянула прутиками, сбрасывая с них налипшую грязь, повернулась рукояткой в одну-другую сторону, после чего весьма резво взлетела и принялась изучать предоставленное нам помещение.

Глядя на то, как она тыкается кончиком рукояти в покрывающие стены тончайшие кружева, словно пробуя их на прочность, я незаметно улыбнулась.

По – это самая первая вещь, которую я смогла, так сказать, оживить. Впервые в жизни увидев потрясающей красоты посох верховной белой ведьмы, я в свои полгода от роду была так поражена, что немедленно захотела себе такой же. Но, поскольку, кроме старой кривой метлы, ничего под рукой не оказалось, я схватилась именно за нее. И совершенно нечаянно создала По. Да, просто «По», потому что слово «посох» в то время еще не выговаривала.

С тех пор По всегда со мной – верная, немножко вредная, но невероятно полезная спутница, которой по воле матери-богини досталась не только божественная искра разума, но и толика ее силы.

– Надеюсь, ты хорошо себя вела? – строго осведомилась я, когда По, проверив комнату на предмет неприятных сюрпризов, с удовлетворенным шелестом опустилась на пол. – И не наделала глупостей, когда меня похитили?

Метла тут же прикинулась мертвой и картинно свалилась мне под ноги.

– Все ясно, – усмехнулась я. – А по голове меня кто стукнул, не знаешь?

Она мгновенно свернулась в виноватый клубочек, а я укоризненно покачала головой:

– По... как ты могла?

Жесткие прутьи тут же поникли, по рукояти пробежала мелкая дрожь, словно боевая подруга всхлипнула. После чего она снова взлетела, закружилась, периодически воинственно взмахивая помелом, словно с кем-то сражалась, а затем бережно коснулась прутиком моего затылка и снова печально поникла.

– Промахнулась, значит, – догадалась я. – Я-то выключилась почти сразу, когда сонную пыльцу в комнату запустили, а ты, выходит, целое сражение с моранами устроила. И меня заодно приголубила. А потом прикинулась дохлой и доехала сюда на чужих плечах... молодец. Надеюсь, ты хотя бы дорогу запомнила?

Поняв, что я не сержусь, По мгновенно воспряла духом и активно закивала верхней частью рукояти. После чего проворно ринулась к двери, яростно подметая при этом пол.

– Нет, – усмехнулась я, когда она остановилась и вопросительно изогнулась. – Сматываться мы никуда не будем. И следы заметать тоже пока нет необходимости: где-то здесь томятся наши сестры. И без них мы отсюда не уйдем.

Следующие полчаса я потратила на изучение покоев и довольно быстро отыскала еще одну комнату, скрытую за ажурной, выходящей, как часть орнамента на стене, дверью. За ней обнаружилась уютная и очень приличная по размерам спальня, а также все прочие удобства, внимательно изучив которые, я осталась довольна.

Что ж, обстановка приемлемая. Здесь сухо, тепло и довольно красиво. Окон, правда, нет, но в подземном мире они и не нужны. Зато мебель удобная и, к моей радости, почти вся деревянная, что, наверное, у «мурашей» считается признаком престижа – деревья-то здесь не растут, а значит, любая вещичка из древесины должна цениться на вес золота.

Что еще мне понравилось, так это полное отсутствие замков на дверях. И очень мягкий, умышленно приглушенный свет, излучаемый стенами и потолком. Правда, на мой вкус, в помещении все равно было темновато, но спросить, что и как, оказалось не у кого.

К тому же у меня возникла более важная проблема – следовало

переодеться перед возвращением в тронный зал. Но выбрать из того, что было на мне, и того, что нашлось в дорожном мешке, оказалось, мягко говоря, нелегко.

– Мдя-а, – озабоченно протянула я, придирчиво изучив собственное отражение в нашедшемся в спальне зеркале. – Кажется, за два часа я себя в порядок не приведу: платье мягкое, на голове кошмар, морда в саже... По, как ты позволила, чтобы меня в таком виде узрели посторонние мужчины, да еще и нелюди?!

Вредная метла тут же стукнулась ручкой об стену.

– Нет. Убиваться по этому поводу не стану, – тут же отреагировала я. – Но изобразить что-нибудь приличное попробую.

Сорвавшийся с моих ладоней вихрь из серебристых искорок на пару мгновений осветил погруженную в полумрак комнату. Однако почти сразу впитался в одежду, придав ей вполне пристойный вид, а остальное я доделала сама.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула часа через полтора. – Совсем другое дело. Королевишной меня, конечно, не назовут, но чтобы не пугать местных жителей, сойдет.

Отразившаяся в зеркале молодая и довольно симпатичная ведьма задорно мне подмигнула. Писаной красавицей она, конечно, не была, но чистая кожа, старательно уложенные рыжеватые волосы и простое, севшее по фигуре синее платье сделали ее внешность намного более приятной, чем пару часов назад. С глазами, правда, не повезло, и красивого изумрудного цвета, как у мамы, мне не досталось. Но карие бабушкины меня вполне устраивали, да и на остальное было грех жаловаться.

Когда я надевала выуженные из мешка изящные туфельки, то случайно увидела в отражении, как вредина По разгуливает по комнате, карикатурно извиваясь и соблазнительно покачивая помелом, словно заправская кокетка – бедрами.

Сорвав с крючка первое попавшееся полотенце, я с силой бросила его за спину. Но наученная горьким опытом метла тут же отклонилась, ловко поймала его на рукоять и принялась кривляться еще активнее, тряся полотенцем, будто девица – роскошной гривой волос.

– Вот поганка, еще и дразнится, – поразилась я и сорвала с крючка еще одно полотенце. – Ну, По... сейчас ты у меня получишь!

Не знаю, чем бы все это закончилось, но в дверь очень вовремя постучали. А затем тяжеленные створки сами по себе поползли в стороны, предвещая появление посторонних. Метла при этом привычно прикинулась мертвой и снова грохнулась на пол, не успев скинуть с себя полотенце. А я

Глава 2

Он был невероятно похож на повелителя Таалу. Чертами лица, формой бровей, губ, даже фигурой! Его блестящие черные волосы такой же густой волной струились по плечам, заканчиваясь острыми, будто специально завитыми «крючьями». Темные глаза таили такое же непонятное выражение. Однако это был первый из встреченных мною моранов, который вместо доспехов носил свободные одежды. Тоже, кстати, черного цвета. И что-то угадывалось в нем такое... неуловимое и непонятное, что смутно подсказывало: он действительно другой.

– Проходи, – тихим невыразительным голосом велел незнакомец на том же безупречном, канонически правильном эль-лилле, происхождение которого все больше начинало меня занимать. – Не думал, что однажды такое скажу, но тебе повезло, женщина, – ты первая смертная, кому владыка дозволил увидеть его личные покои.

Я настороженно заглянула за его плечо, чтобы убедиться – мы действительно находимся не в тронном зале. И вообще не в зале, если уж на то пошло, хотя виднеющаяся в полумраке комната была чересчур велика для обычного кабинета. Да и мебели в ней, откровенно говоря, не хватало.

От входа до противоположного конца комнаты было навскидку шагов сто. Причем все это пространство необъяснимым образом пустовало. Ни диванов, ни шкафов, ни кресел для гостей... ничего! И только вдали, у самой стены, виднелся более-менее обжитой, какой-то по-домашнему уютный уголок, где в полутьме угадывались небольшой диванчик, совсем уж крохотная тумбочка, пара большущих кресел и просто огромный стол, от размеров которого воистину захватывало дух.

– Раалу, не пугай мне гостью, – донесся оттуда знакомый голос, и во внезапно расступившейся темноте обозначился сидящий за столом мужской силуэт.

Незнакомец фыркнул и посторонился.

– Не больно-то она тебя боится, брат. Проходи, женщина. Не заставляй владыку повторять дважды.

Настороженно покосившись, я обогнула нелюдя по дуге и отправилась к ближайшему креслу. А когда добралась, на мгновение обернулась, желая убедиться, что Раалу идет за мной по пятам, и удивленно вскинула брови: этого типа уже нигде не было. Только мощная дверь неторопливо закрывалась, оставляя нас с владыкой наедине.

– Садись, – коротко велел повелитель, пока я раздумывала, что да почему. – Сначала говорить и спрашивать буду я, а потом ты задашь свои вопросы, если они к тому времени еще останутся.

Я молча кивнула и, добравшись до ближайшего кресла, приготовилась внимательно слушать.

– Что ты знаешь о матери-богине? – для начала огорошил меня владыка моранов.

Я подняла на него изумленный взгляд: он что, шутит, задавая такой вопрос белой ведьме?! Но увидев бесстрастное, какое-то похолодевшее лицо повелителя, решила не язвить и как можно ровнее ответила:

– Мать-богиня – залог существования всего живого. Растений, животных, лесов, озер, гор... Ее символ – солнце, которое дарит миру свет и тепло. Благодаря божественной благодати все, что только есть в этом мире, растет и процветает. Исчезнет благодать – исчезнет и остальное. Разрушится храм – разрушится и мир, поэтому мать-богиню так уважают. И поэтому ее культ – единственный во всех известных мне странах.

– В верхнем мире, – бесстрастно уточнил владыка. И мне снова пришлось кивнуть, подтверждая очевидный факт. – А как ты считаешь, за счет чего тогда существуем мы?

Я встрепенулась.

– У нас нет солнца, мы почти не видим звезд, и у нас нет особой нужды выходить на поверхность, – продолжил он, внимательно следя за моей реакцией. – Нам не нужна чужая благодать, и мы не почитаем вашу богиню. Но, несмотря на это, нижний мир тоже живет. И, как ты уже могла убедиться, довольно неплохо. Почему?

– Вам дает силы что-то еще, – тихо сказала я, внутренне ежась от смутного и определенно нехорошего предчувствия. – Раз сюда не достигает благодать богини, значит, вы живете за счет чего-то другого.

– Кого-то другого, – снова поправил меня нелюдь, и вот тогда у меня по спине побежали холодные мурашки. А в голове молнией мелькнула страшноватая догадка. Ведь если на земле существует богиня-мать, дающая миру жизнь, то где-то... до сих пор мы просто не знали, где... есть кто-то, кто эту жизнь отнимает.

– Бог-отец?

– Так вы его называете, – без улыбки кивнул повелитель Таалу. – Мы же зовем просто Смерть, однако, в отличие от вас, не вкладываем в это понятие того, о чем люди привыкли думать, говоря о неприятном, но вполне естественном явлении.

Я прикусила губу.

Он прав... тысячу раз прав, ведь все живое неизменно рождается и умирает; растения сначала цветут, затем дают семена, а потом снова уходят в землю, чтобы завершить один жизненный цикл и вскоре возродиться для следующего. То же самое происходит везде. Со всеми. В том числе и с людьми. И лишь часть этого вечного круговорота находится под покровительством матери-богини.

Остальное, о чем мы предпочитаем помалкивать, условно считается темным, непонятным, чужим. Да, мы смиряемся с необходимостью умирания, но стараемся лишней раз о нем не вспоминать. О боге-отце, конечно, говорим, но тихо, между собой, за закрытыми дверями и под надежной защитой из божественного света.

Мы не отрицаем его существования. И если бы не то беспокойство, которое он упорно доставляет верхнему миру, быть может, о нем бы вообще забыли... Но бог-отец не оставляет нас своим вниманием с самого дня сотворения мира. Мешает, портит, уничтожает даруемую богиней жизнь. Вот только до сих пор считалось, что носителями его силы являются лишь колдуны, некроманты и черные ведьмы. И именно их стараниями в верхнем мире регулярно появляются нежить, злобные духи, а временами и самые настоящие демоны.

Веками сражаясь с порождениями мрака, мы, конечно, догадывались, что главная проблема кроется не в этом. И понимали, что колдуны и ведьмы не сами производят враждебную для всего живого силу, а находят и используют уже готовую, созданную богом-отцом. Но узнать о том, что ее источник находится здесь, в нижнем мире, было, мягко говоря, неприятно.

– Это – одна из причин, по которой мы стараемся не выходить лишней раз на поверхность, – упреждая мой вопрос, обронил повелитель Таалу. – Ваш мир для нас бесполезен, царствующее в нем солнце вредно, а живущие там создания приносят гораздо больше беспокойства, чем пользы. И тем не менее мы вам не враги. Антагонисты – так будет вернее. Хотя это вовсе не означает, что у нас совсем нет точек соприкосновения или что мы не можем сосуществовать в мире.

– Что вы от нас хотите? – сглотнула я, пошатнувшись от бездны обрушившихся на меня предположений.

– Лично от тебя мне нужно немного: участие в одном несложном обряде и создание довольно простого эликсира. А вот от настоятельницы Белого храма мне необходимо предсказание, в обмен на которое я готов пойти на сотрудничество с храмом и оказать любую посильную помощь в устранении утечек из источника враждебной вам силы.

– Вы знаете, где этот источник?! – почти шепотом спросила я.

Повелитель лишь усмехнулся, а я на мгновение задумалась.

Предложение было весьма и весьма заманчивым. Совсем уж тайных или опасных для верхнего мира эликсиров у ведьмы-настоятельницы не имелось. Участие в незнакомом обряде, конечно, удовольствие сомнительное, но возможность закрыть от нашего мира темный источник и тем самым лишить силы некромантов, ведьм и колдунов казалась действительно ценной.

– Вы же понимаете, что наших тайн я вам даже под пытками не выдам? – спросила, взвесив все «за» и «против».

– Догадываюсь. Но, как я уже сказал, для начала мне необходимо другое. А когда ты сделаешь то, что от тебя зависит, думаю, верховная ведьма придет сюда сама. Время у нас еще есть.

– Какой именно эликсир я должна для вас сварить?

– Любовный, – спокойно ответил повелитель. А когда мои брови изумленно поползли вверх, понимающе усмехнулся и добавил: – А обряд, в котором тебе предстоит участвовать, свадебный. Видишь ли, в ближайшее время мне необходимо обрести законную супругу, поэтому мы с братом и организовали отбор невест.

Я воззрилась на морана в полнейшем обалдении.

– А я-то тут при чем?!

Мать-богиня, какой еще отбор?! Какие, к демонам, невесты?! А главное, зачем для этого понадобилось воровать... а по-другому я не могу назвать причину своего пребывания здесь... пятерых белых ведьм?! Он что, каждой из сестер предлагал эту дикость? А когда одна не справлялась, быстренько похищал следующую и собрался делать это до тех пор, пока наверху вообще никого не останется?!

– Моя будущая супруга должна обладать определенным набором качеств, как в физическом, так и в магическом, и даже в эмоциональном плане, – так же ровно сообщил владыка, напрочь проигнорировав мое шоковое состояние. – Среди того количества женщин, что обитает в подземном мире, найти нужную достаточно сложно, поэтому возможных претенденток определяет оракул. И на мою долю таких отыскалось двенадцать.

– П-простите, я все еще не понимаю...

– Наш оракул стар, – отчеканил моран, одарив меня колючим взглядом. – Силы его на исходе. И хоть имена основных претенденток он уже назвал, но окончательный выбор ему не сделать – старик и без того еле дышит. Именно поэтому последним было названо имя ведьмы-настоятельницы твоего храма – единственной из смертных, кто доподлинно

обладает даром предвидения.

Признаюсь, после этих слов я неприлично разинула рот.

– Пока ее нет, кому-то придется ее заменить, – продолжил моран как ни в чем не бывало. – Я знаю, каждая из вас так или иначе умеет предчувствовать смерть. Если не свою, то хотя бы смерть других. Именно это мне сейчас и нужно. Плюс эликсир, о котором я уже сказал. Если сумеешь помочь, я позволю тебе покинуть подземелье вместе с сестрами. Если откажешься, то следом за ними отправишься под замок и будешь сидеть там до тех пор, пока кто-нибудь другой не сделает эту работу за тебя.

Я ошалело потрясла головой.

Так. Где моя метла? Пусть треснет по затылку еще разок, что ли, а то меня, кажется, переключило... Где ж это видано, чтобы мужики себе жен с помощью ведьм выбирали? Они что тут, во тьме с рождения сидючи, окончательно ополоумели? Без оракула себе пару отыскать не в состоянии?!

Богиней клянусь, я такого бреда еще не слышала!

– Идем, я покажу, почему мы это делаем, – неожиданно сменил тон владыка и поднялся из-за стола. А когда я так и осталась сидеть, глядя на него широко раскрытыми глазами, требовательно протянул руку в перчатке и коротко добавил: – Тогда, надеюсь, ты все поймешь.

О том, что в кабинете имеется вторая дверь, я догадалась лишь тогда, когда владыка моранов приблизился к одной из стен, и та беззвучно перед ним расступилась. Швы между камнями оказались настолько тонкими, что даже при близком рассмотрении их невозможно было различить. Снаружи ни ручки, ни привычного вида дверных петель... стена просто бесшумно отъехала в сторону, открыв перед нами еще один зал. Почти такой же громадный, как и оставшаяся позади комната.

Переступив порог следом за повелителем, я едва не споткнулась от неожиданности. Нет, я, конечно, подозревала, что новое помещение тоже окажется непростым, но от того, что я там увидела, у меня просто перехватило дух.

Арки... мать-богиня, гигантская комната почти целиком состояла из арок! Больших и маленьких. Широких и поуже. Плавно перетекающих друг в друга и изгибающихся под самыми причудливыми углами так, что создавалось впечатление, будто я попала в гигантский лабиринт. Причем каждая арка имела абсолютно уникальный орнамент, местами искрящийся крохотными осколками слюды, затем он переходил на стены и бесследно

исчезал во тьме.

Неудивительно, что я ненадолго выпала из реальности, пытаюсь разглядеть детали и представить, сколько труда ушло на создание этой невероятной красоты.

– Подойди, – негромко велел владыка, остановившись перед каким-то возвышением.

Все еще потрясенно оглядываясь, я послушно приблизилась и вопросительно уставилась на небольшую прямоугольную усеченную колонну, на которой лежал обычный деревянный ящичек, украшенный искусной резьбой.

В общем-то, кроме арок и этой колонны, в помещении ничего больше не было. И мне пришлось призвать все свое терпение, чтобы не разрушить сгустившуюся тишину упорно крутящимся на языке вопросом.

Тем временем моран откинул крышку и отступил в сторону, давая мне возможность подойти ближе.

– Возьми.

Я недоверчиво уставилась на лежащий внутри шкатулки недавно сорванный, но еще не успевший погибнуть цветок.

Элария... символ матери-богини. Тонкий стебелек, изящные зеленые листики и ярко-синий венчик, внутри которого сияет похожая на маленькое солнце сердцевина... Такие цветы вплетают в подвенечные венки невестам. Их считают символом чистоты. Невинности. Верности и любви.

Но зачем моран показывает его мне?

Поколебавшись, я все-таки достала цветок из шкатулки и улыбнулась, потому что элария моментально ожила. Ощувив мою силу, подвядший венчик заметно воспрял, засохшие лепестки развернулись. Цветок мгновенно засиял и залучился первозданным светом, который вдохнула в него я, в надежде, что его жизнь еще может продлиться.

Но тут владыка протянул руку, на которой больше не было перчатки, и легонько коснулся пальцами нежного лепестка. Элария вздрогнула, словно от порыва сильного ветра, мгновенно почернела, скукожилась и рассыпалась прямо у меня в руках, будто ее дотла сжег невидимый огонь.

От неожиданности я ахнула и поспешно отдернула руки, с которых осыпался лишь черный пепел. После чего сердито уставилась на абсолютно спокойного нелюдя, не в силах понять, зачем он так безжалостно уничтожил жизнь, которую я собиралась возродить.

– Наша сила похожа на пламя, – сказал моран, так же спокойно убирая руку. – Она может быть могущественной или же слабой, направленной или нет, а иногда... если не уследить... превращается в лесной пожар, который

ничем невозможно остановить.

– Но зачем было уничтожать цветок?! Разве он в чем-то провинился?

– Это всего лишь пример того, что случается с живыми, если их касается Смерть. Скажи, как выглядит тот источник, из которого ты черпаешь силу?

Я непонимающе нахмурилась:

– При чем тут наш источник?

– Он материален, не так ли? – словно не услышал моран. – У вас есть хорошо охраняемый храм, а в этом храме хранится нечто... возможно, ларец или статуя... или иной освященный богиней артефакт, прикосновение к которому восстанавливает ваши силы и дает ту самую благодать, что позволяет творить чудеса.

Я угрюмо промолчала.

– Никто не знает, что это за вещь, – так же спокойно продолжил повелитель. – Быть может, это драгоценный камень, веками лежащий в сокровищнице. Тысячелетнее дерево или просто цветок... к примеру, такой же, как тот, что я сейчас уничтожил. Но мы точно знаем, что у него есть форма. Цвет. Вес. И, разумеется, хозяин.

– С благословения богини силой артефакта пользуется только верховная ведьма, – буркнула я. – Любого другого, кто коснется его без спроса, он просто-напросто уничтожит.

– Не в этом суть. Главное, что он есть, и он материален. Тогда как наша сила... – Моран сделал крохотную паузу: – Не имеет материального воплощения. Она крайне изменчива, может давать внезапные всплески и, будучи по сути своей источником разрушения, не способна долго храниться в обычном сосуде. Именно поэтому бог-отец создал нас. И по воле его все могущество энергии Смерти, как это ни парадоксально, сосредоточено не в мертвом, а в живом сосуде. И веками передается из поколения в поколение, меняясь и совершенствуясь вместе с ним.

– Что вы хотите сказать?! – прошептала я, в шоке уставившись на невозмутимого нелюдя.

– Я – такой сосуд, – бесстрастно сообщил владыка, подчеркнуто медленным жестом возвращая перчатку на место. – Я – хранитель энергии разрушения, точно так же как ваша верховная ведьма является хранителем силы матери-богини. Но если она... а вместе с ней и вы... оберегаете жизнь, то я способен ее уничтожить. Если ты одним касанием способна ее подарить, то мое прикосновение ее убивает. Причем всегда. Без исключений.

У меня похолодело в груди.

- То есть если бы вы сейчас прикоснулись ко мне?..
- От тебя остался бы такой же пепел, как от цветка.
- И от любого живого существа тоже?!
- Я же сказал: без исключений, – ровно подтвердил владыка. – Люди, звери, деревья... Являясь носителем энергии разрушения, я могу уничтожить все. В том числе и неживое. Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему мы с вами не воюем?

Я поражено отступила на шаг, во все глаза уставившись на страшного нелюдя.

Да зачем ему вообще воевать, если он с легкостью может убить любого из нас?! А при желании способен просто приложить руку к земле и сжечь все до последнего кустика! И точно так же легко убить все, что касается земли – людей, леса, животных и птиц... если подумать, для этого ему даже выходить на поверхность не нужно! Просто пожелай нас уничтожить, коснись стены в своем дворце, отправь наверх сконцентрированную в широкий пучок силу. Через несколько дней можешь без спешки забирать то, что от нас осталось. Абсолютно все, потому что больше не будет тех, кто смог бы нас защитить.

Отступив от владыки на шаг, я с трудом сглотнула подкативший к горлу комок.

- Если вы так сильны, то почему мы все еще живы?
- Потому что нам не нужна ваша смерть, – едва заметно усмехнулся моран. – Залитые солнцем луга и леса – это не те земли, которые мы могли бы освоить. К тому же вы поставляете в подземный мир продовольствие, которое здесь довольно сложно производить. Древесину, которой у нас почти нет. Благодаря вам в подземном мире оживилась торговля, наступил новый виток в развитии... так что любой мир для нас гораздо полезнее войны. И я не планирую нарушать достигнутые договоренности, пока вы не сделаете этого первыми.

– А ваша сила... у всех моранов такие способности? – несколько успокоилась я.

Повелитель согласно наклонил голову:

- В той или иной степени.
- Значит, вы поэтому носите доспехи?
- Не только. Но вам нечего опасаться: большинство моранов не несут угрозы для верхнего мира. Энергия Смерти в них, конечно, есть, но ее недостаточно, чтобы убить человека одним прикосновением. Правильнее сказать, близость морана ускоряет процессы разрушения. В первую очередь – старение, умирание... поэтому мы предпочитаем ютиться в

самых глубоких пещерах, и поэтому же простые смертные рядом с нами долго не живут. Мы умышленно ограничиваем контакты с вами. Не занимаемся земледелием. Кое-какой скот, конечно, разводим, но этим занимаются лишь слабейшие. Те, кто посильнее, образуют касту воинов, а самые сильные входят в правящий род. Ну а тот, в ком сосредоточена максимальная энергия Смерти, становится повелителем. Прямое наследование у нас происходит не всегда.

Я смерила нелюдя настороженным взглядом и подозрительно прищурилась:

– Если вы убиваете все, к чему прикасаетесь, как же вы тогда собираетесь жениться?

– Для этого мне и нужна ведьма: из всех смертных только вы способны ощутить приближение смерти. Твоя задача заключается в том, чтобы во время отбора отсеять тех девушек, которых я могу убить сразу. Потом надо будет снова выбрать самых устойчивых... и так до тех пор, пока не останется всего одна претендентка.

– А что дальше?! – опешила я.

– Брачный ритуал сделает ее невосприимчивой к моей силе. По крайней мере, на какое-то время. Но для того, чтобы обряд прошел как надо, невеста не должна сомневаться. Еще лучше, если во время ритуала она будет испытывать ко мне... скажем так, симпатию.

– И для этого вам потребовался любовный эликсир?!

– Это гарантия сохранности жизни той женщины, которую я выберу в жены, – бесстрастно подтвердил владыка. – Пока невеста не примет эликсир, я к ней не притронусь.

Я помрачнела:

– А вам известно, что богиня не одобряет искусственно наведенных чар? Создание подобных эликсиров строгойше запрещено, если на то нет веских оснований.

– Спасение невинной жизни является для тебя достаточно веским основанием? – невозмутимо осведомился моран.

Я помрачнела еще больше:

– А без эликсира никак?

– Нет.

– И это обязательно должна сделать одна из нас?

– Без вашей благодати эликсир бесполезен. Но, что самое главное, обряд должен быть проведен той же ведьмой, что создала эликсир, иначе он потеряет всякую силу.

– Вот же... дмурт! – не сдержавшись, ругнулась я, понимая, что меня

загнали в ловушку.

Да, конечно, я могу сейчас отказаться и не участвовать во всем этом бреде. Но тогда владыка притащит другую ведьму, и создавать эликсир придется ей. Не знаю, в курсе он или нет, но запрет на подобные эликсиры существует еще и по другой причине: во время создания зелья ведьма использует не только божественную благодать, но и собственные силы, количество которых напрямую зависит от силы того, кого необходимо приворожить. Если ведьма окажется слабее, то во время обряда она может погибнуть. А я, как ни крути, жрица не из последних, иначе у меня не было бы права использовать боевые заклятия, и я бы не вызвалась идти на поиски пропавших сестер в одиночку.

– Почему вы хотите провести обряд именно сейчас? – хмуро осведомилась я, мысленно просчитывая варианты.

Моран отвернулся, заложил руки за спину.

– Как я уже сказал, энергия Смерти нестабильна. Однако чаще всего с ней можно справиться. И лишь иногда случаются вспышки или всплески... называйте как хотите... когда наша сила становится по-настоящему опасной.

– Опасной для кого? – уточнила я, лихорадочно анализируя полученную информацию.

– В первую очередь, для владыки. Если он не удержит энергию Смерти, то погибнет сам. А если владыка умрет, Смерть вырвется наружу и начнет разрушать все, к чему прикоснется. Конечно, со временем она найдет другого носителя, и все станет как прежде, но к этому моменту последствия окажутся необратимыми. И устранить их не сможете ни вы, ни мы, ни кто-либо еще. В подобных случаях владыка должен выбирать: или позволить силе бесконтрольно вырваться наружу, или же сбросить в другой сосуд.

– Куда именно она может вырваться? – моментально насторожилась я.

– Куда угодно. Но, поскольку свой мир мы уничтожать не собираемся, то, скорее всего, Смерть уйдет наверх. К вам. Обычно это заканчивается каким-нибудь локальным катаклизмом, вспышкой смертельно опасной заразы, падежом скота, землетрясениями, а иногда и всем сразу.

– А второй вариант?

– Владыке нужен сын, – кратко пояснил повелитель Таалу. – Еще один полноценный сосуд для энергии Смерти. Тогда они разделят ее на двоих и смогут удержать в спокойном состоянии еще несколько десятилетий.

– А потом?! – ошалело переспросила я.

– Цикл повторится. И владыке снова придется делать выбор. Затем

этот выбор придется делать его сыну, внуку... и так до тех пор, пока один род не угаснет, а его место не займет другой.

У меня похолодело в груди.

Это что же получается, мы столетиями живем над дремлющим вулканом и даже не подозреваем, что опасны не только его извержения, но и небольшие подземные толчки?! Не потому ли колдуны и ведьмы берут энергию именно из земли, что она уходит в землю, когда у повелителя моранов случаются так называемые «всплески»? И не потому ли нашествия всякой черноты чаще всего происходят циклично? Когда раз в пять лет, когда – раз в столетие?

Правда, как я ни старалась, в лихорадочно перерываемой памяти так и не всплыло ни одного упоминания о мало-мальски значимых катаклизмах на протяжении последней тысячи лет. Я, конечно, в свое время перечитала не все храмовые летописи, но такие факты ни за что не пропустила бы. А значит, до сих пор моранам как-то удавалось справляться со своей проклятой силой.

– Насколько часто у вас случаются «вспышки»? – снова спросила я, пытаюсь понять, как действовать дальше.

– Постоянно. Но довольно слабые, кратковременные, и их несложно преодолеть. А иногда... обычно три-четыре раза за всю нашу жизнь... энергия Смерти усиливается настолько, что мы перестаем ее контролировать.

– А это как-то можно предупредить? Или предугадать? Вы же не зря именно сейчас затеяли чехарду с отбором?

Повелитель Таалу кивнул:

– Обычно предвестники появляются заранее. За это время я должен отыскать подходящую невесту и провести свадебный обряд. Если к тому моменту, когда наступит пиковый выброс, мы сумеем зачать наследника, излишки энергии уйдут к нему, и у подземного владыки появится сын. Если обряд не удастся или я не найду подходящую пару, то плохо будет всем.

Я сжала кулаки:

– Сколько у нас осталось времени до очередного такого всплеска?

– Чуть меньше месяца. И если вы мне не поможете, ваш мир, скорее всего, умрет.

Глава 3

Вернувшись в гостевые покои, я устало присела на краешек кровати и сжала ладонями гудящие виски.

Вроде и бодрствовала не так уж долго, большую часть дня вообще провалялась в беспамятстве под воздействием сонной пыльцы, но при этом настолько вымоталась морально, что хотелось лечь и уснуть, чтобы хоть ненадолго забыть о проблемах.

Впрочем, недолгий сон тоже не принес облегчения – проснувшись через некоторое время в кромешной темноте, я даже не сразу вспомнила, где нахожусь. И только через пару минут все-таки сообразила – мы под землей. Поэтому и восстановилась я гораздо хуже. Поэтому и не отдохнула как следует.

– Что у вас с освещением? – первым делом осведомилась я, когда двери в покои снова отворились, и на пороге возник Риату. Без шлема, как и просила, благодаря чему, собственно, его и получилось узнать.

Моран, посмотрев, как я разгуливаю по комнате, закутавшись в простыню и прямо на ходу заплетая волосы в косу, смутившись, отвел глаза.

– Простите, госпожа Нораатис, я упустил это из виду. Наверное, вам нелегко привыкнуть к отсутствию солнца и определить, день сейчас или ночь.

Вытащив изо рта белоснежную ленту для волос, я ловко вплела ее в длинную косу и, подобрав повыше, закрепила бантом на затылке.

– Это точно. Но у вас еще есть возможность исправиться.

– В подземном мире всегда темно, поэтому мы полагаемся не на зрение, а на другие органы чувств, и не нуждаемся в дополнительных источниках освещения, – все еще топчась на пороге, с виноватым видом пояснил Риату. – Тем не менее к свету наши глаза более чувствительны, чем ваши, поэтому изменение интенсивности освещения заменяет нам часы. И по нему мы всегда можем судить, какое сейчас время суток.

Я закончила возиться с прической и хмуро уставилась на нелюдя:

– Отлично. И сколько же сейчас, по-вашему, времени?

– Раннее утро, госпожа. Когда в верхнем мире наступит рассвет, стены во дворце снова начнут светиться. Когда солнце достигнет зенита, интенсивность освещения станет максимальной, а затем будет постепенно угасать до тех пор, пока наверху не наступит полночь. После чего весь

дворец снова погрузится в темноту.

Я кивнула:

– Спасибо. А то я переживала, что вскочила посреди ночи и теперь до утра придется сидеть в ожидании аудиенции.

Риату снова смущенно помялся:

– К этому нелегко привыкнуть, но нам даже слабые изменения освещения помогают сохранить чувство времени. Мне очень жаль, госпожа, что я не позаботился о вашем комфорте раньше. Если вы не против, я пришлю сюда нескольких женщин, чтобы они помогли вам подобрать подобающую одежду.

– А что такое? Вас не устраивает качество моих платьев? – вкрадчиво осведомилась я, краем глаза увидев, как воинственно встрепенулась стоящая в углу метла.

На лице Риату не дрогнул ни один мускул.

– Они прекрасны, госпожа. Но в тронном зале не так тепло, как в этих покоях, а вам придется провести там немало времени, поэтому я взял на себя смелость позаботиться о вашем комфорте.

Я усмехнулась. Молодец, выкрутился.

– А завтрак для меня, случайно, по такому поводу не полагается?

– Он уже готов, – невозмутимо сообщил моран, и из-за его спины вышел еще один нелюдь, в руках которого покачивался набитый снедью поднос. – А повелитель ожидает вас в тронном зале. Я как раз зашел об этом сообщить.

Тьфу, пропасть. Я же совсем не готова к встрече, потому что поднялась с постели всего несколько минут назад. Впрочем, ладно...

Легкий пасс рукой, мягкое серебристое сияние, и вот я уже не растрепанное огородное пугало, а умытая, сияющая и почти довольная леди, которой осталось только одеться и перекусить. Ну а поскольку собираться я всегда умела быстро, а еда, к моему огромному облегчению, оказалась самой обычной, то ожидание моранов не затянулось, и всего через полчаса мы вышли из комнаты, прихватив с собой возбужденно подрагивающую метлу.

– Ценный артефакт, – пояснила я, когда Риату вопросительно покосился на По. – И необходимый атрибут для любой уважающей себя ведьмы.

Больше вопросов по поводу метлы не возникло, и в сопровождении молчаливой охраны мы благополучно потопали прочь. Причем по таким же безликим, причудливо изгибающимся и многократно сливающимся друг с другом коридорам, последовательность которых я, к своему стыду, снова не

запомнила.

Тронный зал встретил нас гробовой тишиной. Был он ожидаемо пуст, едва-едва освещен и производил намного более гнетущее впечатление, чем в прошлый раз.

Риату, проводив меня до той же самой незримой черты, что и вчера, опять без объяснений остановился, знаком показав, что я могу следовать дальше. Но, поскольку сегодня колено он не преклонил, я сделала вывод, что владыка еще не подошел. И в этот момент меня обуяло нешуточное любопытство.

Пользуясь тем, что моран отстал, я слегка отклонилась от намеченной траектории и приблизилась к пирамиде сбоку, надеясь разглядеть какое-нибудь приспособление, которое помогает повелителю без усилий взбираться на самую верхотуру. И была несказанно разочарована, когда выяснила, что с той стороны, где пирамида примыкает к стене, на высоте тронной площадки имеется самая обычная, хотя и очень узкая каменная перемычка, незаметная с фасада и упирающаяся прямо в стену. А значит, владыке не надо утруждать себе ножки, чтобы добраться до верха – он просто выходит из невидимой отсюда двери и преспокойно садится на трон. Только и всего.

Огорченно вздохнув, я повернулась к Риату и удивленно вскинула брови, увидев, что моран торопливо надевает шлем и с недостойной воина поспешностью пятится к дверям. Я даже по сторонам оглянулась, ожидая внезапного нападения демонов, нашествия подземных злыдней^[3], землетрясения и богиня знает чего еще. Однако все оказалось гораздо проще.

– Можешь быть свободен, – раздалось властное со стороны пирамиды, и из-за другого ее угла вышел повелитель Таалу. Все в том же черном доспехе, защищающем тело от пяток до горла и оставляющем не покрытой только голову.

При виде владыки Риату почтительно поклонился и, развернувшись кругом, чуть ли не бегом кинулся к выходу, поразив меня этим до невозможности.

– Что это было? – растерянно спросила я, когда владыка подошел ближе.

– У каждого смертного свой предел – расстояние, на котором он способен выдержать мое присутствие. Для Риату это примерно две сотни шагов. Но, поскольку пространство между нами уменьшилось, ему пришлось срочно уйти.

Я непонимающе моргнула, а повелитель подошел вплотную и,

заложив руки за спину, задумчиво на меня посмотрел.

– Смерть не делает различий между живыми и мертвыми, ведьма. И ее энергия в одинаковой степени влияет на все, что нас окружает. В отношении смертных это тоже верно, потому что сила, которая от меня исходит, действует как на людей, так и на моранов.

– Разве у вашей расы нет природной защиты от этой магии? – удивилась я.

– Это не просто магия, – снисходительно усмехнулся владыка Таалу. – Никто не способен противостоять Смерти вечно. Ни вы, ни я, ни даже настоятельница Белого храма. Смерть можно только придержать или отсрочить ее приход... на время. В этом и заключается мой основной дар.

Я незаметно вздрогнула.

– То есть вы...

– Я не убиваю сам. В этом нет необходимости, потому что Смерть делает это за меня. Она живет внутри моего тела, отделенная от мира лишь смертной оболочкой, и каждый миг... каждый день, год за годом, стремится ее покинуть. Моя задача – сдерживать эту силу, не позволяя ей убивать. Если я окажусь невнимательным, кто-то непременно погибнет. Если позабуду о необходимости соблюдать дистанцию, как сегодня, то мои воины, близкие... весь мой народ может пострадать. Думаешь, я просто так не снимаю доспехи даже во дворце?

Честное слово, от такого вопроса я настолько растерялась, что даже не нашлась, что ответить. Вчера у меня сложилось совсем иное впечатление о повелителе и его роли в проблемах нашего мира.

А получается, все в точности до наоборот?!

– Ты не веришь? – по-своему растолковал мое ошеломленное молчание владыка Таалу. – Напрасно, потому что я не лгал, говоря, что являюсь живым сосудом для энергии разрушения. Я – ее носитель. Да, я могу ею пользоваться, но при этом обязан строго дозировать силу, чтобы тот ручеек, который необходим мне для дела, не превратился в поток, хлещущий из прорвавшейся плотины. Смерть не любит рамок. Ее невозможно подчинить, но при определенном усилии с ней все-таки можно договориться. Доспехи – это дополнительная защита, помогающая мне гасить небольшие всплески. Изнутри металл покрыт особым составом, не позволяющим Смерти вырваться, поэтому я не снимаю латы, даже находясь в специально оборудованных покоях. Такой же состав нанесен на доспехи всех моих подданных, только не изнутри, а снаружи. Это – их единственное спасение в случае, если я допущу ошибку. Но даже доспехи не позволяют им находиться рядом со мной дольше нескольких минут.

Я перевела дикий взгляд на дверь, за которой только что исчез Риату.

– Вы говорили, что у воинов такой же дар, как у вас, только более слабый!

– Так и есть. Но ты упустила главное: мы не производим Смерть, а храним в себе ее силу. Мы действительно способны убивать с помощью этой силы, но чаще всего прилагаем усилия, чтобы этого не делать. И все мы, как и люди, подвержены ее воздействию. Кто-то больше, кто-то меньше... Риату – один из сильнейших воинов моего народа, поэтому может находиться в двухстах шагах от трона. Для остальных граница возможностей лежит гораздо дальше. И, как правило, большинство моранов не способно отойти далеко от двери – чем ближе к трону, тем тяжелее им устоять на ногах.

Я прикинула расстояние до выхода и невольно вздрогнула. Вот теперь понимаю, почему здесь такие огромные помещения...

Но это что же получается? Все мораны с рождения обладают устойчивостью к энергии Смерти, и чем она выше, тем легче нелюди пользуются ее силой. Соответственно становятся хорошими воинами. Скорее всего, дольше живут и имеют более высокий статус в обществе.

Те же, кто не способен долго сопротивляться Смерти, наоборот, живут меньше, ведут себя проще и занимаются не благородным воинским делом, а, скажем, разводят скот, обеспечивают подземный мир продовольствием... и, видимо, из них выбирают послов, которые ведут переговоры с нами? Просто по той причине, что энергии Смерти в этих моранах немного, и для нас они почти не опасны.

Правящий род выделяется в отдельную касту, потому что в нем испокон веков рождаются наиболее устойчивые мораны. Именно кто-то из числа этих нелюдей периодически вступает на трон. И именно на плечах правителей лежит наибольшая ответственность за сохранность как нижнего, так и верхнего миров. А поскольку энергии Смерти в них содержится больше всего, то они представляют опасность даже для своих, поэтому вынуждены постоянно носить доспехи, жить в специально оборудованном, тщательно защищенном от разрушительной магии дворце, постоянно соблюдать дистанцию при общении со всеми остальными и испытывать массу трудностей в вопросах продолжения рода.

– К женщинам это тоже относится? – осторожно спросила я, пытаясь осознать жутковатую правду.

Повелитель Таалу качнул головой:

– Определенная устойчивость у них, конечно, имеется, иначе наша

раса не смогла бы выжить, но энергию Смерти способны хранить в себе только мужчины. Уровень сопротивляемости определяет их статус в нашем мире.

– И ближе, чем Риату, никто не способен к вам приблизиться?

– За исключением моего брата Раалу, – подтвердил владыка. – Его возможности лишь немногим уступают моим, поэтому он может подойти вплотную.

– Хорошо, а как насчет меня? – озадачилась я. – Почему я могу находиться рядом с вами и не испытывать никакого дискомфорта?

Повелитель одарил меня еще одним задумчивым взглядом.

– Этого я не знаю. Но меня бесконечно удивило, что ты смогла пройти дальше Риату. А то, что у тебя получилось взобраться на пирамиду, вообще не поддается логическому объяснению.

Я опешила:

– Тогда зачем вы велели мне туда подняться?!

– Я отдал приказ не тебе. Это было разрешение встать с колен для Риату.

Я чуть не поперхнулась от такого ответа. А потом торопливо перебрала в памяти события вчерашнего дня, проанализировала все, что тогда случилось, и наконец поняла, почему повелитель был так шокирован, когда увидел меня на вершине.

Да я просто помереть должна была, пока туда залезала! В лучшем случае – свалилась бы у подножия, задыхаясь от боли! А я мало того что свободно протопала через весь зал, так еще и до самого трона дошла, всего лишь малость запыхавшись после подъема!

«Может, я и устала вчера именно из-за этого? – ошарашенно подумала я, когда все странности сложились в четкую картинку. – И подъем именно поэтому дался так тяжело? Но, с другой стороны, сейчас ведь я себя нормально чувствую! Наверное, это мать-богиня хранит меня от его силы. А раз так, то, надеюсь, она и дальше не оставит без помощи».

Я нервным движением сжала притихшую метлу. А потом глубоко вздохнула и, наконец, приняла решение:

– Хорошо, я помогу вам выбрать невесту. Но у меня будут два условия.

– Каких? – тут же встрепенулся владыка.

– Я хочу увидеть своих сестер. И еще мне нужно пообщаться с вашим оракулом, если он, конечно, до сих пор жив.

Повелитель Таалу думал недолго:

– Я устрою тебе обе встречи. Но не сразу. С оракулом ты сможешь пообщаться хоть завтра, а к ведьмам тебя отведут дня через два.

– Почему такая задержка? – нахмурилась я. – С моими сестрами что-то не так?

– Просто встреча с оракулом займет немало времени, и перед этим я еще должен буду его подготовить. После встречи ты, скорее всего, почувствуешь себя неважно и вряд ли сможешь совершить прогулку по подземелью. А сегодня во дворец прибывают мои невесты, так что ты понадобишься мне здесь.

Не успел моран договорить, как двери в тронный зал снова распахнулись, и на пороге возник молчаливый Риату, за спиной которого виднелось несколько человеческих силуэтов.

Владыка при виде них повелительно махнул рукой и, развернувшись, направился к пирамиде, без всякого усилия начав утомительный подъем наверх.

Я проводила его глазами, все еще силясь понять, зачем ему понадобилось забираться на такую верхотуру, но тут от дверей послышался испуганный вскрик, и, судя по раздавшемуся шуму, кто-то из гостей очень некстати грохнулся в обморок.

Озадаченно повернувшись, я в недоумении уставилась на особ женского пола, бестолково толпящихся у входа. Всего их было одиннадцать – предположительно знатных моранок, одетых в свободные, одинаково белые одежды. Двенадцатая безвольной куклой лежала на руках очень кстати подскочившего Риату, тяжело дышала и время от времени вздрагивала, словно ее терзала немилосердная боль.

– Уведите ее, леди не прошла предварительный отбор, – послышался со стороны пирамиды бесстрастный голос владыки, и страж шустро уволок обмякшее тело прочь. Дверь за ним тут же закрылась, не дав новоприбывшим (если, конечно, у кого-то было такое намерение) задать стрекача.

Я от такого поворота событий в который уже раз за сегодняшний день опешила, а повелитель Таалу, продолжая подниматься, так же бесстрастно велел:

– Подойдите.

Поскольку девушки находились далеко, деталей я, разумеется, не разглядела, тем более что все невесты носили длинные платья «в пол» и густые вуали, надежно закрывающие лица и волосы. Однако кое-что о представительницах расы моранов я все же смогла выяснить.

В частности, все они оказались небольшого роста, примерно на полголовы ниже меня и где-то на голову ниже своего владыки. Все были

коренастыми, с довольно широкими плечами, сравнительно небольшой грудью, роскошными бедрами и удивительно тонкими талиями, нарочито подчеркнутыми изящными плетеными поясами. Все до единой, как выяснилось, понимали наш язык, потому что одинаково быстро отреагировали на отданный на эль-лилле приказ. А еще они, похоже, не носили каблуков и умудрялись не производить при перемещении ни малейшего шума.

«Словно привидения какие-то», – подумала я, следя за тем, как девушки неслышно скользят над полом. Их белые подола при этом жутковато развевались, усиливая ощущение парения, а из-под вуалей то и дело показывались черные, длинные, идеально прямые пряди, из чего я заключила, что мораны, скорее всего, поголовно белокожи и темноволосы. Что в принципе было объяснимо.

А еще я обратила внимание на другое – не все дамы смогли отойти далеко от двери. Три были вынуждены остановиться в пяти шагах от парадного входа. Еще четыре леди сумели пройти примерно треть расстояния до того места, где стояла я. И только одна смогла преодолеть половину, после чего все леди, как по команде, изобразили почтительные реверансы и замерли в крайне неудобных позах.

По в моей руке нервно дернулась, а повелитель Таалу поднялся на вершину пирамиды и уже оттуда, усевшись на белоснежный трон, бросил:

– Можете подойти ближе.

Я чуть было озадаченно не поскребла затылок кончиком такой же озадаченной метлы, но увидела, что девушки, послушно выпрямившись, сумели сделать с десяток дополнительных и весьма неуверенных шагов. Затем еще раз смерила взглядом расстояние от трона до двери и от двери до подножия пирамиды. Прикинула кое-что в уме, посчитала. И только после этого сообразила, что владыка забрался наверх не потому, что ему так хотелось – он просто максимально увеличил расстояние до подданных, чтобы не доставлять им лишнего неудобства. Ну и о себе, разумеется, заботился, чтобы не приходилось каждый раз надрывать глотку, пытаясь донести свою мысль до тех, кто не был способен отойти далеко от входа.

– Леди Нораатис, приступайте, – приказал владыка, когда стало ясно, что дальше невесты не пройдут.

Я покачала головой, покрепче ухватила за метлу и послушно направилась к дамам, до сих пор не слишком представляя, что именно буду с ними делать.

Нет, насчет предсказаний и того, что мы умеем ощущать беду, повелитель действительно не ошибся. Как и насчет того, что наше

прозрение срабатывает исключительно с другими. Но не с собой. Правда, даже это не давало никаких гарантий, хотя, возможно, деталей владыка просто не знал.

Приблизившись к самой стойкой леди, я окинула ее беглым взглядом и неуверенно обернулась.

– Мне нужно взять девушку за руку.

С пирамиды донесся резкий щелкающий звук, прозвучавший как удар хлыста, и невеста поспешно задрала рукав и подсунула мне под нос изящное запястье.

«Порода определенно чувствуется, – мельком подумала я, осторожно обхватив его пальцами правой руки и предварительно переложив метлу в левую. – Кожа очень нежная. Пальцы изящные. Косточки хрупкие... даже странно, что при таких мощных бедрах девушки настолько тонкие. Может, у них под платьями что-то подложено?»

Окинув фигуру леди быстрым взглядом, я, к сожалению, не смогла ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Зато совершенно неожиданно наткнулась на такой же настороженный, внимательный и до крайности цепкий взгляд из-под белой вуали и мысленно присвистнула.

«Ого. А кажется, леди не рада меня здесь видеть!»

Моранка, правда, молчала, но и мне нечего было сказать. Я только заметку сделала в памяти и, сжав запястье покрепче, ненадолго прикрыла глаза.

Холод... холод в эмоциях, в душе, даже в теле... словно беззвездная ночь накрыла будущее этой девушки, не позволяя мне заглянуть глубже. Ни мыслей, ни чувств, ни тревог... словно их кто-то стер, не озаботившись оставить ни единого следа. Одновременно с этим я очень отчетливо поняла, что неприятна леди. И, некоторое время подождав, с облегчением отпустила ее руку.

– Дальше, – непреклонным тоном велел повелитель, когда я обернулась, планируя поделиться с ним впечатлениями.

Ну, дальше так дальше. Я обошла застывшую в недоумении невесту и отправилась к следующей в надежде, что хотя бы с ней что-то прояснится.

И снова – холод. Глухая тишина в эмоциях и полностью закрытое будущее. Ни беды, ни счастья, ни радости, ни горя... словно передо мной стояло не живое существо, а самая обычная кукла.

Одним словом, пустышка.

Не дожидаясь нового окрика, я отпустила вторую девушку и направилась к третьей, уже держащей наготове обнаженное запястье. Без особой надежды коснувшись его, я, как обычно, прикрыла глаза и... едва не

отшатнулась.

Смерть. На девушке лежала самая настоящая печать Смерти, которая появляется в аурах всех обреченных незадолго до гибели. Причем печать была настолько яркой, что меня аж прострелило от макушки до копчика, мгновенно выморозив все нутро. Это было страшно. Больно. От открывшейся жути меня так скрутило, что я едва удержала рвущийся наружу стон. И, с трудом разорвав контакт, потратила немало времени, чтобы отдышаться и прийти в себя.

Отвыкла я от таких испытаний. Уже лет пять ничего подобного не видела. И, признаться, была бы рада не видеть вообще никогда, потому что последний человек, у которого была похожая печать, умер настолько жутко, что мне до сих пор по ночам снились кошмары.

Но откуда печать могла появиться у самой обычной женщины? И что должно случиться с бедняжкой, раз ее пометила сама Смерть?!

– Дальше! – повысил голос повелитель, когда я во второй раз к нему обернулась, не зная, как поступить. – Делай свою работу, ведьма! О результатах доложишь позже!

Проклятый моран...

Он, конечно, не в курсе, что прозрение – это тяжкая работа даже для верховной, не говоря уж о простой ведьме. Касаясь чужого будущего, мы тратим много сил. Но еще больше тратим их на то, чтобы чужие проклятия, беды и горести не коснулись нашей собственной судьбы. Еще не хватало – перетягивать на себя чьи-то роковые ошибки!

Знала бы я, что именно сегодня ему приспичит устроить проверку, заранее подготовилась бы. К примеру, отпросилась на часок наверх, чтобы подпитаться от солнца. Или камешек-накопитель с благодатью использовала... есть у меня один, про запас. Но нет, вчера господин владыка смолчал, а я теперь страдай, мучайся. И гадай про себя, на сколько хватит моих стремительно тающих сил.

Утерев со лба холодный пот, я отступила от обреченной невесты и, стиснув зубы, по очереди обошла оставшихся. Поскольку зал был большим, а девицы стояли на приличном расстоянии друг от друга, на это ушло немало времени. Когда я закончила, едва держалась на ногах, а платье у меня на спине промокло так, что его можно было выжимать.

Наверное, если бы не По, я бы свалилась прямо там, у дверей, надеясь, что кто-нибудь подберет меня по дороге. Да только гордость не позволила, так что пришлось устало опереться на рукоять метлы и, подняв на пирамиду измученный взгляд, едва слышно прошептать:

– Я закончила...

В ту же секунду двери снова отворились, и возникший на пороге Риату недвусмысленным жестом велел невестам выметаться из тронного зала. Девушки, почти одновременно сорвавшись с места, торопливо, но все так же бесшумно выплыли в коридор. А последняя, проходя мимо меня, кинула из-под вуали еще один пристальный взгляд. И было в нем столько злорадства и презрения, что я заставила себя выпрямиться и мысленно пожелала ей... уйти. Причем далеко и очень-очень надолго.

От Риату мне тоже достался мимолетный взгляд. К счастью, не унижающий, а сочувствующий, после чего двери так же тихо закрылись. Но как только створки сошлись до конца, меня кто-то бесцеремонно ухватил за плечо. Причем с такой силой, что я от неожиданности охнула и со всей доступной скоростью развернулась, заноса для удара метлу.

Одновременно с этим из-за двери раздался слаженный женский визг. А еще через миг – подозрительный шум, будто кто-то из стражников споткнулся и с размаху рухнул на пол, загремев тяжелыми доспехами. Но именно это и спасло владыку Таалу. Хвала богине, в последний момент моя рука дернулась, и рвущаяся в бой метла промахнулась, иначе ходить бы повелителю с громадным синяком на физиономии. А так ему только по плечу досталось, да и то – несильно, поэтому дипломатического скандала не случилось.

Другой вопрос заключался в том, каким образом этот нелюдь сумел здесь так быстро оказаться. До пирамиды-то топтать прилично. Нормальный человек даже бегом не успел бы. Да и на крыльях, наверное, не добрался бы. Видимо, неподалеку от трона есть тайный ход. Или же мы очень мало знаем о моранах. Хотя в данный конкретный момент мне на это было, если честно, начхать.

– Что ты увидела? – нахмурился повелитель, когда я устало опустила рвущуюся в бой По и, по-стариковски согнувшись, оперлась на нее, как на клюку. – Тебе удалось хоть что-нибудь рассмотреть?

Я угрюмо промолчала. Мне было так плохо, что даже говорить не хотелось.

– Ты увидела что-нибудь определенное? – продолжал настаивать моран, но я только прикрыла глаза и без сил опустилась на пол, выпустив из рук отполированную рукоять. – Эй, ведьма!

– Богиней прошу: уйдите...

– Тебе что, плохо? – озадачился нелюдь, додумавшись наконец до чего-то умного. А когда я не ответила, наклонился, обеспокоенно заглядывая в мои затуманенные глаза, в которых еще стояло последнее видение. После чего неуверенно коснулся перчаткой моей щеки и, стерев со скулы

влажную капельку, едва слышно уронил:

– Прости.

Я не стала возражать, когда это бестолковое чудовище подхватило меня на руки и куда-то понесло. И ни слова не сказала, когда оно на удивление бережным жестом отвело с моего лица выбившуюся из прически прядку. Уронив потяжелевшую голову морану на грудь, я безучастно обмякла в его руках и невидящим взглядом смотрела в пустоту. Туда, куда обычный человеческий взор проникнуть был не в состоянии и где одна за другой стремительно менялись реалистичные до ужаса картинки...

Глава 4

В себя я пришла, судя по всему, нескоро – вокруг снова было темно. Причем очнулась я оттого, что услышала яростно спорящие голоса. Вернее, те странные шипяще-щелкающие звуки, которые заменяли моранам нормальную речь.

Кто и почему спорил, я, разумеется, не поняла. Но один из нелюдей был явно рассержен, и его голос звучал намного громче, а второй моран, напротив, излучал нечеловеческое спокойствие и неколебимую уверенность в собственной правоте. Причем спор, судя по всему, начался давно и закончился, к моему удивлению, внезапно – отрывистым, больше похожим на удар хлыста, щелчком, шелестом одежд, в котором прямо-таки сквозило невысказанное раздражение, и звуком быстро удаляющихся шагов, вслед за которым послышался шорох открываемой двери.

В темноте мелькнула и тут же пропала полоска света, из чего я с облегчением заключила, что снаружи все-таки день, а не ночь. А еще через пару мгновений из темноты донеслись тяжелый вздох и звук отодвигаемого кресла.

Осознав, наконец, где и в каком виде нахожусь, я несколько озадачилась: судя по всему, владыка притащил меня в собственный кабинет. И уложил на стоящий у стены диванчик, как покойницу в гроб – на спину, с выпрямленными ногами, да еще и аккуратно прикрыл подолом кончики остроносых туфель. Правда, вместо свечки в руках у меня была зажата старательно прикидывающаяся мертвой метла, но сути дела это не меняло.

– Как ты себя чувствуешь? – раздался из темноты знакомый голос, и возле дивана сгустилась плотная тень.

Я с кряхтеньем села и мрачно воззрилась на стоящего у дивана повелителя.

– Как раздавленный клоп. Разве не похоже?

– Мне жаль, – снова вздохнул он. – Не думал, что для тебя это будет так тяжело.

По под моей рукой сердито дернулась, но я вовремя ее придержала. А потом щелкнула пальцами, создав в воздухе небольшой световик^[4] – не люблю, знаете ли, темноту. Непонятно, кто в ней находится, и, что самое важное, я не видела его лица.

Повелитель в то же мгновение отпрянул, резко отвернулся и

прошипел:

– Аш-ш! Слиш-шком ярко!

– Ох, прошу прощения, – спохватилась я, убавила яркость до минимума и отбросила световик за спину морана. – Я забыла, что вы плохо переносите свет. Так лучше?

Владыка с ворчаньем обернулся:

– Да. Но впредь не вздумай зажигать свет без разрешения, а то без магии оставлю. И без головы заодно.

– Простите, больше не буду, – повинулась я.

– Что ты увидела? – все еще недовольно осведомился повелитель, пододвигая стоящее рядом кресло и бесцеремонно усаживаясь напротив. – Среди претенденток есть кто-нибудь, кто мне подойдет?

Я помрачнела:

– Да. Две последние девушки, что стояли недалеко от входа.

– Уже неплохо, – с нескрываемым облегчением выдохнул моран. – Хотя я надеялся, что после первого отсева их останется больше.

– С остальными я ничего не поняла, – хмуро призналась, приставив свою буйную метлу к дивану. – Если насчет первых двух я абсолютно уверена, что они будут жить долго и счастливо, то у других четырех претенденток будущее вообще неопределенно, словно они – новорожденные младенцы и сами не знают, чего хотят, а оставшиеся... боюсь, они скоро умрут.

– Все пятеро? – насторожился повелитель.

– Да, – мрачно подтвердила я. – Над ними висит печать Смерти.

И вот тут моран неожиданно усмехнулся:

– Так это же замечательно!

Я уставилась на него с плохо скрываемым раздражением:

– Что значит замечательно?! По-вашему, смерть – это благо? Даже если дело касается ваших подданных?

– Нет, – снова усмехнулся владыка. – Просто ты неправильно поняла свою задачу. Мне не нужны невесты, которых ждет прекрасное светлое будущее – это не те девушки, которые могут составить мне пару. Насчет тех, у кого будущее неопределенно, тоже пока неясно, но со счетов их сбрасывать не станем. А вот те, кого отметила Смерть... неужели ты еще не догадалась?

Я вздрогнула.

– Смерть – это вы...

– А значит, те, кого она пометила, и есть мои настоящие невесты, – довольно кивнул моран. – Что ж, пятеро подходящих и четверо вероятных

кандидаток – это очень хороший результат. Намного лучше, чем ожидалось. Нам будет из кого выбирать. Когда ты сможешь повторить процедуру?

– Вы обещали показать мне оракула, – напомнила я. – И еще я должна увидеть сестер.

– Значит, послезавтра, – задумчиво заключил моран и поднялся с кресла. – Хорошо. Время пока есть, поэтому торопить тебя я не стану. Так что отдыхай, восстанавливайся...

– Интересно, как? Может, у вас тут кусочек солнца в подвале припрятан? Или есть еще какой-нибудь источник, который поможет вернуть мои силы?

Владыка в ответ на мой ядовитый тон едва заметно поморщился.

– Раалу правильно заметил, что ты слишком дерзка для ведьмы... и подходящего источника у нас действительно нет. Однако кое в чем я все-таки смогу тебе помочь.

Запоздало сообразив, что, кроме родного брата, рядом с носителем Смерти больше никто не способен находиться, а значит, именно он спорил с повелителем, я сделала мысленную зарубку – выяснить, чем Раалу был так недоволен. Спорили ведь они, наверное, из-за меня. И из-за отбора невест, который я начала проводить совершенно неподготовленной.

– Идем, – уронил повелитель, решительно отворачиваясь и направляясь вглубь кабинета. – Только убери свет – он режет мне глаза.

Спохватившись, я погасила световик и шустро подскочила с диванчика, но тут же охнула и пошатнулась от внезапно накатившей дурноты.

Вот же дмурт! Совсем забыла, что тут не верхний мир, и мне понадобится больше времени, чтобы вернуть силы!

От слабости меня качнуло в сторону. Нога, как назло, зацепилась за нехстати попавшееся на пути помело, и я едва не полетела на пол. Но, хвала богине, меня вовремя подхватили под локоть. А затем незнамо как оказавшийся рядом повелитель с раздражением осведомился:

– Ты что, специально это делаешь?!

Я подняла голову и неосторожно заглянула ему в глаза. На свету они выглядели действительно жутко, но сейчас, в темноте, таящийся в них мрак неожиданно расцвел сотнями крохотных серебристых огоньков. Как вкрапления слюды на арках в соседней комнате. Или блики солнца на застывших в траве капельках росы.

Моран тоже замолчал, пристально разглядывая меня, словно впервые увидел. А когда я нехстати подумала, что он очень даже симпатичный для нелюдя, быстро наклонился и, прежде чем я успела среагировать, шумно

втянул ноздрями внезапно сгустившийся воздух. После чего так же быстро выпрямился и торопливо отвернулся, пряча проступившее на лице престранное выражение.

– Что это было? – с подозрением осведомилась я, когда владыка отпустил мой локоть и, отойдя на шаг, почти растворился во тьме.

– Ты странно пахнешь... для человека, – неохотно отозвался он, на мгновение остановившись. – Сама идти можешь?

Я скептически фыркнула:

– А у меня есть выбор? Или вы снова меня понесете?

Повелитель неопределенно повел плечами и промолчал. Но когда я шагнула следом за ним, все же протянул руку и медленно, словно сомневаясь в правильности принятого решения, предложил:

– Можешь опереться.

Я с еще большим подозрением покосилась на закованное в сталь предплечье, но, недолго поразмышляв, все-таки решила не выпендриваться. Ноги-то меня держали плохо, а восстановиться было жизненно необходимо, так что без посторонней помощи никак не обойтись. Подхватив метлу в левую руку, правой я осторожно ухватила за плечо морана и так – тихонько про себя матерясь и прихрамывая сразу на обе ноги – поковыляла к выходу.

К счастью, далеко идти не пришлось – повелитель привел меня не в другой конец дворца, а в ту самую комнату с арками, которой я недавно восхищалась. Привыкнув к темноте, на этот раз я смогла получше рассмотреть рисунки на стенах и вскоре с изумлением поняла, что они имитируют лес. С выточенными из камня растениями, обвивающими арки лианами, прячущимися за старательно обведенными листьями птицами и даже, если я правильно рассмотрела, со сделанными с невероятным искусством насекомыми, среди которых преобладали необычайной красоты стрекозы и бабочки.

Если приглядеться повнимательнее, становились заметными даже крохотные фигурки муравьев, снующие вверх и вниз по каменным веткам. Настороженно сверкающие слюдяными глазами осы. Так что при определенной фантазии можно было подумать, что вот-вот станет слышно, как шелестит листва, и увидеть, как начинает оживать и по-настоящему дышать этот удивительный, запечатленный в камне мир.

Неужели вот это и есть обитель самого страшного существа всего подземного царства?!

– В чем дело? – отреагировал повелитель, когда я споткнулась, и настороженно на меня воззрелся. – Что-то не так?

Я уцепилась за его руку понадежнее и медленно покачала головой. А когда мы продолжили путь, в какой-то момент не удержалась и все-таки провела рукой по искусно обработанному камню, дабы окончательно убедиться, что все это действительно настоящее. Любовно выточенное, тщательно отшлифованное и доведенное до немыслимого совершенства.

– Чья это работа? – зачарованно спросила я, когда стало ясно, что иллюзией тут даже не пахнет.

– Это важно?

– Передайте мое искреннее восхищение мастеру, – совершенно серьезно ответила я, отходя от стены. – Не знаю, как именно это сделано, но его работа великолепна.

Владыка усмехнулся и, отпустив мою руку, указал на центр зала:

– Подожди меня там.

После чего отступил куда-то в сторону и ненадолго пропал в темноте. А через несколько мгновений над моей головой что-то приглушенно зарокотало, сходящиеся под потолком арки раздвинулись и стали похожи на распустившийся цветок. И оттуда вниз ударил тончайший лучик самого настоящего, невозможного в этом подземном царстве солнечного света. Восхитительно яркий, волшебный... просто спасение для качающейся на грани обморока ведьмы.

Громко ахнув, я бросилась в ту сторону и буквально нырнула в свет, с наслаждением подставив ему лицо и руки. Живительное тепло благодатной волной прокатилось по телу, мгновенно растворяя усталость и даря новые силы. Смывая беспокойство, избавляя от страхов и тревог, успокаивая, благословляя и наполняя искренней благодарностью к тому, кто дал мне возможность хотя бы на миг вернуться домой.

Повернув сияющее лицо, я хотела сказать затаившемуся в тени морану «спасибо», но внезапно увидела, во что превратил пещеру солнечный свет, и в который раз за последние пару дней обмерла.

Щедрые вкрапления изумрудов в мгновение ока превратили окаменевший лес в волшебную сказку. Таинственный блеск опалов придал ему удивительную глубину. Загадочные блики рубинов вдохнули жизнь в глаза порхающих между листьями бабочек. А украшенный россыпью бриллиантов потолок стал похож на настоящее звездное небо.

– Богиня-мать... – прошептала я, пораженно озираясь и все еще не веря, что такое действительно возможно. – Как это сделано? Кем? Какой волшебник сумел создать такое чудо?!

– Тебе нравится? – тихо спросил из темноты повелитель.

– Это потрясающе!

– Мой брат с тобой не согласился бы, но я всегда считал, что истинную красоту подземелий способен оттенить лишь природный свет. Поэтому и велел проделать выход на поверхность.

– Как это работает? – запрокинула я голову, с любопытством всматриваясь в то место, откуда лился солнечный свет. – До неба же далеко!

– Отверстие довольно узкое, но прямое, – пояснил моран. – И в обычном состоянии его перекрывает сразу несколько каменных перегородок, которые при необходимости можно отодвинуть.

– А как вы умудряетесь направлять лучи сюда? Чтобы пробиться сквозь такую толщу земли, пришлось бы вырыть огромный колодец, а у вас всего-то небольшая труба.

– Зеркала, – со смешком отозвался невидимый в темноте владыка. – Вдоль тоннеля установлены самые обычные зеркала, которые позволяют доставить свет без искажений. К тому же они поворачиваются, так что шириной светового пучка можно управлять. И сделать, например, вот так...

Я невольно зажмурилась, когда сверху на меня обрушился целый сверкающий водопад, а потом снова запрокинула голову и счастливо рассмеялась. Мне было безумно хорошо в этом свете. Я наконец-то почувствовала, что живу. Дышу полной грудью. Почти летаю. И могу сейчас гораздо больше, чем обычная белая ведьма, ведь сила богини – вот она, под самыми руками. Только протяни ладонь и бери.

В этот момент тяжелый камень над моей головой глухо зарокотал, и благодатный поток иссяк так же внезапно, как и появился. Ненадолго оживший зал погрузился в крошечную тьму, сошедшиеся вместе арки вновь превратились в каменный монолит. А из темноты бесшумно проступила массивная фигура, после чего на мое плечо легли твердые мужские пальцы, а знакомый голос тихо осведомился:

– Надеюсь, ты восстановилась?

Я кивнула:

– Да. Благодарю вас.

– Тогда Риату проводит тебя в гостевые покои. К встрече с оракулом нам лучше подготовиться заранее.

Я хотела было возразить, что прекрасно себя чувствую и вообще готова мчаться хоть на край света ради встречи с мифическим прорицателем-мораном, но повелитель уже развернулся и направился к выходу. На этот раз руки он мне не предложил.

По возвращении в гостевые покои я с приятным удивлением

обнаружила, что в комнате нас ожидает сюрприз. Точнее, два сюрприза. В лице самых обыкновенных человеческих девушек, которые при нашем появлении одновременно улыбнулись и присели в почтительном реверансе.

– Леди Ринаре и Альнаре помогут вам здесь устроиться, госпожа Нораатис, – сказал «мураш», когда я изумленно застыла на пороге. – Леди Ринаре находится слева от вас, леди Альнаре справа. Наш язык они понимают довольно неплохо, поэтому трудностей с переводом быть не должно. Они же будут приносить вам еду, а также обеспечат одеждой и всем остальным, что вам может понадобится.

Я изумленно воззрилась на служанок.

Как это?! Человечки?! Здесь?!

Стоящая слева Ринаре, словно почувствовав мой взгляд, подняла голову и снова улыбнулась. На этот раз – понимающе, если не сказать что с хитринкой. Симпатичная, кстати, девочка. Стройная, с густой русой косой, очаровательными ямочками на щеках и большими серыми глазами.

Альнаре оказалась не такой смелой и, пока я не разрешила, взгляда от пола не оторвала. Но и она выглядела миловидной, хоть и бледненькой, как если бы очень долго не видела солнца. Ее светлые волосы были заплетены в такую же тугую косу, как у подруги. Свои серо-зеленые глаза она все время норовила опустить, смущенно хлопая длинными ресницами. Но в целом на обеих было приятно посмотреть. Знаете, такая простая, домашнему милая и неброская красота, которая всегда привлекает зрелых, неглупых и ценящих семейный уют мужчин.

Когда за мораном закрылась дверь, я в некоторой растерянности воззрилась на девиц:

– Та-а-ак... и каким, позвольте спросить, образом вас занесло в подземный мир?

Девушки беспокойно переглянулись.

– Вас что, похитили? – нахмурилась я, мысленно уже представляя, сколько всего выскажу повелителю при следующей встрече.

А красотки вдруг поспешно затрясли головами:

– Нет-нет! Что вы, госпожа ведьма!

– Мы сами! Нас никто не неволил!

– Что значит «сами»? – грозно осведомилась я, сердито стукнув по полу помелом. – И почему, если вас не держат здесь силой, вы до сих пор не вернулись домой?!

– Беда у нас случилась, госпожа ведьма, – тихонько пискнула светленькая Альнаре. – Уже лет пять как у нас больше нет дома. И родных тоже нет. Поэтому мы и решили остаться.

– У нас даже супруги теперь есть, – с нескрываемой гордостью добавила Ринаре. – Причем очень хорошие.

Я воззрилась на девиц в полном обалдении:

– Вы что же это, выскочили замуж за нелюдей?!

– А что такого? – пробормотала Альнаре, снова опуская глаза и заливаясь густым румянцем. – Нормальные мужчины... добрые, заботливые, внимательные. Не то что наши дурни деревенские, от которых порой только оглоблей отбиться можно.

– Эти хоть не дерутся, не сквернословят, не обижают, – тут же подхватила Ринаре. – А когда у нас в деревне нежить объявилась, не королевские воины ее перебили, а мораны. Ночью, когда стая гулей с погоста налетела и большую часть наших пожрала. Меня едва живую из когтей вырвали. Сюда принесли, подлечили, позаботились. Так чего ж не согласиться, когда спаситель замуж позвал?!

Честное слово, у меня от таких новостей чуть разрыв сердца не случился.

Что еще за гули, которые бродят по людским землям целыми стаями?! Почему королевские разъезды не успели помочь, и вместо них это пришлось делать нелюдям?!

– Мы на самой окраине жили, госпожа, – словно подслушала мои мысли Альнаре. – Рядом болото, лес...

– А на нас демоны напали, – добавила Ринаре. – Если бы не Врару, я бы тоже не выжила. А теперь у нас свой дом, семья, детки малые...

Что?! Еще и дети?!

Вот уж когда мне окончательно поплохело.

Богиня-мать, это что же за дела такие творятся, если нелюди начали к нашим девкам свататься?! А как же их сила?! А Смерть, что должна была отметиться в аурах этих девчонок?!

С похолодевшим сердцем я схватила Альнаре за руку и прислушалась к себе. Минуту ждала, другую... Однако, как ни удивительно, ничего плохого так и не ощутила. Ничего, кроме отголосков тихого счастья, до краев наполнившего загадочную девичью душу, и невероятно сильного, основанного на полнейшем доверии, чувства, которое эта светлая девочка испытывала к своему мужу-морану.

Но почему же тогда повелитель говорил, что в подземном мире люди почти не приживаются?! И почему он уверял, что рано или поздно их сила начинает нас убивать?!

– Если не прикасаться к морану, это не так опасно, – тихо сказала Альнаре, когда я подняла на нее недоверчивый взгляд. – Но в браке

прикосновений не избежать, поэтому мораны редко обращают внимание на смертных. Когда же оказалось, что мы любим друг друга, Врару пришлось выбирать. И он выбрал меня, попросив повелителя закрыть для него источник силы. После этого муж перестал считаться воином и превратился в простого смертного... и наши дети тоже родились обычными. Они уже никогда не займут место возле повелителя. Не смогут пользоваться энергией Смерти и не поднимутся выше того статуса, что у них есть сейчас. Но благодаря этому я буду спокойно жить и умру в положенный мне срок. Благодаря этой жертве мы счастливы. И даже владыка не в силах этого изменить.

– Мораны не так плохи, как нас всегда уверяли, госпожа, – с неожиданной грустью добавила Ринаре. – Мой муж тоже отказался от силы, чтобы мы могли быть вместе. Да, без энергии Смерти он потерял статус и привилегии, которые у него были... но я никогда его не оставлю, госпожа, потому что знаю – у моранов любовь случается лишь однажды. И никто и никогда не будет любить меня так же, как он.

Час от часу не легче...

Я медленно опустилась на первое попавшееся кресло и в шоке уставилась в сумрак перед собой.

У нас и моранов может быть совместное потомство...

Какой кошмар! Ведь это означает, что при всех внешних различиях, во всем остальном мы невероятно похожи. Правильнее сказать, опасно похожи! Настолько, что это может представлять угрозу! Конечно, врожденная магия нелюдей препятствует брачному союзу с жителями верхнего мира, но при большом желании, как оказалось, даже ее можно обойти!

Правда, вряд ли повелитель соизволит отказаться от своей силы в пользу невесты, от которой по большому счету только и требуется, что родить ему наследника. На время ей помогут в этом брачный обряд и любовный эликсир. А дальше...

Что с ней случится дальше? И не потому ли над теми девушками повисла печать Смерти?

Обхватив руками голову, я надолго застыла.

А что, если невестой для владыки должна стать не одна моранка, а несколько? Что, если несколько кандидаток необходимы ему, так сказать, про запас? К примеру, если с первой невестой что-нибудь случится, и она не сможет выдержать исходящей от повелителя силы, то всегда найдется вторая. Затем третья... и так до тех пор, пока все они не перемрут, или пока не останется только та, которая с гарантией сможет выносить ему сына.

Я так понимаю, варить эликсир мне придется только для девушек – о том, что ему самому это может понадобиться, владыка почему-то не говорил. А значит, во время обряда он никаких эмоций испытывать не будет и, судя по всему, не больно-то к этому стремится. Да и зачем, если жена нужна лишь на время? Выносит, выроdit, и ладно. А к следующему всплеску, который случится, наверное, через пару-тройку десятилетий, Раалу устроит для брата новый отбор невест, и все повторится по новой...

– Госпожа, что с вами? – обеспокоенно спросила Ринаре, когда я тяжело вздохнула и закрыла руками глаза. – Госпожа Нораатис!

– Вам плохо?! – всполошилась и вторая девушка.

Я медленно покачала головой.

– Тогда чем вам помочь? Давайте, мы принесем ваши новые платья?

Я снова вздохнула, отчего-то чувствуя глухую досаду на себя и нешуточное раздражение на повелителя. Но потом все-таки встряхнулась и решительно стукнула метлой по полу.

– Нет. С одежкой разберемся позже. Нас ведь никто не торопит?

– Нет, госпожа, – удивленно отозвались девчонки. – Владыка не передавал, что хочет видеть вас этим вечером.

– Тогда садитесь, – велела я, придвигая ногой второе кресло. – Давайте-давайте, не стесняйтесь, потому что мне надо с вами поговорить.

Девочки замялись, но все же послушно присели на самый краешек, благо сиденье было достаточно широким.

– Как скажете, госпожа. Что именно вас интересует?

– Я хочу знать, что, как и когда с вами обеими случилось, и как именно вы очутились в подземном мире. А еще меня интересуют мораны... их обычаи, повадки, традиции, нравы. Словом, все, что вы способны о них рассказать.

Глава 5

Девушек я отпустила только тогда, когда стены во дворце заметно потускнели, что недвусмысленно сообщало о приближении ночи.

За это время мы успели о многом поговорить, как следует познакомиться, пару раз вкусно поесть и даже примерить загодя доставленные платья. После чего я милостиво разрешила красавицам удалиться, а когда за ними закрылась дверь, без сил рухнула на постель и закрыла глаза.

Неугомонная По, которой и так весь день пришлось изображать из себя благовоспитанную метелку, тут же плюхнулась рядом, стараясь прижаться ко мне потеснее. Я машинально обхватила ее рукой, и мы какое-то время просто валялись, размышляя каждая о своем.

Мои мысли, разумеется, крутились вокруг моранов. Я думала о том, как они живут, чем дышат и почему у них все не так, как у людей.

По этой теме Ринаре и Альнаре поведали немало, причем большая часть полученных сведений была совершенно новой для меня. В частности, то, что мораны заселили не весь подземный мир, а лишь сравнительно небольшую его часть, которую то и дело приходилось отвоевывать у обитающей здесь намного более многочисленной, чем у нас, нежити. Что именно поэтому в Морале (так называлось их царство) имелись особые привилегии для касты воинов. И, скорее всего, потому же среди моранов рождалось гораздо больше мужчин, чем женщин.

Кстати, о местных жительницах мои помощницы отзывались не очень хорошо. Как выяснилось, оказавшиеся в центре мужского внимания местные дамы были несколько... избалованы. И, как следствие, довольно капризны. Причем настолько, что ради их благосклонности регулярно устраивались кровавые поединки и даже проводились своего рода состязания, условия которых озвучивала сама невеста. Победитель, как водится, получал все, но при этом даже в замужестве моранки нередко диктовали мужьям свою волю. Озабоченные необходимостью иметь наследника мужчины чаще всего шли на поводу у своих вторых половинок, которых, кстати, проклятие «одноразового» чувства почему-то не касалось.

Еще девчонки поведали немало интересного об особенностях имен местных жителей. Как выяснилось, по имени можно определить, какого моран роду-племени, с кем он жил и успел ли завести детей.

Естественно, все я запомнить не смогла, но самое важное для себя

уяснила. В частности, то, что двойная гласная в имени означает принадлежность морана к знати, а если это одна и та же гласная, то к высшей знати. Причем чем ближе к началу алфавита буква, тем выше статус обладателя имени. Вплоть до правящего дома, представители которого были единственными, кто имел право носить в имени двойную букву «а». Как, скажем, Таалу.

Еще я узнала, что окончание «ре» в имени женщины указывает на ее замужество, как и «ру» в мужском имени – на женитьбу. По сочетанию некоторых согласных можно определить наличие и пол рожденных в браке детей. А по общей длине имени – примерный возраст морана и даже... прости господи... количество постоянных половых партнеров.

Конечно, человеческих имен многие вещи не касались, но общий смысл сводился к тому, что в течение жизни моран мог несколько раз сменить себе имя. И если ему при рождении дали, к примеру, имя Риат, то в зрелом возрасте он мог бы зваться Риату; после женитьбы сменил бы имя на Риару, которое с рождением первенца приобрело бы приставку «ро» или «ра» в начале или в конце имени – в зависимости от пола ребенка.

Но, что меня поразило больше всего, Ринаре и Альнаре хором подтвердили, что человек среди моранов проживает немало. Более того, все они пришли сюда добровольно, все до единой счастливо жили в браке и терпеливо растили сразу по несколько детей, от которых мужья-мораны были без ума.

Отношение к семье и детям у этой расы почему-то оказалось намного более трепетным, чем у людей. Ни один моран, если верить девчонкам, никогда не поднял бы руку на женщину. Ни один не посмел бы ударить ребенка. Более того, они не делали различий между чистокровными моранами и полукровками, а единственное, что мешало последним по жизни – это исходно низкий социальный статус. Как и у всех, кто постоянно проживал в Морале, но не имел врожденного дара сдерживать энергию Смерти.

Насчет самого повелителя я девчонок пытаться не стала – они никогда его не видели и понятия не имели, как и кем проводится отбор невест. Единственное, что они знали точно, что владыка – сильнейший маг подземного мира. И что рядом с ним простые смертные долго находиться не могут.

– Даже мораны начинают болеть, если долго живут во дворце, – пояснила Ринаре, когда я задала ей терзавший меня вопрос. – И они так же, как и мы, быстро стареют и умирают. Поэтому службу здесь несут самые стойкие воины из числа высшей знати. Но и им приходится делать

перерывы, сменяя друг друга примерно раз в месяц.

– А как же вы? – озадачилась я. – Для вас это тоже может быть опасно.

– Нас попросили о помощи, – пожала плечами девушка. – Поскольку вы здесь надолго не задержитесь, то особой опасности мы не видим. Потерянный месяц или даже год жизни не такая большая плата за то, что обретут наши мужья после этого.

Я понятливо кивнула.

Что ж, оно и правильно. Раз уж моранам так дороги их женщины, то владыке наверняка пришлось немало пообещать тем, кто согласится отпустить сюда жен. Да и самим женам, думаю, начислят неплохой гонорар, так что, может, девчонкам и стоило рискнуть. К тому же я не особенно привередливая госпожа, и трудностей со мной быть не должно. Ну а если мы не сойдемся во мнении, они всегда смогут вернуться домой, так что, пожалуй, мне не стоит забывать, что девушки – не служанки, а добровольные помощницы. И вести себя с ними надо соответственно.

Когда в комнате окончательно стемнело, я со вздохом поднялась с постели и, воспользовавшись мудреной техникой моранов, принцип действия которой мне недавно объяснили все те же девочки, впервые за два дня по-настоящему привела себя в порядок. После чего снова забралась в постель и, накрывшись одеялом, честно попыталась уснуть.

Сон, как назло, не шел. Видимо, слишком много сил я хватанула от солнца. Поэтому вместо спокойных снов мне, как обычно, мерещилась всякая муть. А время от времени растревоженное сознание возвращалось к напугавшим меня этим утром видениям, заставляя раз за разом переживать не самые приятные ощущения и мысленно гадать, почему же именно сейчас они решили вернуться.

Да, я не сказала моранам главного – не только из-за отбора невест мне сегодня поплохело.

Проблема предчувствий в том и состоит, что порой невозможно угадать, из-за кого тебя вдруг накроет. Хороший или плохой, умный или дурак, могущественный король или обычный ребенок... не ведьма выбирает, какие видения ее посетят, и кого именно они затронут. Определяющим фактором обычно является внутренняя сила стоящего рядом человека. И чем сложнее и запутаннее нити его судьбы, тем тяжелее нам, ведьмам, с ними расстаться.

А владыка Таалу – очень сильный мужчина. Правитель, маг, просто огромной воли моран... поэтому нет ничего странного в том, что, помимо невест, я нечаянно заглянула и в его будущее. Конечно, краешком глаза, но все-таки подсмотрела самый трудный и опасный момент в его жизни. Едва-

едва коснулась нитей судьбы, но этого оказалось достаточно, чтобы свалить с ног не самую слабую ведьму.

«Владыка скоро умрет, – отстраненно подумала я, раз за разом вспоминая его посеревшее, искаженное мукой лицо, больше похожее на посмертную маску. – Носитель он Смерти или нет, но он тоже не вечен. И если я правильно все поняла, то его срок уже подходит к концу».

Где это будет, как, когда именно случится... и почему именно мне довелось это увидеть, я не знаю. Мы, к сожалению, не контролируем свои предчувствия. Но последний взгляд умирающего владыки Таалу я, наверное, не забуду никогда. Как и его лицо, расчерченное пугающе глубокими морщинами и трещинами. Истончившуюся кожу, больше похожую на облетающие с засохшего цветка лепестки. Тоненькую струйку крови, стекающую вниз по узкому подбородку. И хриплый, полный невыносимого страдания голос, в котором отчетливо звучало только одно слово:

– Уходи...

Интересно, чувствуют ли мораны приближение собственной смерти? И если да, то знает ли повелитель, что его время заканчивается? А если мы с нелюдями похожи даже в этом, и он действительно не в курсе, то должна ли я ему об этом сообщить? Или же это будет воспринято как угроза?

Так и не придя ни к какому конкретному выводу, я все же закрыла глаза, перевернулась на бок и наконец-то уснула. Но даже во сне меня упорно преследовали пугающие видения и настойчивый хриловатый голос, то и дело зовущий по имени.

Первое, что я увидела, открыв глаза, – воинственно вздыбленное помело, мелко вибрирующее над постелью. Туда-сюда, туда-сюда... причем так быстро, что за ним нелегко было уследить.

Чуть дальше обнаружилась и причина столь неуравновешенного состояния боевой подруги. А именно – господин Риату собственной персоной, который невесть зачем приперся ко мне в спальню и с явной опаской следил за исполняемой исключительно для него пляской смерти.

– Эй, у вас тут что, вообще стучать не принято? – хриловатым со сна голосом осведомилась я, когда поняла, наконец, что к чему. – И в покои к дамам разрешается врываться без предупреждения?

Несколько потрепанный мужчина перевел на меня растерянный взгляд:

– Госпожа, вы живы?!

– А что, были какие-то сомнения?! – в свою очередь изумилась я и

села на постели, неловко придерживая на груди сползающее одеяло.

По, взмахнув помелом в последний раз, яростно крутнулась вокруг своей оси и плавно опустилась на пол, дав мне ухватиться за рукоять.

– Я... я не знаю, госпожа. Простите, – неожиданно отступил моран, одновременно склоняясь в глубоком поклоне. – Владыка срочно пожелал вас видеть, но вы не ответили на стук, поэтому я счел возможным потревожить вас лично.

– Да? А девушек, которых вы мне вчера оставили, нельзя было попросить разбудить меня? – ядовито осведомилась я, кутаясь в одеяло.

– По условиям контракта они не ночуют во дворце.

– И поэтому вы решили, что можете спокойно зайти ко мне в спальню?! – Я спустила ноги на пол и раздраженно махнула свободной рукой. – Прекрасно! Просто прекрасно! Господин Риату, я в восторге от ваших обычаев!

Метла сердито шваркнула помелом по полу, и моран, не разгибаясь, попятился к выходу.

– Еще раз прошу прощения за вторжение, госпожа, но должен сообщить, что ваш артефакт изволил оказать сопротивление...

– Скажите спасибо, что ей запрещено без приказа нападать на живых!

По снова гневно шваркнула, на этот раз – гораздо ближе к нелюдю, и тот попятился еще дальше.

– Я очень старался ее не повредить, – уже из-за двери отозвался Риату. На что я только фыркнула и, наконец, встала.

– Если бы вы повредили По, я бы вам шлем до самых пяток натянула. И как долго, спрашивается, вы изволили сюда стучаться?

– Не меньше получаса, госпожа, – смиренно отозвался нелюдь из соседней комнаты.

– Тогда почему я этого не слышала?

– Возможно, потому, что... у вас слух не такой острый, как у моранов?

– Bravo! – невольно восхитилась я, подходя к шкафу и отбрасывая одеяло в сторону. – Какая гениальная догадка! Очень жаль, что она не пришла в вашу голову немного раньше!

Из-за двери донесся тяжелый вздох.

– Вы правы, госпожа Нораатис. Я снова допустил непростительную оплошность. Но вчера вы слишком долго пробыли у повелителя. И я решил... то есть мне показалось, что это могло негативно отразиться на вашем здоровье.

Порывшись в шкафу, я кое-как влезла в первое попавшееся платье из числа тех, что принесли девчонки, и принялась раздирать образовавшийся

на голове за ночь колтун.

Нет, ну надо же, а? Интересно, у всех ведьм такие проблемы, или мне несказанно повезло заполучить это рыжее богатство, имеющее свойство каждое утро превращаться в воронье гнездо?

– Ничего на мне не отразилось, – пробурчала, ожесточенно работая расческой. – Хотя никто и не знает почему. А что вашему повелителю от меня понадобилось в такую рань?

– Он планировал показать вас сегодня оракулу. А поскольку тот отвечает на вопросы только в утренние часы, владыка распорядился привести вас как можно раньше.

Я так и замерла с занесенной над головой расческой.

– Что ж вы сразу-то не сказали?!

С нечеловеческой скоростью приведя себя в порядок, я молниеносно влезла в любимые синие туфли, наплевав на то, что с зеленым платьем они совсем не сочетались, и буквально вылетела из спальни, по пути чуть не снеся Риату с ног.

– У нас ведь еще есть время? Мы же не опоздали, да? А если и так, то не может ли ваш оракул сделать для меня одно ма-а-аленькое исключение?

Риату спокойно поднял шлем, который выронил при столкновении, и с достоинством выпрямился.

– Время еще есть, госпожа. Поэтому я взял на себя смелость заказать вам завтрак.

– К дмурту ваш завтрак, – нетерпеливо отмахнулась я, протягивая руку. Оставленная в спальне По тут же прыгнула в ладонь и воинственно встрепенулась. – Идемте. Поесть я и потом могу, а встреча с оракулом промедления не терпит.

Риату молча поклонился. И так же молча вышел, бережно придерживая на груди загадочно поблескивающий шлем. А я торопливо выскочила вперед, с перепугу обогнав даже молчаливую стражу и очень надеясь, что все-таки не заблужусь в этих изогнутых, ненормально похожих друг на друга тоннелях. И не стукнусь обо что-нибудь головой на особо крутом повороте.

На этот раз идти нам пришлось чуть ли не в два раза дольше, чем до кабинета владыки. Я аж притомилась, пока цокала на каблуках рядом с неторопливо вышагивающими моранами. Они, как обычно, игнорировали все мои вопросы и вообще присутствовали скорее «для антуражу», ведь, если подумать, нападать на меня в этих наполненных Смертью чертогах было некому. Ну, за исключением владыки, конечно.

Когда по коридорам загулял вполне ощутимый ветерок, я, честно

говоря, удивилась. Откуда тут взяться ветру, если мы под землей?

Когда впереди появилось слабое, не похожее на обычное дворцовое освещение, свечение, я опять удивилась. А когда следом за моранами вышла на некое подобие террасы, чуть не упала от изумления, потому что до этого дня искренне верила, что подземное царство – это нечто вроде самого обычного, хоть и расположенного в толще земляной тверди, муравейника.

Но, как выяснилось, подземный мир... по крайней мере, видимая его часть, являлся одной гигантской пещерой. А вернее, сетью пещер, плавно перетекающих одна в другую и соединенных специально возведенными для этого каменными перемышками. Причем глубина основной, так сказать, «пещеры» была невероятной. Исполинский колодец, которым она передо мной предстала, имел бесчисленное количество уровней и уходил вниз настолько глубоко, что не было видно дна. С каждого уровня вверх и в стороны расходились узкие каменные мостики, лестницы, уступы, по которым шустро сновали человеческие фигурки. Освещение, правда, оказалось скудным, но общую картину я все-таки ухватила. А когда подошла к краю террасы, вдоль которой шел невысокий, украшенный изящными барельефами бортик, и осторожно взглянула вниз, то чуть не пошатнулась.

Мать-богиня...

Оказывается, дворец владыки действительно был выточен в огромной скале, основание которой уходило глубоко в землю, а вершина упиралась в свод пещеры. Внутри, надо думать, скалу вдоль и поперек изъели тоннели и коридоры, которые разветвлялись на десятки тысяч ходов. При этом громадный фасад превратили в гигантскую лестницу, состоящую из расположенных друг над другом просторных, но однотипных террас, усеянных одинаковыми колоннами. А та, на которой стояла я, располагалась примерно посередине этого монументального строения.

– Хорошего вам дня, госпожа Нораатис, – с хитрой улыбкой сказал Риату, одновременно с этим надевая шлем. Стоящая за его спиной молчаливая четверка дружно отдала честь, синхронно развернулась и, блистая начищенными доспехами, потопала в обратную сторону.

Я проводила нелюдей понимающим взглядом и прислонилась плечом к ближайшей колонне. Все правильно: если они уходят, значит, повелитель уже близко. И значит, мне не придется ждать визита к оракулу слишком долго.

Так оно и оказалось.

– Тебе идет этот цвет, – буквально через пару минут раздался у меня за

спиной знакомый баритон.

Я обернулась, запоздало вспомнив о приличиях, отвела метлу в сторону и изобразила неглубокий реверанс. А повелитель, на этот раз возникший из открывшегося в соседней стене проема, сделал несколько шагов навстречу и остановился, внимательно изучая меня непроницаемо черными глазами.

Что уж он во мне такого загадочного углядел, не знаю – с По моран уже успел познакомиться, так что удивляться вроде не должен. Хотя, возможно, цветовое восприятие подземных жителей несколько отличалось от нашего, поэтому нежно-салатовое платье с богатой вышивкой и множеством оборочек пришлось повелителю по душе.

Я неловко кашлянула:

– Благодарю. Мы уже можем идти?

Владыка Таалу только усмехнулся, а затем неожиданно предложил мне руку. А я, хоть и удивилась, все же не рискнула от нее отказаться. И, предварительно убедившись, что перчатка на месте, осторожно ухватилась за чужой локоть кончиками пальцев.

Признаться, я была уверена, что мы сейчас начнем долго гулять по бесконечным дворцовым коридорам и попутно беседовать о том о сем, благо обстановка к этому располагала. Даже старательно продумала, каким образом и какие именно сведения вытяну за это время из высокопоставленного собеседника. Уже составила подробный план. Все подготовила, наметила темы для задушевного разговора. Однако планам моим не суждено было сбыться, поскольку моран вовсе не собирался уходить далеко. А открывшаяся в стене при его приближении полукруглая ниша заканчивалась... как ни странно, тупиком.

Ведомая самым опасным в двух мирах нелюдем, я благополучно туда зашла и озадаченно завертела головой, надеясь, что поблизости откроется другой выход. Однако вместо этого каменная дверь в стене просто снова закрылась, оставив нас в крошечной тьме. А потом пол у меня под ногами самым настоящим образом провалился...

Честное слово, я не вскрикнула только потому, что от неожиданности перехватило дыхание. Я только судорожно выдохнула и машинально вцепилась в первое, что попало под руку – в насмешливо хмыкнувшего морана. А почувствовав, что мы стремительно падаем, инстинктивно к нему прильнула, как к единственной опоре в этом непонятном, жутковатом и совершенно непредсказуемом мире.

– Не бойся, – издал негромкий смешок владыка, крепко обхватив меня за талию. – Дворец слишком велик, чтобы я мог себе позволить

перемещаться по нему пешком. Иногда это, конечно, случается, но спуск на двенадцать ярусов обычным способом занял бы много времени.

Я с трудом взяла себя в руки, но отцепиться от морана так и не рискнула.

– Ч-что это?

– Всего лишь устройство для быстрого подъема и спуска внутри скалы.

– Это магия? – несколько успокоилась я, поняв, что мы больше никуда не падаем, а, скорее, парим. И при этом довольно плавно спускаемся внутри узкой каменной шахты.

Повелитель шумно вдохнул:

– Магия лишь приводит в движение механизм. А принцип его работы сводится к использованию естественных свойств самого воздуха, который в горячем состоянии всегда стремится подняться вверх, а когда остывает, наоборот, опускается вниз.

– У вас же нет обычных магов, – мгновенно насторожилась я. – Каким образом вы заставляете диски двигаться?

Моран снова хмыкнул:

– Ты права – среди моих соотечественников простые маги действительно не рождаются. Но их вполне достаточно на поверхности. И многие из них охотно соглашались на нас работать, а кое-кто даже остается насовсем. Естественно, за хорошую плату.

Вот же дмурт! А мы даже не в курсе, что сотрудничество людей и моранов настолько тесное! Причем не первый год и не только в том, чтобы обучить жителей подземного мира нашему родному языку! Ладно обычные люди, но маги! Впрочем, мораны наверняка внесли в магический договор пункт о неразглашении. Я, если бы захотела сохранить факт договора в тайне, на их месте так бы и поступила. И обязательно прописала в этом пункте срок – пожизненно.

Через некоторое время я все-таки осмелилась посмотреть себе под ноги, но в темноте так ничего и не увидела. В шахте царила кромешная тьма, в которой слабому человеческому глазу было просто не за что зацепиться. Оставалось лишь довериться высокопоставленному морану и надеяться на то, что каменный диск под нами случайно не перевернется и не зацепится краями за стены этой проклятой шахты.

– Не стоит, – быстро проговорил повелитель Таалу, когда я все-таки попыталась отстраниться и вытянула руку с метлой в сторону. Его пальцы властно перехватили мое запястье и требовательно прижали к закованной в доспех груди. Прямо вместе с дрогнувшей от удивления По. – Скорость

довольно большая, так что если не хочешь остаться без артефакта – не шевелись.

Я снова застыла, не смея ни отступить от повелителя, ни отнять руку от его груди. Вскоре ощущение падения вновь усилилось, словно дурацкий диск уже не парил, а просто-напросто падал во тьму. Подол моего платья начал едва заметно приподниматься, будто снизу в него поддувал сквознячок, а сама я все отчетливее ощущала, что еще немного, и совсем взлечу.

Если бы не моран и его руки, крепко прижимавшие меня к себе, я бы, наверное, и впрямь полетела. Но повелитель держал крепко. Надежно. И стоял на мелко вибрирующем диске совершенно неподвижно, как самая настоящая скала.

Надо признать, всю свою прежнюю жизнь я не особенно нуждалась в помощниках. У меня не было нужды искать чьей-то защиты или покровительства. Я всегда держалась сама по себе и даже в самых сложных вещах старалась обходиться собственными силами.

Но сейчас, рядом с повелителем, я вдруг почувствовала, что это не так уж и плохо – знать, что кто-то есть рядом. Кто-то, с кем совсем не страшно. Кто, не спрашивая моего согласия, по доброй воле согласится стать моей опорой. Поддержкой. И тем самым мужчиной, который в трудную минуту сумеет меня поддержать.

Это было настолько необычно, ново... и так удивительно приятно, что через какое-то время я все-таки успокоилась. И незаметно даже для себя расслабилась, смиренно положив голову морану на плечо.

Мне показалось, прошла целая вечность, прежде чем окутавшее нас молчание нарушилось едва слышным, идущим из глубины шахты гулом.

Подняв голову, я вопросительно взглянула на владыку, но тому, кажется, было совершенно не до меня и моих переживаний – прикрыв глаза, повелитель Таалу тихо и размеренно дышал, словно не существовало в этот момент ничего важнее. При каждом вдохе его ноздри едва заметно трепетали. Глазные яблоки под плотно сомкнутыми веками беспрестанно двигались. На лице морана застыло отрешенное выражение, поэтому я не рискнула его потревожить. Просто стояла и молча смотрела. До тех пор, пока диск у нас под ногами не дернулся, а ощущение падения не исчезло.

– Прибыли, – с ноткой сожаления сообщил моран, открывая глаза.

На миг наши взгляды встретились, и я снова заворуженно замерла, с восхищением рассматривая мерцающие в глубине его глаз серебристые точки. Но почти сразу его руки разжались. Моран отвел взгляд и нахмурился, словно что-то в происходящем ему не понравилось. А еще

через миг кусок стены перед нами плавно отъехал в сторону, открывая очередной убегающий вдаль и уже привычно погруженный в полумрак коридор.

Выйдя первым из шахты, владыка Таалу обернулся и, хоть я совсем этого не ждала, все же протянул мне руку. А когда я без колебаний за нее ухватилась, едва заметно вздохнул и тихо сказал:

– Идем. Здесь совсем недалеко.

Глава 6

Повелитель не обманул – идти действительно пришлось лишь до первого поворота. За ним я увидела короткий прямой коридор, а в самом его конце – очередную каменную дверь, возле которой нас ждал Раалу, нетерпеливо меряющий шагами пространство от стены до стены.

При виде меня брат повелителя остановился и, оглядев с ног до головы, свел брови к переносице:

– Этого еще не хватало. Брат, ты сошел с ума?!

Я озадачилась. В чем дело? Что его не устраивает?

Но моран почти сразу перешел на родной язык, повелитель что-то довольно резко ответил, и понимать происходящее я перестала окончательно. Кроме того, что Раалу чем-то не понравился мой наряд, а владыке не понравилось, что брат сделал по этому поводу замечание.

Чем уж морану не угодило ни в чем не повинное платье, я не знаю. На мой взгляд, оно было весьма приличным, не лишенным определенного шарма и к тому же довольно дорогим.

Насколько мне известно, с текстилем у подземников дела обстояли не лучшим образом, поэтому большую его часть они закупали у жителей верхнего мира. С другой стороны, ткань, из которой сшили само платье, изначально показалась мне несколько странной. Слишком тонкой для обычного шелка, поразительно легко тянущейся в области лифа и блестящей, словно в нее вплели нити тончайшей паутины.

У нас, наверху, я ничего подобного не видела. Выходит, это – продукт местного производства?

А потом заметила, что черные одежды Раалу сделаны из того же материала, и кое-что до меня, наконец, начало доходить.

– Хватит! – внезапно отрезал повелитель, когда брат прошипел-прощелкал что-то особенно резкое. – Будь добр в присутствии гостыи говорить на понятном ей языке!

– Ты совершаешь ошибку, – сбавил тон Раалу, снова одарив меня неприязненным взглядом. – Она не по праву надела эти одежды.

Гм. Значит, дело все-таки в платье. Может, проблема в цвете? В фасоне? Или в самом материале, который, к примеру, положено носить только высшей знати?

– Ведьма не проходит отбор, – хмуро отозвался владыка, незаметно сжимая мою руку. – Но она может быть нам полезна, поэтому я счел

нужным позаботиться о ее защите. Тебе не хуже меня известны свойства саала.

Я наострила уши.

Саал? Что еще за саал? Это он о материале?

– Но она не вправе его носить, – упрямо набычился Раалу. Однако повелитель сделал резкий жест свободной ладонью, и его брат неохотно умолк.

– Идем, – обратился ко мне владыка, ненавязчиво подталкивая к двери. – Оракул ждет.

Я только вздохнула.

Ну и какого, спрашивается, рожна повелитель Таалу подарил мне платье, предназначенное для невесты? Разве что от безысходности? Наверное, других платьев во дворце просто не держат. А то, может, их даже нашили специально к отбору. Недаром же у них лиф так тянется – на любой размер налезет. Удобно, особенно если не знаешь габаритов нареченной.

Ведомая нахмурившимся владыкой, я послушно приблизилась к единственной двери и уже не удивилась, когда створки сами по себе начали открываться. Но вот когда изнутри пахнуло могилой, меня, надо признаться, передернуло.

Близость смерти нетрудно ощутить. Для таких, как я, она сродни внезапному порыву ветра, донесшегося из склепа и принесшего с собой запах тлена, пыли и чего-то неуловимо тревожного, от чего на мгновение замирает сердце. Когда человеку еще только-только грозит беда, этот запах едва заметен. Когда беда уже близко, даже слабая ведьма ее почувствует. А если невидимый меч занесен над чьей-то головой и вот-вот сорвется вниз, это ощущение становится таким острым, что хочется сбежать.

Именно такой запах я ощутила, когда перешагнула порог комнаты.

При этом само помещение оказалось на удивление небольшим. Всего-то шагов двадцать в длину и столько же в ширину. Причем большую его часть занимала просторная, застеленная белоснежными тканями и упирающаяся в противоположную стену кровать под роскошным балдахинном. Ни единого окна здесь почему-то не имелось. Дверь – лишь та, через которую мы вошли. Из освещения – тускло горящий светильник у входа. А когда дверь за нашими спинами закрылась, его слабо трепещущий огонек дернулся и окончательно погас, резко усилив охватившее меня гнетущее чувство и создав впечатление, что здесь, во тьме, есть кто-то еще, помимо нас и умирающего оракула.

– Подойди, – вдруг послышался из темноты надтреснутый старческий

голос. Разумеется, на эль-эллиле, так что неправильно понять было невозможно.

Я непроизвольно поежилась, когда одновременно с этим усилился и запах тлена, но все же заставила себя отпустить руку повелителя и сделала несколько неуверенных шагов.

Дмурт... ни демона же не видно! Моранам темнота наверняка не мешает, но мои глаза напрочь отказывались видеть. Вот уж когда мне пригодилась По – используя ее вместо клюки, я как слепая двинулась вперед, медленно и осторожно нащупывая пол перед собой, потом помело уперлось во что-то твердое, а тот же самый голос требовательно велел:

– Сядь.

Делать нечего. Так же осторожно нащупав край постели, я деликатно на ней примостилась, стараясь не думать, как это выглядит со стороны. Возбужденно вибрирующую метлу на всякий случай переложила в левую руку, а затем вопросительно воззрилась на то место, где должна была быть голова оракула.

– Зачем ты здесь? – проскрипел он.

– Хочу задать вам несколько вопросов...

– Тебе это ни к чему, – закашлялся, словно от смеха, прорицатель. – Ты ведь и сама способна найти ответы, не так ли?

Я ничуть не смутилась.

– Возможно. Но с вами это будет намного проще.

– Тоже верно, – одобрительно хмыкнул невидимый в темноте старик. – Только я не собираюсь облегчать тебе задачу.

– Почему? – искренне огорчилась я. – Вам что, жалко?

– Мой дар – это свеча, которая уже едва тлеет, – прошелестел он. – И ее нельзя зажечь по заказу. Оракул видит будущее, только когда в этом есть острая необходимость. И не видит, если изменить уже ничего нельзя. А у меня остались силы лишь на одно предсказание.

– Почему же вы тогда согласились со мной встретиться?

– Ты знаешь, что наш повелитель скоро умрет?

Я вздрогнула от неожиданности и быстро обернулась, но в темноте силуэты моранов были почти не видны, не говоря уже о выражении их лиц. Но, судя по всему, они не особенно удивились, так что это даже хорошо, что я смолчала о своем предчувствии. Полагаю, о своей смерти Таалу и без меня уже был извещен.

– Все мы когда-нибудь умрем, – осторожно ответила я, пытаюсь понять, куда клонит оракул. – Это неизбежно.

– Да. Но, как я уже сказал, далеко не любое будущее я могу увидеть.

Я напрягла извилины, а По неуверенно шевельнула помелом.

– Если вы видите только то, что может измениться... получается, повелителя еще можно спасти?

– Да.

– Хорошо. – Я перевела дух. Мысль о том, что для Таалу не все так безнадежно, принесла некоторое успокоение. – И как же это сделать?

– Ты знаешь, кто я? – неожиданно спросил оракул и вдруг без предупреждения сел. С невероятным трудом, едва ли не со скрипом... но так неожиданно, что я инстинктивно отшатнулась, одновременно заноса руку с метлой для удара. Предсказатель оказался настолько близко, что я наконец-то сумела его рассмотреть, а источаемый им запах тлена стал поистине непереносимым.

Нервно сглотнув, заставила себя поставить По на место и во все глаза уставилась на прорицателя – старик был не просто дряхлым... он выглядел так, словно его не одну тысячу лет терзала тяжелая болезнь. Высохший почти до костей. Белокожий. Абсолютно седой. С запавшими щеками, сморщенным ртом и изборожденной сотнями морщин кожей... почти мертвец, в котором каким-то чудом еще держалась жизнь. Или нежить, которую мы с сестрами столько лет старательно уничтожали. Только глаза у него еще оставались живыми – большие, заметно потускневшие от времени, но все еще хранящие остатки тех самых огней, которые я так часто видела у повелителя Таалу.

– Что, хорош? – усмехнулся беззубым ртом оракул, когда я стиснула пальцами белоснежные простыни и с трудом заставила себя остаться на месте. – А ведь когда-то я был почти так же силен, как нынешний владыка. Во мне тоже когда-то жила Смерть. Я был ею, ведьма. Слышал ее зов. Стремился уберечь от нее моих близких... но не смог. Не успел. За что сейчас и расплачиваюсь.

У меня по спине побежал холодок.

Ничего себе! Это что же получается... когда моран слабеет, он превращается вот в ЭТО?!

– Наша сила похожа на воду, – прошептал оракул, напряженно всматриваясь в мое лицо. – И, оказавшись в живом теле, все время пытается выбраться на волю. Пока сосуд молод и надежен, ей некуда из него деться. Но как только он начинает стареть, Смерть потихоньку просачивается наружу, попутно расширяя образовавшуюся трещину. А когда ее остается меньше половины, она уходит с последним, самым мощным по силе всплеском... после нее можно найти лишь черепки.

Я зябко передернула плечами:

– Зачем ей вообще куда-то уходить? Сидела бы себе и сидела на какой-нибудь жердочке...

– Смерть как змея. В поисках гнезда она исследует множество сосудов, но по известной тебе причине лишь немногие из нас подходят ей для убежища. Найдя нужный сосуд, она заползает внутрь и на какое-то время затихает. После этого сосуд остается лишь закрыть крышкой и спокойно выдохнуть.

– Вы говорите о Смерти как о живом существе, – пробормотала я, с трудом сдерживаясь, чтобы не отсесть подальше от страшного старика.

А тот неожиданно рассмеялся:

– Так и есть, ведьма. Все мы воспринимаем Смерть по-разному, но при этом точно знаем, что она все слышит, видит и чувствует. А еще питает некоторую слабость к опустевшим сосудам, поэтому иногда дарит им напоследок некую толику своих сил. Так сказать, в награду за службу.

– Что это дает?

– Долгую жизнь, – чуть заметно пожал плечами оракул. – И возможность иногда заглядывать в грядущее. Но мы не прозреваем все... только обрывки. И лишь то, что так или иначе связано с НЕЙ.

Я уставилась на оракула широко раскрытыми глазами.

– Вы видите Смерть...

– Лучше, чем кто бы то ни было.

– Но тогда почему оракул всего один? Ведь так или иначе энергией Смерти владеют все мораны.

Старик жутковато улыбнулся.

– Пока Смерть ищет новый сосуд, она многих касается невидимой дланью. Метит тех, кто способен ей противостоять. На миг, на час, на день или на всю жизнь... Смерть уважает стойких. Но не всех она одаривает своей милостью. И только тем, кто был ею избран, доступно предчувствовать гибель остальных.

– Хорошо, допустим, – нахмурилась я. – Какое отношение это имеет ко мне?

– Смерть идет за тобой, ведьма, – прошептал оракул, наклонившись почти к самому моему лицу. – А вместе с тобой она заберет и владыку. Вот что я увидел в грядущем. И вот почему ты здесь.

Надо признать, новость была из разряда скверных. Точнее, она была одной из самых скверных за всю мою насыщенную событиями жизнь.

Нет, то, что я скоро умру, как раз не страшно – у богини-матери для верных жриц припасено немало привилегий, поэтому смерти я не боялась.

Однако тот факт, что вместе со мной умрет повелитель, мягко говоря, настораживал.

– Я же говорил, что ее надо отправить обратно, – внезапно раздался из темноты раздраженный голос Раалу. – Зачем нам ведьма, от которой столько проблем?

Я аж вздрогнула от неожиданности.

Тьфу. Напугал, гад. Но мне теперь хотя бы стало понятно, почему я ему не нравлюсь. Он ведь сильный моран, так? А значит, тоже умеет предчувствовать гибель! Причем, наверное, и свою, и даже родного брата!

Повелитель Таалу ничего не ответил, но я прямо физически ощутила, как он напрягся.

– Что ты видишь, старик? – наконец, спросил он. – Это ведьма меня убьет?

– Она может это сделать, – охотно согласился оракул. – И Смерть обязательно придет за тобой... если ты не найдешь способа ее остановить.

– Я бы предпочел не рисковать, – снова буркнул Раалу из своего угла. – Брат, эту женщину надо изолировать, как и всех остальных.

Повелитель вздохнул:

– А кто будет готовить эликсир? Ты?

– Попробуем достать готовый. Или найдем кого-нибудь еще. Но конкретно эту ведьму надо убрать.

Я скривилась:

– Давайте лучше сразу меня убьем? Это же так просто! А главное, для убийства есть все основания!

– Оракул не лжет, ведьма! Его видения всегда правдивы! – прошипел Раалу.

– Он сам сказал: это лишь то, что может случиться, – парировала я. – Будущее еще сто раз поменяется.

– Смерть придет за вами обоими, – неожиданно спокойно произнес старик, снова опускаясь на подушки. – Это я вижу ясно. Но станешь ли именно ты причиной гибели нашего повелителя, мне доподлинно неизвестно.

– Жрицы богини убивают крайне редко, – сухо отозвалась я, решительно поднимаясь с постели. – Даже сильнейшим из нас нужны веские основания, чтобы отнять у кого-то жизнь. И обычно это случается, когда нам угрожает опасность.

– Мой брат – носитель Смерти, ведьма, – пренебрежительно усмехнулся Раалу. – Естественно, он для тебя опасен. Я вообще удивлен, что он до сих пор тебя не убил.

Я фыркнула и перехватила метлу поудобнее. А то мало ли... вдруг этот болван прямо здесь надумает от меня избавиться?

– Может, он и попытается это сделать. Тогда не будет ничего странного, если я попробую его опередить.

– Ну вот! Что я говорил?!

– Довольно, – оборвал брата повелитель Таалу. – Старик, сколько у меня осталось времени?

– Как и раньше: около месяца плюс-минус несколько дней. Точнее я, к сожалению, не вижу.

– Ты успеешь до этого времени сварить эликсир? – обернулся ко мне владыка.

Я мрачно кивнула.

– А закончить с отбором невест?

– Если у меня будет возможность подпитаться, то да.

– Значит, ты остаешься, – подвел черту повелитель Таалу и требовательно протянул мне руку. – Другой подходящей ведьмы у нас сейчас нет. Чтобы найти ее и заставить сотрудничать, нужно время. А с учетом того, что остальные твои сестры наотрез отказались помогать, не думаю, что мы успеем к сроку. Хотя попробовать все равно стоит... Раалу, займись этим.

Из темноты донеслось недовольное бурчание.

– А ты... – повелитель Таалу быстро подошел и, поскольку я не проявила инициативы, сам ухватил меня за руку, – займешься своей работой. Необходимые ингредиенты мы тебе предоставим. Место для работы тоже выделим. Когда все будет готово, мы закончим обряд. И помни...

Глаза морана жутковато сверкнули.

– Я за тобой слежу.

– Брат, тебе не кажется, что это неразумно? – снова подал голос Раалу. – Правильнее отдалить ее от нас как можно скорее.

– До конца месяца мне ничего не грозит, ты же слышал, – не оборачиваясь, отозвался владыка, все так же пристально всматриваясь в мое лицо, на котором проступило недовольное выражение. – А к этому времени станет ясно, сможет ли ведьма принести нам пользу. Если да, то мы отпустим ее раньше срока и не станем проверять правдивость слов нашего оракула. Если нет, то используем твое предложение и отправим ее вниз, к остальным.

– Как скажешь, брат, – неохотно согласился Раалу. – Я обо всем позабочусь.

А я сердито насупилась.

Может, не надо было настаивать на этой встрече? Как бы после этого хуже не стало. Чего доброго, запрут меня в каком-нибудь подвале и будут выпускать, только когда им что-то понадобится. И хорошо, если при этом меня не закуют в кандалы или не наградят каким-нибудь неприятным, сжирающим силу артефактом.

– Будь осторожнее, ведьма, – неожиданно проскрипел оракул нам в спину. – Богиня одарила своих жриц великой силой, но знай – эта сила доступна не только вам. Твои знания и умения нам скоро понадобятся, но не забывай, что даже у них есть свои границы. Чтобы закончить обряд правильно, тебе придется слушать не головой, а сердцем. Видеть то, о чем не говорят открыто. Страдать. Сомневаться. Болеть душой и быть готовой даже умереть. Но найди в себе смелость пройти этот путь до конца. Не бойся темноты. И запомни: в ней живут не только смертоносные демоны.

После этого с постели донесся долгий прерывистый выдох, словно прорицатель наконец-то выговорился. А затем он затих. И лишь неровное дыхание, с трудом различаемое человеческим ухом, доказывало, что он до сих пор жив.

– Нам пора, – нетерпеливо тронул меня за локоть владыка Таалу.

Я задумчиво кивнула. И позволила себя увести, до последнего не понимая, что же именно имел в виду уставший от жизни старик.

Обратно мы возвращались в гнетущем молчании. Раалу, получив от брата какой-то знак, к моей радости, куда-то свернул и больше не раздражал своей кислой физиономией. А вот с повелителем мы всю обратную дорогу старательно избегали что-либо обсуждать, хотя нам было что сказать друг другу.

– Я пришло за тобой Риату чуть позже, – тихо промолвил моран, когда мы вернулись на террасу. – Лаборатория уже свободна. Надеюсь, в ближайшее время ты успеешь подготовить список ингредиентов?

Я молча кивнула.

– Ты устала? – снова спросил он, когда стало понятно, что разговор я поддерживать не намерена.

Я так же молча пожала плечами и отступила на шаг, собираясь уйти. Благо дорогу я на этот раз все-таки запомнила и, будем надеяться, где-то поблизости уже ждет четверка молчаливых стражей-«мурашей».

Все-таки неудачное у меня выдалось утро. Поспать нормально не дали, от завтрака я сама отказалась. К оракулу вроде бы и рвалась, но после посещения той комнаты на душе словно камень лежал. И все время казалось, что запах смерти въелся в мою кожу. И вьется над нами даже

сейчас, как большое ядовитое облако.

Пойду, наверное, и впрямь отдохну, не то опять всякие гадости начнут мерещиться. А потом еще раз все обдумаю и решу, стоит ли тут вообще оставаться. И имеет ли смысл идти на поводу у нелюдей, которые всерьез планируют от меня избавиться.

– Обычно оракул не ошибается, – в третий раз нарушил молчание повелитель, упорно глядя куда-то в сторону. – Но его предвидения довольно расплывчаты. Что-то из увиденного исполняется, что-то нет... но пока тебе не стоит беспокоиться.

– Угу, – согласилась я, думая совсем о другом. – По крайней мере, на протяжении месяца.

– Да, – вздохнул моран и вдруг поднес мою руку к лицу, совершив при этом глубокий, подозрительно шумный вдох. Глаза его снова закрылись, а на губах мелькнула и пропала едва уловимая улыбка.

– Что-то не так? – насторожилась я, на всякий случай поспешно отдернув укутанную в нежно-зеленую ткань конечность.

Владыка красивым жестом свел брови к переносице.

– Просто не могу привыкнуть к твоему запаху. Он мне... мешает. Хотя, наверное, это нормально, ведь по сути ты – первое разумное существо, с которым я могу общаться так же близко, как с Раалу.

– Вас это раздражает? – забеспокоилась я.

Еще не хватало, чтобы при моем приближении моран впадал в гнев, бешенство или, чего доброго, у него просыпался аппетит! Я ему не враг. И не еда. Хотя, наверное, понять его можно: прожить всю жизнь в стенах каменного дворца и не иметь ни малейшей возможности выбраться наружу, знать, что при твоём приближении даже самые верные подданные разбегутся куда глаза глядят, а кто не успеет, мгновенно погибнет... долгие годы видеть перед собой только зануду-брата, а с остальными общаться лишь с высоты громадной пирамиды...

Наверное, ему и впрямь нелегко. Говорят, с годами одиночество вьедается в кожу и становится насущной потребностью. Такие люди обычно не выносят посторонних. Избегают общения. Прячутся в своих домах, как дикие звери – в норах, и возводят вокруг себя неодолимые стены, которые с наскоку не перепрыгнуть. А порой отчаянно защищаются, опасаясь, что кто-то нарушит их добровольное отшельничество и привнесет в их замкнутый мирок то, чего они десятилетиями старательно избегали.

Настороженно уставившись на морана, я попыталась понять, не влезла ли случайно на запретную территорию, но на его лице отразилась лишь

досада. После чего владыка, наконец, отступил и, все еще хмурясь, покачал головой:

– Здесь другое... я пока не могу в этом разобраться.

– Когда разберетесь, скажете? – еще более настороженно осведомилась я.

Повелитель замедленно кивнул. А потом развернулся и быстро ушел, оставив меня пребывать в глубокой задумчивости и терпеливо дожидаться возвращения охранников.

Глава 7

Едва я успела позавтракать, как двери в гостевые покои распахнулись, и на пороге вновь возник Риату. Правда, на этот раз он был в шлеме, так что я поначалу даже забеспокоилась. И только услышав приглушенный забралом голос, облегченно выдохнула – повелитель сдержал свое обещание, а значит, нам пора отправляться в лабораторию.

– Владыка приказал проводить вас к сестрам по вере, – с порога заявил моран, заставив меня удивленно привстать с дивана.

– Он же сказал, что я смогу увидеть их лишь завтра!

– Что мне передать повелителю? – невозмутимо осведомился моран. – Что вы отказываетесь от его предложения?

Я помотала головой и, подхватив смиренно стоящую возле дивана метлу, решительно направилась к выходу.

– Ни в коем случае. Если он считает, что я должна увидеть их сегодня, значит, для этого появилась причина. Я готова идти немедленно.

Моран молча поклонился и вышел в коридор. После чего знаком велел охране остаться на месте, а сам направился к ближайшей стене и, коснувшись ее ладонью, сделал приглашающий жест.

– Сюда, госпожа. Так будет быстрее.

Недоверчиво покосившись на открывшуюся дверь, за которой виднелось узкое жерло еще одной шахты, я внимательно оглядела стену, но так и не смогла понять, в каком месте скрыт запирающий механизм. Камень выглядел абсолютно ровным, без щелей и каких бы то ни было рун, знаков, надписей или магических схем.

С трудом удержавшись от вопросов, я не без опаски вошла внутрь, а когда дверь снова закрылась, с меньшим трудом заставила себя стоять спокойно. И даже не схватилась за плечо Риату, когда каменный диск под нашими ногами пугливо дрогнул и без предупреждения провалился вниз.

Во второй раз спуститься таким образом оказалось не так страшно. Но я все равно подспудно ждала, что в один прекрасный миг опора внизу исчезнет, и тогда моей единственной надеждой останется невозмутимо молчащий моран. Ну и метла, разумеется, на которую всегда можно положиться.

А еще мне показалось, что на этот раз мы спустились намного глубже, чем этим утром. Я даже успела успокоиться и заскучать, когда диск под нашими ногами снова дрогнул, а затем тихонько ударил по пяткам,

возвещая об окончании движения. Сразу после этого в стене снова открылся проем, и я с невыразимым облегчением выбралась наружу. А когда тяжелая каменная плита без напоминаний встала на место, придирчиво ее изучила и недоверчиво нахмурилась:

– Как вам это удается?

– Что именно, госпожа? – осведомился Риату, проведя ладонью по кажущейся монолитной стене.

– Вот это. Здесь же ни щелочки не видать, ни трещинки. Как вы вообще определяете, где нужно нажимать?

Наверное, под шлемом Риату улыбнулся. Ну, по крайней мере, мне так показалось, потому что его голос заметно смягчился.

– Посмотрите сюда, госпожа. Видите, эта часть стены слегка светится?

Я проследила за его рукой и отрицательно качнула головой.

– Нет. Для меня она везде одинаковая.

– Гм. Тогда приложите ладонь сюда.

Я послушно повторила его жест, настороженно прислушавшись к себе. И несказанно удивилась, обнаружив, что из того места, которого коснулась моя рука, исходила слабая, буквально на грани ощущений, вибрация. Некое напряжение в стене, похожее на то, как если бы внутри нее подрагивала невидимая струна.

Желая убедиться, что мне не почудилось, я передвинула руку чуть правее, затем левее. Немного выше и ниже. И выяснила, что площадь «вибрирующего» участка была сравнительно небольшой – всего в две моих ладони. А высота – примерно на уровне моего плеча.

– Спасибо, – задумчиво проговорила, все еще тщетно пытаюсь разглядеть стыки между плитами. – Но как вам удалось добиться такого плотного прилегания? Тоже магия?

– Отчасти, – кивнул моран. – Сам механизм придумали наши ученые, и зазор между плитами действительно небольшой. Магия лишь сглаживает неровности, облегчая скольжение между плитами, убирает шум и заодно создает видимость монолита.

Ах вот в чем дело!

Я с досадой отступила от стены. Надо было сразу догадаться, что тут присутствует иллюзия. Ну да ладно. Теперь я хотя бы знаю, что искать. Да и сестрам будет интересно про это послушать.

Пока моран вел меня по круто изгибающемуся и уходящему вниз по спирали коридору, я попыталась прикинуть, как можно использовать новое знание. Но, в конечном итоге, пришла к выводу, что раз магия здесь нужна лишь как дополнение, то при необходимости я все-таки смогу

воспользоваться шахтой и самостоятельно. Осталось только выяснить, как регулировать высоту и скорость падения, где-нибудь отыскать план дворца и узнать, каким образом определить, что ты уже достиг нужного этажа.

– Вам сюда, – внезапно остановился моран и указал на небольшое ответвление от основного коридора. Настолько узкое и нарочито грубо вырубленное, что я сразу заподозрила неладное.

И нахмурилась:

– У вас там что, тюрьма?

– Нет. Просто покои для особых гостей.

– И вы со мной опять не пойдете?

– Нет необходимости – дорога всего одна. Не волнуйтесь, госпожа Нораатис, – на этом уровне вам ничего не угрожает.

– Разве это – единственная причина вашего отказа следовать за мной? – настороженно уточнила я.

Риату откровенно заколебался. А затем отступил на шаг и неохотно признался:

– Для ваших сестер мое присутствие может оказаться опасным. К сожалению, они гораздо хуже переносят близость моранов, чем вы, поэтому я предпочел бы дождаться вашего возвращения здесь.

Я нахмурилась еще сильнее, но все же приняла такое объяснение и, кинув на упакованного в доспехи «мураша» подозрительный взгляд, нырнула в слабо освещенный тоннель.

Он и впрямь не походил на обычные дворцовые коридоры. Его стены обработали чересчур грубо, и они еще носили следы от ударов кирки. Потолок был низким и влажным. На полу тут и там виднелись островки плесени, чего я вообще здесь прежде не видела. А идти приходилось медленно и осторожно, все время пригибая голову, чтобы не удариться о торчащие повсюду скальные выступы.

Такое впечатление, что эту часть скалы вырубали вручную. А ход умышленно сделали узким и кривым, чтобы сюда лишний раз не совались. К тому же ближе к выходу потолок стал настолько низким, что последние несколько десятков шагов пришлось преодолевать едва ли не на карачках. Только после этого я наконец выбралась в небольшую пещеру и, с кряхтением распрямившись, огляделась.

Да, это действительно была пещера. Кажется, естественного происхождения и почти не носящая следов присутствия разумных. Большую ее часть занимал наполненный до краев естественный водоем, глубину которого в темноте я откровенно затруднилась определить. На стенах виднелись все те же островки плесени, а местами и мха. Потолок

убегал куда-то вверх и постепенно пропадал во тьме. А единственным источником света являлся висящий у самого входа зажженный фонарь. Самый обычный, старый до невозможности, сделанный из проржавевшего донельзя железа и лишь чудом не угасший в этой дыре.

Углядев неподалеку еще один тоннель, я без колебаний двинулась в ту сторону и почти не удивилась, обнаружив за ним еще одну пещеру. На этот раз – полностью искусственную и носящую на себе явные следы вмешательства моранов. Чистые и сухие стены, испускающие мягкий и приятный глазу свет, знакомый ажурный пол. Напротив входа – целый десяток абсолютно одинаковых, красиво украшенных арок, за которыми угадывались еще несколько комнат... что за чудеса? И для чего понадобилось вырубать в скале столько лишних помещений, если для содержания пленниц вполне достаточно было просто вырыть несколько нор и закрыть их железными решетками?

– Кто здесь? – вдруг послышался из-за ближайшей арки женский голос. Причем не встревоженный, а, скорее, удивленный. И очень-очень хорошо мне знакомый. – Нинайре? Лейре? Вы почему так рано?

Я замерла, когда в проеме показался женский силуэт. А когда женщина подошла ближе, с недоверием присматриваясь ко мне, нервно сглотнула:

– Ильяна, это ты?!

На немолодом, изборожденном глубокими морщинами лице жрицы промелькнули растерянность и непонимание. Она тоже замерла, нервно комкая край бесформенного, явно не по размеру сшитого балахона, и, подслеповато щурясь, пыталась, но никак не могла рассмотреть детали. А когда из моей руки вырвалась По и, подлетев к ней, с нежностью дотронулась до плеча, ее лицо внезапно искривилось, высохшие от старости пальцы задрожали, на глазах выступили слезы, а из груди вырвался не то вздох, не то стон:

– Мать-богиня!

Ильяна вдруг пошатнулась и обессиленно опустилась на колени:

– Нора... ну зачем ты пришла?!

Не выдержав, я сорвалась с места и, подбежав к сестре, крепко ее обняла, зарывшись лицом в совершенно седые волосы. Беспрестанно гладила согнутую, словно под тяжким грузом прожитых лет, спину. С ужасом вслушивалась в сбивчивый шепот и приглушенные рыдания. А когда увидела, как на шум из соседних арок стали появляться другие мои сестры... когда разглядела их ошарашенные лица, такие же седые, как у Ильяны, волосы... когда встретилась с ними взглядом и поняла, что мои боевые подружки близки к отчаянию, я поджала губы и до боли стиснула

кулаки.

Повелитель правильно не хотел показывать мне сестер раньше времени. И правильно решил, что я совершенно не обрадуюсь, когда их увижу. Но он себе даже представить не мог, НАСКОЛЬКО я сейчас была на него зла. И если он немедленно не объяснит, что здесь произошло, то клянусь именем матери-богини – у подземного мира появятся серьезные проблемы.

Когда я ворвалась в покои владыки моранов, внутри было пусто. За письменным столом никого не оказалось, исписанные непонятными закорючками бумаги лежали в идеальном порядке, да и по углам, насколько я могла судить, никто не прятался. Зато дверь в изумрудную комнату оставили открытой, и я, не раздумывая, помчалась туда.

Владыку Таалу я нашла в том самом зале, где еще вчера восхищалась мастерством неизвестного скульптора. Моран стоял у стены и, приложив ладонь к одной из арок, к чему-то напряженно прислушивался. При этом из-под его пальцев тоненьким ручейком сыпались крохотные, неведь откуда взявшиеся песчинки, но в данный момент меня это совершенно не волновало.

– ВЫ! – выдохнула я, свирепо раздувая ноздри. – Вы знали, что мои сестры умирают!

Моран медленно обернулся и, спокойно на меня посмотрев, так же медленно убрал руку от стены.

– О чем ты?

– Они состарились за этот месяц так, словно прожили целую жизнь! А ведь им еще нет и тридцати! – крикнула я, сжимая кулаки, а По встопорщила прутья и свирепо царапнула каменные кружева на полу. – Вы отняли у них силу! И превратили в старух, которые едва способны самостоятельно передвигаться!

Моран чуть заметно нахмурился и надел перчатку.

– Твои сестры проявили враждебность по отношению к моим воинам...

– Конечно! Вы же их похитили и привели сюда силой!

– Ведьмы пытались использовать против нас боевые посохи, поэтому я велел отнять оружие.

– И это их едва не убило!

– Это было необходимо. От этого зависела безопасность моих подданных.

– Но вы же знали, что посохи необходимы нам не только для борьбы с

нечистью! – в отчаянии воскликнула я. – В этих посохах хранится сила богини! Как вы могли допустить, чтобы мои сестры их лишились? Как вы вообще додумались запереть их под землей? Во дворце, где каждый предмет насквозь пропитан энергией Смерти?!

Повелитель нахмурился сильнее:

– Я принял все возможные меры, чтобы их обезопасить. Твои сестры находятся на самом нижнем уровне, рядом с озером, гасящим проявления магии, и под таким слоем необработанного камня, что энергия Смерти до них почти не доходит. К ним никого не допускают, кроме тех, кто не владеет нашей силой. Твои жрицы обеспечены всем необходимым и ни в чем не знают нужды.

Я вспомнила обстановку в комнатах и с горечью покачала головой:

– Никакая роскошь не заменит им солнца. Да, девочки ни в чем не знают отказа. Вы обеспечили им хороший уход. Позаботились о защите... и я ценю это. Но, заперев светлых жриц под землей, вы их медленно убиваете. День за днем, час за часом... из них просто уходит жизнь, и это невозможно предотвратить!

– Это прекратится сразу, как только сюда придет твоя настоятельница.

Я подняла на повелителя тяжелый взгляд:

– А если она не появится?

– Значит, твои сестры умрут, – бесстрастно отозвался моран. – Не сейчас, так через месяц, когда моя сила достигнет пика, и мне придется сбросить излишки в верхний мир. Считаешь, жизни твоих сестер дороже благополучия верхнего мира?

У меня дрогнули плечи.

– Отпустите их. Прошу вас... отпустите сейчас, пока у них еще есть возможность восстановиться!

Моран отрицательно качнул головой:

– Я озвучил тебе свое условие. Мне нужна верховная ведьма. Только в обмен на ее помощь я соглашусь отпустить твоих сестер.

– Но госпожа Тейлара не может надолго покинуть Белый храм! – чуть не застонала я. – Как и у вас, внизу, сила матери-богини имеет своего носителя. И если госпожа Тейлара пробудет вдалеке от храма больше нескольких недель, питающая его благодать может иссякнуть. А для верхнего мира это – катастрофа!

Повелитель Таалу отвернулся.

– Мне не нужен целый месяц. Для моих дел вполне достаточно, если настоятельница уделит мне хотя бы один день.

– Хорошо... я готова пообещать, что вы с ней встретитесь, –

прошептала я. – На один день, как уговорено. Только отпустите остальных, пожалуйста. Вы же не чудовище!

Моран неопределенно повел плечом и промолчал. Но через некоторое время все-таки повернулся и испытующе на меня взглянул.

– Тебя я не отпущу. Не сейчас. А что касается твоих сестер...

Он вдруг прищурился и одним неуловимо быстрым движением оказался рядом. А затем надо мной нависло его бледное лицо с неестественно большими глазами.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Его лицо было так близко, что от одной только мысли, насколько это опасно, у меня перехватило дыхание. Всего на волосок от воплощенной в его теле смерти... всего миг... одно-единственное мгновение, на протяжении которого у меня перед глазами промелькнула вся моя прежняя жизнь.

А потом повелитель снова втянул ноздрями мой запах, после чего вдруг помрачнел и очень тихо спросил:

– Что ты наделала?

Я нервно сглотнула:

– Н-ничего.

– Что. Ты. С собой. Сделала?! – с нажимом повторил моран, наклонившись так, что мы едва не соприкоснулись носами. – Ты иначе пахнешь, ведьма. И этот запах предвещает смерть!

Я наконец попятилась, тревожно сжимая в руке яростно вибрирующую метлу. Нет, без приказа По вряд ли рискнула бы себя обнаружить, но если моран попробует напасть, в стороне она точно не останется. И тогда вообще не знаю, что с нами будет, потому что владыка наверняка уже догадался, почему я единственная из жриц явилась сюда без посоха.

– Ты отдала свою силу им, – неожиданно отшатнулся владыка, видимо, прочитав что-то по моему лицу. – Ты подарила благодать своим сестрам, вернув им молодость?! Зачем?!

– Я не могла иначе, – прошептала я, опуская глаза. – Без нее они погибли бы.

– Но без нее ты для нас бесполезна!

– Пока не накопится новая сила – да. Зато мои сестры будут жить. Хотя бы какое-то время.

Владыка издал какое-то шипящее восклицание, означающее, вероятно, что он крайне недоволен происходящим. А я грустно улыбнулась, поняв, что он по-настоящему зол. Но потом подумала, что это все равно ничего не изменит. Я сделала, что могла – спасла тех, кто мне дорог. Точно так же, как

он пытался спасти тех, кто важен для него.

– Об этом я не подумал, – внезапно уронил моран, справившись с собой и снова подступив ближе. – Хотя мог бы предположить, что ты просто так не отступишь. Верно?

Я промолчала. И лишь моргнула, когда закрытые кожаной перчаткой пальцы тронули меня за подбородок, снова заставив посмотреть повелителю в глаза.

– Я ведь могу тебя запереть в гостевых покоях насовсем, – произнес он, внимательно изучая мое осунувшееся лицо. – И сделать так, что ты больше никогда их не увидишь.

Я покачала головой.

– Вы можете попытаться. Но не факт, что у вас получится.

– Хочешь сказать, что как только благодать накопится, ты снова ее потратишь?

Я невесело хмыкнула.

Конечно. Я ведь не забыла, что в эту комнату... возможно, единственную во всем дворце... иногда все-таки проникает свет. И при желании владыка сможет снабдить меня им в надежде, что я все-таки завершу обряд и укажу ему на подходящую невесту. Да только вот беда – никто не помешает мне потратить благодать снова. Если не на сестер, то на По. Если не на метлу, то просто на стены. Или на пол. Или куда угодно еще, лишь бы не отдавать эту силу тому, кто окажется ее недостойн.

Кажется, владыка тоже об этом вспомнил, потому что его взгляд метнулся к стене, в которой скрывался механизм, управляющий арками и зеркалами. Но он очень быстро вернулся обратно и полыхнул нескрываемым раздражением.

– Ты отдаешь себе отчет, что своими действиями делаешь только хуже? Я же объяснил, почему твоя помощь так важна. Ты должна понимать, что я не вправе рисковать!

Я кивнула.

– Это не значит, что вы можете использовать нас в качестве приманки. Благих целей нельзя достичь подлостью и обманом. Тем более что мои сестры вам действительно не нужны.

– Я рассказал им то же, что и тебе, но они предпочли проигнорировать здравый смысл!

– Они всего лишь проявили разумную осторожность. Никто из нас не может быть уверен в том, что вы не лжете. И не преследуете совсем иные цели, нежели те, о которых говорили вчера.

Владыка Таалу озадаченно замолк. Кажется, о такой подоплеке нашего

отказа он раньше не думал.

– Ты тоже считаешь, что я солгал?

– Возможно, вы чего-то недоговариваете. И если это действительно так, то не сомневайтесь – я найду способ стать для вас бесполезной.

– А если я заберу твой посох? – снова нахмурился повелитель.

Я пожала плечами.

– Тогда мы умрем вместе с вами. И все получится так, как и предсказывал ваш оракул.

Пальцы владыки так же внезапно разжались, а на его лице проступило странное выражение.

– Неужели ты готова рискнуть собой, чтобы это проверить?

– Гибель даже одной жрицы – невосполнимая потеря для храма, – сухо ответила я. – А когда их сразу четыре – это огромная брешь в нашей обороне. Зло не дремлет. Верхнему миру постоянно грозит опасность, и она связана не только с вами. Поэтому, пока у меня нет полной уверенности, что вы сказали правду, я не буду рисковать сестрами ради вас. Я не могу допустить, чтобы мой мир разрушили.

– Я тоже не могу позволить, чтобы мой мир погиб.

– Тогда что же нам делать? – негромко поинтересовалась я, испытующе взглянув на морана снизу вверх.

Он почему-то вздрогнул. А потом резко отвернулся и, не говоря ни слова, устремился в свой кабинет.

Я проводила его растерянным взглядом, но тут за ближайшей стеной что-то гулко стукнуло, задрезжало, словно на пол упал опрокинутый кубок. После чего послышались торопливые звуки шагов и срывающийся от волнения голос:

– Брат, срочное донесение с границы! Демоны прорвали охраняемый периметр!

– Когда?! – напряженно переспросил владыка Таалу, а я испуганно замерла. – И сколько уровней они успели пройти на этот раз?!

– Пока один. Но если ты не спустишься, мы потеряем больше!

– Открывай портал! И найди мой шлем!

– Я уже все захватил, держи, – с невыразимым облегчением выдохнул невидимый Раалу. – Прости, но уходить придется отсюда – на другое у нас просто нет времени.

У меня перед глазами все поплыло, словно в преддверии очередного видения. Перед мысленным взором снова, как вчера, появилось омертвевшее лицо повелителя с медленно стекающей изо рта струйкой крови. Затем стремительным ураганом пронеслись еще более жутковатые

картинки. Я пошатнулась, машинально уцепившись за первую попавшуюся арку. Машинально нащупала в кармане спасательный амулет с заранее припасенной благодатью.

Почти сразу в соседнем помещении снова что-то мелодично тренькнуло, словно моран использовал самый обычный амулет для перемещения. Потом слышались протяжный вой и подозрительный скрежет, как если бы от напора магии по потолочным плитам поползли глубокие трещины. В этот же момент в меня хлынула благословенная сила матери-богини, которую я приберегала на самый крайний случай. А когда амулет опустел, и я наконец-то выскочила из изумрудного зала, распахнутый посреди кабинета портал уже стремительно закрывался.

– Задержи их! – отрывисто бросила я, замахиваясь и что было сил швыряя метлу в исчезающую воронку. А когда влетевший туда артефакт с оглушительным треском ее прорвал, немедленно прыгнула следом. Очень надеюсь, что правильно расшифровала мимолетное видение, и владыка Таалу сегодня не умрет.

Глава 8

Портал привел меня в очередной полутемный коридор и, едва я вывалилась наружу, со злорадным хлопком закрылся, наподдав напоследок приличное ускорение воздушной волной.

От удара я, правда, увернулась, но при этом позабыла про длинный подол, поэтому, отскочив в сторону, едва не запуталась в оборках. А когда все-таки выпуталась и наскоро огляделась, то не смогла удержать сердитого возгласа, обнаружив, что часть широченного коридора до самого потолка завалена грудой обломков, которые еще недавно были обычной стеной.

Кто или что обрушило здесь камни, я не знала, но, судя по раздающемуся снаружи шуму, повелитель с братом остались по ту сторону. А поскольку разобрать завал своими силами оказалось нереальным, я развернулась и припустила в другую сторону, надеясь, что где-то поблизости найдется обходной путь.

Как вскоре выяснилось, мысль была правильной, ведь в искусственно созданном лабиринте просто не могли отсутствовать перемычки между коридорами. Одного я только не учла – все они оказались завалены. Более того, пробежав пару сотен шагов, снова уперлась в глухую стену, словно кто-то заранее знал, что я сюда полезу, и предусмотрительно перекрыл все пути к отступлению.

Убедившись, что мы в ловушке, я с мрачным видом взвесила в руке метлу.

– Как думаешь, По, стены тут очень толстые?

Помело воинственно вздыбило прутики.

– Тогда давай попробуем их сломать.

Метла послушно сорвалась с места и, распушившись до предела, уже примерилась, как бы нанести удар, но тут прямо в стене послышался странный шорох, и чей-то испуганный голосок воскликнул:

– Тетенька ведьма, не надо! Эта стена несущая! Если ее обрушить, то схлопнется весь коридор!

Я проворно развернулась на каблуках, ища, кто тут сейчас пицал, и удивленно отпрянула, когда из темноты сверкнули две пары испуганных глаз. Следом из неприметной щели высунулась взъерошенная черная макушка, а на чумазой мальчишечьей физиономии нарисовалась виноватая улыбка.

– Не убивайте нас, тетенька ведьма. Пожалуйста. Мы не демоны.

Я привычно поймала прыгнувшую в руку метлу и грозно нахмурилась.

– «Мы» это кто?

– Я и Аська.

– Ну-ка, вылезайте.

Из щели, шмыгнув носом, на карачках выполз босой и с ног до головы покрытый пылью мальчик лет десяти в драной рубашке и таких же драных штанах. А следом за ним – девочка лет восьми в коротком синем платице.

На вид – дети как дети. Бледненькие, потому что солнца ни разу не видели. Большеголовые и черноволосые, как все мораны, но при этом с заметно более мягкими чертами лица.

– Вы что тут делаете? – осведомилась я, убедившись, что ребята действительно одни, и на них нет характерных признаков одержимости.

– Прячемся, – шмыгнув носом пацан. – Меня Денькой зовут. А это сестра моя. Аська. Мы полукровные... ну, то есть мама у нас человек. Потому только на нижних уровнях обитаем – сюда сила повелителя почти не доходит.

– Так. И где ваши родители?

– Дома остались, – тихонько прошептала девочка, подняв на меня наполненные слезами глаза. – Мы в шахте играли, на нижнем уровне, хотя мама запрещает нам туда лазать. Когда увидели демона, побежали обратно, чтобы предупредить стражу, но по дороге заплутали. А когда выбрались, оказалось, что в городище уже никого не осталось. А демоны...

Аська тихонько всхлипнула:

– Они теперь повсюду. Мамы больше нет! И папы, наверное, тоже, потому что он первым бросился бы ее защищать...

У меня что-то сжалось в груди.

– Как попасть в это ваше городище?

– Вон там была основная дорога. – Насупившийся мальчик махнул рукой в сторону заваленного коридора.

– А обходные пути есть?

Он кивнул.

– Только вам не пролезть, – предупредил пацан, отталкивая голой пяткой подвернувшийся под ногу камень. – Там местами узко очень, даже мы себе все бока ободрали.

Я улыбнулась и, наклонившись, заглянула в едва видневшуюся в темноте щель, откуда вылезли дети.

– Ничего. У меня волшебная метла есть. Она поможет.

По, не дожидаясь приказа, изогнулась в рукояти и, оттеснив удивленно раскрывшего рот мальчишку, ловко влезла в узкий до безобразия ход.

Какое-то время там пошуршала, поскреблась, а затем под угрожающий шорох осыпающихся камней радостно помахала помелом.

– Залезайте, – усмехнулась я, когда По окончательно исчезла внутри. – Денька, ты первый. Будешь держать метлу за хвост и указывать ей, куда поворачивать. Ась, а ты за ним. Мы найдем вашу маму.

– Она наверняка одержима, – печально покачала головой девочка. – Ее уже не спасти.

– Кто тебе сказал? – удивилась я. А потом погладила тревожно вскинувшего голову мальчика по пыльным вихрам и ободряюще улыбнулась. – Белые ведьмы – хорошие целители, причем мы лечим не только тела, но и души. Времени с момента нападения прошло немного, так что шансы еще есть. Если, конечно, мы не опоздаем.

– У нас одержимых не лечат, – прошептал Денька, глаза которого зажглись сумасшедшей надеждой. – Папа всегда говорил: лучше смерть, чем перерождение, поэтому тех, кого зацепил демон, сперва сажают в яму, а потом убивают.

– Обычно демону надо два дня, чтобы поглотить душу полностью, – вздрогнула девочка, ухватив меня за руку. – Если человек или моран оказываются слабее, они умирают. Если нет, то демон уходит, а человек приходит в себя. Но это бывает редко. Очень редко...

Сжав повлажневшую ладошку девочки, я подтолкнула Деньку вперед. А затем и Аську пропустила, после чего уже сама забралась в узкий до безобразия лаз. Платье, естественно, мешало, но оборвать подол я все-таки не решилась. Мало ли кого, кроме демонов, по пути встретим? Не смущать же народ кружевным бельем!

К счастью, лаз довольно быстро закончился, приведя нас в такой же широкий и заваленный с двух сторон коридор. Из него мы попали в следующий коридор. Потом в еще один. И еще... где и услышали донесшийся откуда-то издали шум обвала. А затем и гулкий удар, с которым кто-то обрушил еще один коридор.

– Повелитель запечатывает выходы из городища, чтобы демоны не прорвались дальше, – пояснил Денька, когда я остановилась и настороженно прислушалась. – Обычным путем туда теперь не пройти, поэтому мы обходим его по кругу.

– Откуда ты знаешь, что повелитель здесь?

– Он всегда так делает во время нападения. А еще у меня заболело вот тут, – Денька с невеселой улыбкой приложил руку к левой половине груди. – И тут...

Его рука мимолетно коснулась лба.

– Папа говорил: именно так чувствуют приближение владыки те, в ком нет хотя бы части его силы. Конечно, необработанный камень и вода дают от нее неплохую защиту, поэтому для таких, как мы, жилье всегда создается вручную. Но если повелитель пробудет здесь хотя бы час, мы умрем.

– Твой папа тоже просил ему помочь отказаться от магии? Ради вас? – замерла я.

Денька кивнул. А Аська, откатив в сторону приличный по размерам булыжник, указала рукой на прячущуюся за ним дыру.

– Пробраться в городище можно через нижний этаж. Это выход в заброшенную шахту. Отсюда надо спуститься на два яруса, затем пройти по старому водостоку, взобраться по лестнице до железного люка, и окажешься как раз возле нашего дома.

Я спохватилась и придержала рвущегося вперед пацана.

– Э нет! Дальше мы с метлой сами. Нам сила повелителя не страшна, а вот вам стоило бы поостеречься.

– В городище жило больше тысячи людей и моранов, – покачал головой мальчишка. – Теперь там бродит столько же одержимых.

Я ободряюще улыбнулась.

– Ничего. Все демоны наверняка помчались сражаться с вашим повелителем, а одиночки нам с метлой не страшны.

– Нашу маму зовут Марире, – тихо сказала девочка, послушно отступив от дыры, куда тут же нырнула умница По и сразу принялась за дело. – Она красивая. И тоже рыженькая, как вы. Найдите ее, пожалуйста. Спасите ее душу.

– Я постараюсь, солнышко, – так же тихо пообещала я, прежде чем уйти. – А вы закройте дыру камнем и сидите тихо. Когда демоны уйдут, я за вами вернусь. Обещаю.

Дети, поколебавшись, кивнули. А я, протискиваясь в узкий лаз, все-таки порвала дорогое платье, не рассчитанное на лазанье по подземельям, и заодно от души обругала повелителя Таалу. За его стремительный уход, за оборванный разговор, за то, что он успел обрушить все коридоры, заставив меня ползать в пыли, как обыкновенную крысу.

Но особенно за то, что за все годы, которые верхний мир сотрудничает с нижним, его смертоносное величество почему-то не считал нужным поинтересоваться: а как же мы справляемся со своими демонами? И ни разу не подумал, что, если бы в Белый храм пришло хотя бы одно официальное предложение о встрече, то многих моранов... в том числе и сегодня... можно было бы спасти.

Как я добиралась до городища – это отдельная история, большая часть которой состояла из ворчания, шипения и редкой, но весьма прочувствованной ругани. И хорошо еще, что со мной была По, иначе до цели я доползла бы в лучшем случае к ночи, потому что, как назло, именно сегодня мне почему-то катастрофически не везло.

Для начала вместо двух ярусов в шахте меня угораздило спуститься сразу на четыре, потому что деревянные перекрытия насквозь прогнили и, не выдержав моего веса, просто-напросто развалились. Потом в проклятом водостоке оказалось целых три ответвления, а не два, и каждое из них мне пришлось проверить лично. Затем выяснилось, что ведущая к люку старая лестница сплетена из весьма непрочных веревок и рассыпалась, стоило мне только подойти и проверить ее на прочность.

Но... где наша не пропадала. Выход из подземелья мы все-таки нашли, а до люка По меня самым банальным способом подбросила. Да-да, летать на метле ужасно неприлично, но что поделаешь? Не по стене же карабкаться, как зеленой ящерице?

Надо ли говорить, что к концу опасного путешествия мой красивый наряд превратился в обноски. Роскошное платье осталось без рукавов. На плечах и коленках красовались живописные царапины. Длинная юбка обзавелась соблазнительным разрезом от паха до самой щиколотки. Ну а на голове вновь появилось воронье гнездо, из которого по прибытии я с ворчанием выудила невесть когда успевшего свалиться туда громадного паука, который к тому же едва меня не укусил.

Последнее препятствие в виде ржавого и ужасно тяжелого люка я преодолевала на чистом упрямстве и с пугающей мыслью о том, что полчаса из отпущенного детям времени уже прошли. А когда дурацкая железка все-таки поддалась и, не выдержав давления, сдвинулась в сторону, я наконец-то перевела дух и осторожно выглянула наружу.

Ребята не обманули – выход из подземелья действительно находился на окраине городища. На самом дне громадной, скудно освещенной пещеры. Как раз недалеко от тянущейся ввысь скалы, в которой, словно ласточкины гнезда, виднелись входы в жилища моранов.

Причем входов оказалось так много, что я на миг даже усомнилась, что здесь проживает всего тысяча разумных. Но потом оглядела скалу повнимательнее и решила, что внутри не особенно много места. Поэтому выточенные в камне помещения наверняка были маленькими. И, вполне вероятно, на одну семью приходилось не одно, а сразу несколько таких «гнезд».

Убедившись, что поблизости нет посторонних, я сдвинула крышку

подальше и выпустила наружу По. А когда метла облетела окрестности и подала условный знак, выбралась сама, поминутно оглядываясь и гадая, куда могли подеваться местные жители.

Кстати, насчет выходов из пещеры дети тоже оказались правы – на том месте, где не так давно чернели отверстия выходов, теперь красовалось сразу пять тупиков, до отказа забитых каменными обломками. А на стенах виднелись глубокие трещины, словно тот, кто запечатывал демонов в каменную ловушку, делал это в спешке, совершенно не заботясь о случайных жертвах.

Пройдя вдоль скалы несколько сотен осторожных шагов, но так никого и не встретив, я выглянула за край и сделала еще одно открытие: оказывается, скал тут было несколько, и все они делили пещеру на сектора, имеющие форму треугольников. Основаниями треугольники были обращены к стенам пещеры. А острия сходились в центре, как спицы в колесе, придавая подземному городу строгость линий и весьма своеобразную красоту.

Там же, в центре, на приличной по размерам площади, нашлось и пропавшее население – сгрудившись вокруг высоченного постамента, верхушка которого тонула в непроглядной тьме, жители в едином порыве запрокинули головы и пристально смотрели на гигантское черное облако, медленно закручивающееся над городом в чудовищную спираль.

Признаться, я поначалу даже не поняла, из чего она состоит, и рискнула высунуться подальше, чтобы выяснить, в чем дело. Но тут из облака выстрелил целый снап искр, опавших на землю крохотными черными песчинками, и лишь тогда до меня начало доходить.

В верхнем мире не бывает такого, чтобы демоны спокойно разгуливали на свободе. Яркий свет для них губителен, а жар костра смертельно опасен. Поэтому твари стремятся спрятаться там, где ни свет, ни огонь до них не дотянутся – в чужом теле. Внутри смертной оболочки, которая, несмотря на всю свою хрупкость, дает им довольно надежное убежище.

Сами по себе демоны – это духи, ведомые лишь одной страстью: голодом. Наши души для них – добыча, ради которой они готовы на все. Откуда они приходят, где живут и как именно рождаются, никто не знает, но летописи утверждают, что подобное притягивает подобное, и демоны – такие же души, как наши, только не нашедшие покоя. Слишком тяжелые, чтобы после смерти мать-богиня забрала их в свет. И слишком грязные, чтобы бог-отец позволил им вернуться во тьму.

Я не знаю, так ли это, но насчет подобия, пожалуй, соглашусь.

Невинная душа неуязвима для демонов. А вот злость, презрение, ненависть, страх... охотно открывают им дорогу. Смерть подпитывает их, давая силы на новые преступления. И тогда прекрасный с виду семьянин внезапно превращается в кровожадное чудовище. Очаровательная невеста обагрывает руки кровью возлюбленного. Дети обращаются в зверей. Матери кидаются на собственных чад. И в мире воцаряется хаос, вызванный вселившейся не в свое тело душой.

Мы, ведьмы, оберегаем этот мир от разрушения. И хоть одержимого не всегда удастся спасти, одно нам известно точно – демоны боятся нашей силы. Ни один из них даже близко не подойдет к дому, который освятила белая жрица. Не преодолеет защиту, которую мы регулярно обновляем в городах и весях. И не посмеет коснуться вещей, в которых есть хоть капелька истинной благодати матери-богини.

Но в подземном мире не бывает солнца. Здесь нет света, и тут не живут любимицы богини. Поэтому демонам не нужно прятаться, и они вольготно себя чувствуют и появляются даже в виде балансирующих на грани воплощения призраков. Уже не обычных духов, но еще не полностью материализовавшихся сущностей – сотен и тысяч озлобленных, источающих ненависть душ, которые сплелись сейчас в одну гигантскую воронку и тщетно пытались прорваться... куда? Или, правильнее сказать, к кому?

В ужасе оглядев столпившихся вокруг постамента моранов, среди которых было немало женщин и детей, я безошибочно распознала в них признаки несомненного угасания. Горящие безумием взгляды, вздувшиеся под кожей, почерневшие вены, неестественные позы... здесь находилась почти тысяча разумных, но демонам все равно не хватило живых вместилищ. Целая тысяча, однако наверху демонов вилоь в несколько десятков раз больше! Что их привлекло в невидимом отсюда моране? Его стойкость? Сила? А может... живущая в его теле Смерть?

От последней мысли меня прошиб холодной пот.

Мать-богиня! Если это действительно так, то именно владыка сейчас находится на острие удара. Чтобы заполучить его жизнь, демоны пойдут на все. Что им какая-то тысяча смертных, когда рядом есть сосуд, до краев наполненный силой, способной заменить несколько миллионов обычных жертв? Да они разорвут повелителя на куски, если только сумеют добраться! Неудивительно, что их набежало сюда так много!

А потом я пригляделась и заметила, что внутри воронки тоже идет какое-то движение, а вниз то и дело сыпется мельчайший песок, похожий на самый обычный пепел. Так, словно нижние ряды демонов раз за разом

наталкиваются на неодолимую преграду и тут же сгорают, но их место мгновенно занимают новые души, не давая повелителю перевести дух.

Ой-ой-ой! Если их сейчас такое количество, то сколько же тогда было изначально?! Десятки тысяч? Сотни? Больше?!

Шевельнув пальцами, я покрепче сжала послушно ткнувшуюся в руку метлу и наконец приняла решение.

У повелителя сейчас своя задача, у меня своя – пока твари отвлеклись, следовало освободить людей. А заодно поискать, откуда сюда явилось так много демонов. И, если получится, заткнуть эту дыру навсегда.

Создав на ладони сразу несколько световиков, я подбросила их в воздух и, щелкнув пальцами, запустила в полет. Но невысоко, примерно на уровне коленей, чтобы никто не спохватился раньше времени.

Задорно подмигнув, световые шарики мгновенно набрали скорость и, исчезнув в толпе, принялись нарезать в ней круги, словно голодные нарулы^[5]. Правда, с каждым таким кругом их сияние стремительно угасало, но свое дело они сделали. И спустя несколько секунд одержимые заволновались. Некоторые с тихим выдохом опустились на колени, кривя рты в мучительных гримасах. Некоторые успели отшатнуться и заозирались, ища источник угрозы. Многие расступились, встав кружком вокруг тех, кто уже упал. Часть даже нерешительно направилась в мою сторону, но большинство не рискнули оставить пост и все так же жадно смотрели вверх. Туда, откуда все обильнее сыпался мелкий пепел, постепенно накрывая город невесомым черным покрывалом.

Когда самые умные из одержимых добрались до моего укрытия и завернули за угол, я ловко крутанула метлу и огрела первого бедолагу по башке.

Короткая вспышка, приглушенный стон, взвившийся из раздувшихся ноздрей черный дымок, и вот уже первый моран безвольным мешком осел на землю.

«Вот он, наш жутко секретный способ изгнания демонов, – усмехнулась я про себя, треснув по лбу второго. – Всего-то и надо, что хорошенько жахнуть по ним зачарованной дубиной. Или посохом. Но за неимением оного сойдет и обычная метла. Верно, По?»

Помело тем временем распушилось еще больше, и последний бедолага с приглушенным стоном рухнул мне под ноги.

– Всего-то делов, – прошептала я, наклоняясь и проверяя жилку на шее нелюдя. – Живой, какое счастье. Эх, если бы и с нежитью получалось управляться так легко...

Шаркающие за углом шаги заставили меня выпрямиться и принять

боевую стойку.

– Почуяли, твари? Свежего мяса захотелось? – зашипела я, когда из темноты, щеря зубастые рты и пуская слюни, выбрались сразу два десятка одержимых моранов. После чего щелкнула пальцами, создавая новую порцию световиков, и, прежде чем занести для удара метлу, отправила их в полет.

– Получите, распишитесь!

Одержимые шарахнулись в стороны, стремясь избежать даже мимолетного касания к божественному свету, а как только заклятие улетело в толпу и погасло, снова придвинулись ближе.

Я подождала, пока они подойдут совсем близко, а потом снова крутанула метлу и принялась щедро раздавать оплеухи. Никто ж не в курсе, что от моей метлы толку больше, чем от боевого посоха. А вреда, наоборот, гораздо меньше, потому что, в отличие от другого оружия, По не вышибает зубы и не ломает конечности, пока ее об этом не просят. А синяки – дело житейское. Через пару недель сами пройдут.

Когда вторая партия одержимых закончилась, я поманила пальцем третью и поощрительно улыбнулась. Но улыбка эта быстро завяла, потому что, несмотря на активно проредивших толпу световиков, желающих меня прибить все равно оставалось немало. И все они, похоже, внезапно решили заглянуть к нам с По на огонек. Все несколько сотен оставшихся на ногах мужчин, женщин и детей, при виде которых я благоразумно попятилась, а затем нырнула в первый попавшийся дом и заняла в дверном проеме оборонительную позицию.

Световики, разумеется, тоже создала и отбросила себе за спину – на случай, если понадобится остановить толпу. Ну и тыл прикрыть, конечно, не помешает – где-то тут наверняка имеется лестница, а я даже не знаю, есть ли там выход на следующий уровень, и не припрется ли оттуда какой-нибудь особо проникательный «гость», которого я упустила из виду.

После этого я на какое-то время выпала из реальности, старательно раздавая всем желающим тычки и затрецины. Гора вяло шевелящихся тел под моими ногами росла с угрожающей быстрой, так что вскоре мне пришлось вскарабкаться сначала на лестницу, а потом и на второй этаж, где, к счастью, никого не оказалось.

Оттуда нас с метлой постепенно вытеснили на третий ярус. Затем – на четвертый, а под конец даже на крышу. Но дальше у одержимых дело не заладилось – на открытом пространстве снова без помех заработали световики. И я порадовалась, когда кинула взгляд вниз и увидела вокруг постамента целые горы слабо дышащих и временно недоступных для

демонов тел, в каждом из которых теперь тлела крохотная частичка божественной благодати.

Все-таки световики – это сила!

Одарив настойчиво лезущих детей парочкой оплеух, перевела дух и в очередной раз пожалела, что полезное заклинание так быстро истощается. Если бы не это, мне бы вообще в бой вступать не пришлось – обстреляла бы издалека, и порядок. Но мои резервы были, к сожалению, не бесконечны. А второго амулета с благодатью у меня при себе, увы, не имелось.

– Надо беречь силы, – озабоченно пробормотала я, когда желающих меня убить не осталось. Метла согласно наклонила рукоять и, как только я разжала пальцы, тут же взлетела, заняв оборонительную позицию. На случай, если кто-то из кружащих наверху демонов надумает попробовать меня на вкус.

Я же снова обратила взгляд на постамент и вздрогнула, поняв, что ситуация там разительно изменилась.

До этого момента меня искренне удивляло, что владыка, обладая такой силой, не сумел справиться с кучей злобных, настырных, опасных, но все же обыкновенных духов. Смерти ведь все равно, что разрушать, живое или мертвое. Пока она сидит в теле морана, тот ее постоянно сдерживает, поэтому в основном от него страдают живые. И то не всегда. Но при желании можно ведь и отпустить узду, открыть крышку сосуда побольше... что, вероятно, повелитель сейчас и сделал.

Правда, в отличие от меня, он с самого начала помнил, что способен разрушать не только живое, но и мертвое. И прекрасно понимал, что стены пещеры – довольно хрупкие. Ударь по ним посильнее, и обвалившийся потолок погребет под собой не только одержимых, но и самого владыку, и его брата, и нас с По. А демоны, которым падающие камни особого вреда не причинят, получат долгожданную свободу. И один бог знает, куда они потом направятся.

Вероятно, именно поэтому повелитель так долго медлил и осторожно, постепенно, стараясь не задеть стены и потолок, концентрировал свою силу наверху наподобие раскрытой ладони. Сейчас эта ладонь простерлась над всей пещерой, словно гигантская туча, от которой шел вполне ощутимый холод – незаметная на фоне теряющегося во тьме камня, молчаливая. И опасная. Воплощенная Смерть, после удара которой не только от тварей, но и от города ничего не останется.

Нутром ощутив источаемую этой тучей угрозу, я нервно сглотнула и снова посмотрела себе под ноги.

Это что же получается, они именно так воюют с демонами? Приходят, собирают тварей в одну кучу, как жадных до сладкого мух, а потом убивают гигантской мухобойкой?

И какая разница, если под удар попадут свои собственные подданные, созданные с таким трудом дома, утварь, чудом уцелевшие дети... цель оправдывает средства, поэтому и тоннели всегда запечатываются намертво. И потому же после таких зачисток не остается свидетелей – Смерть никого не щадит. Ни чужих, ни своих.

Вот только на этот раз вместе с обреченными нелюдями под ударом оказалась и я. Но повелитель еще был не в курсе, что, в отличие от его подданных, я не планировала сегодня умирать.

Глава 9

Выбор дался нелегко, но мне и раньше приходилось принимать тяжелые решения. Да и выхода другого не видела – не оставлять же спасенных моранов под ударом их собственного повелителя! Что я, зря на них силы тратила? Зря им тела сберегла, стараясь обойтись без членовредительства?

Да и не могу я иначе. Быть белой ведьмой – означает чтить волю богини и всеми силами хранить даруемую ею жизнь. Любую жизнь, что людей, что нелюдей. А также жизнь растений, животных и даже самой крохотной и противной на вид букашки... разумеется, если это не противоречит естественному ходу вещей.

А сейчас под моей рукой оказалась сразу тысяча разумных. Освобожденных от демонов, ослабленных и еще ничего не соображающих. Беззащитных, уязвимых, все еще живых. Тех самых разумных, которых я когда-то поклялась всеми силами защищать.

Тяжело вздохнув, я подняла руки и, создав сразу несколько десятков световиков, отправила их кружить над землей. Сначала над самой поверхностью, прямо над головами вповалку лежащих моранов. Затем чуть выше, вокруг недосягаемого для меня постамента, заставив заклятия разбиться на пары и двигаться вокруг каменного основания сразу по нескольким траекториям.

Когда первые из них приблизились к основанию демонической воронки, та испуганно дрогнула и, как потревоженный смерч, нервно качнулась в сторону. Из сплошной черной массы с недовольным шипением прыснуло прочь несколько душ, но вниз я им упасть не дала – создала еще с десятков световиков и отправила следом за первыми. На всякий случай. Чтобы ни одна хитрая тварь не сумела спуститься и даже подумать не смела о том, чтобы спрятаться в опустевших домах.

К этому времени мои световики разогнались настолько, что их движения слились в сплошное белое кольцо, охватившее нижнюю часть пещеры от края до края. Вокруг сразу посветлело. Стали лучше видны детали. На каменном постаменте начали проступать незнакомые письмена и обозначилась узкая лестница, обвивающая спиралью толстый, тоже каменный стержень и идущая, похоже, до самого верха.

Кружащие вокруг демоны взволнованно зашептались, и, как только вращающиеся с ужасающей скоростью световики поднялись на высоту

человеческого роста, воронка судорожно сжалась. Сразу несколько десятков душ попытались рвануть вниз и в стороны, но дальше стен бежать было некуда. А снизу на смену постепенно гаснущим шарикам уже поднималась вторая волна. Затем третья, четвертая... И демонам ничего не оставалось, как подняться еще выше. Под самый потолок, где их терпеливо поджидала молчаливая, затаившаяся до поры до времени Смерть.

Дождавшись, когда количество световиков увеличилось до пятидесяти, я приостановила верхние и рывком подняла к ним нижние. Так, чтобы свет от неистово кружащих заклинаний слился в единый поток и создал над поверхностью земли неодолимый для демонов световой щит. А затем начала постепенно его поднимать, надеясь, что владыка Таалу правильно меня поймет и сообразит, что все, что от него теперь требуется – это резко опустить смертоносную ладонь, заставив тем самым демонов биться между молотом и наковальней.

Какую уж смерть они выберут – раствориться в свете или окончательно уйти во тьму – это их личные проблемы. Главное не дать им прорваться вверх или вниз. И тогда простые жители не пострадают.

– Что ты делаешь?! – вдруг раздался сверху разъяренный вопль, и напуганная чистейшим светом воронка мрака окончательно распалась, открыв моему взору верхушку постамента, на которой в окружении тонкого марева незнакомого мне заклинания спиной друг к другу стояли два совершенно одинаковых, одетых в абсолютно идентичную броню морана. – Погаси заклятие, ведьма! Оно нам мешает!

Я криво усмехнулась:

– Вы же мужчины... терпите!

Один из нелюдей раздраженно дернул закованным в сталь плечом и отвернулся, поскольку был не в силах долго смотреть на свет. А второй сокрушенно покачал головой и, опустив руки, с которых беззвучно лилось то самое непонятное заклинание, глухо уронил:

– Нора, уйди...

Акустика в пещере оказалась выше всяких похвал, так что я, даже стоя на приличном расстоянии, прекрасно его расслышала. В том числе и смертельную усталость в его голосе, досаду и даже стремительно закипавшую злость. Которая, впрочем, меня не впечатлила.

– Нора! – повысил голос повелитель, и молчаливая Смерть под потолком заинтересованно шевельнулась. – Тебе нельзя здесь оставаться! Уходи!

– Ага. Щас, – пробормотала я, продолжая потихоньку поднимать свет все выше и выше. – Мне мой спокойный сон еще дорог.

– Нора!!!

Я подняла на повелителя спокойный взгляд.

– Ваша задача – избавиться от демонов, а моя – сохранить жизнь тем, кого еще можно спасти. Может, попробуем сделать это вместе?

Из-под опущенного забрала, на которое попало несколько особенно ярких отблесков, раздался недовольный рык:

– Ты с ума сошла?! Неужели не понимаешь, что сейчас будет?!

Я пожалала плечами и подняла заклинание еще выше. Так, чтобы оно теперь полыхало над головами моранов и доставляло их чувствительным глазам как можно меньше неудобств.

– Понимаю. Но все равно не уйду.

– Проклятье... – зло выдохнул Раалу, опуская голову. – Ты погубишь нас всех!

– Делайте, что должны, – сухо парировала я. – А остальное оставьте на моей совести.

Повелитель Таалу глухо застонал и сжал кулаки. То ли от ярости, то ли от отчаяния. А затем тяжело опустился на одно колено. Но все-таки внял моей просьбе – прекратил упрямиться. И обрушил висящую над нашими головами черную длань, с силой припечатав демонов о мой победно вспыхнувший свет.

Я еще успела увидеть, как упавшая с небес тьма распахнула бездонную пасть и одним махом заглотила тех, кому удалось избежать моего разгоревшегося, как солнце, заклинания. После чего громко взвыла, гигантской кляксой растеклась во все стороны и, наконец, всей массой рухнула вниз, на внезапно погасшие световики. А затем с огромной скоростью ринулась дальше, торжествуя распахнув черные крылья и накрыв подземный город гигантской тенью.

Я едва успела отпустить связывавшие меня со световиками нити и набросить на живых простенькое защитное заклинание, как все вокруг поглотила тьма. Холодная, словно могильная плита. И обманчиво мягкая, словно приливная волна.

Честно говоря, я думала, что на этом все и закончится. Ко всеобщему, полагаю, удовлетворению. Однако, как оказалось, у Смерти на этот счет имелось собственное мнение. И если сначала на мои плечи легла невидимая тяжесть, между пальцами властно скользнули и тут же отдернулись чьи-то холодные щупальца, а сердце на мгновение укололо ледяной иглой... то очень скоро боль почему-то прошла. И я неожиданно перестала ощущать холод. Тяжесть в руках так же быстро исчезла, и на мои плечи вместо тяжелого покрывала невесомой накидкой легла черная шаль

забвения. На сердце снова стало тепло, словно рядом оказался кто-то родной и близкий. А левой щеки коснулось слабое дуновение ветерка. Легкое, как поцелуй. И трепетное, как прикосновение любимого.

Именно в этот миг я неожиданно поняла, что Смерть действительно живая. Что у нее есть свои предпочтения, желания, сомнения и даже чувства. Почему-то, едва напав, она не захотела делать то, для чего была предназначена. А вместо этого одарила своим вниманием, пытливо заглянула в душу. С необычайной нежностью расплела мои волосы. Легонько погладила кожу... и так же неожиданно отступила, одарив напоследок едва угадывающейся в темноте улыбкой.

Ошеломленно распахнув глаза, я машинально коснулась щеки и недоверчиво уставилась в клубящуюся вокруг тьму, но Смерть действительно уходила. Так же молча, как и пришла, оставив на моих губах горьковатый привкус сожаления. Она лишь смотрела из темноты, до последнего держала меня взглядом. До тех пор, пока тьма между нами окончательно не рассеялась, и я не ощутила себя стоящей на крыше в полнейшем одиночестве.

– Однако... – растерянно пробормотала я, едва удерживаясь от желания торопливо себя ощупать и убедиться, что все в порядке. – Кто бы мне раньше сказал, что такое возможно, ни за что бы не поверила!

В мою руку испуганно ткнулась позабытая метла, и я так же машинально сжала пальцы. После чего, наконец, осознала себя живой и здоровой. Торопливо глянула вниз и с облегчением выдохнула, обнаружив, что моя немудреная защита все-таки уберегла бывших одержимых от гибели. Наконец, вскинула торжествующий взгляд на далекий постамент с моранами... и вздрогнула, увидев, как один из них медленно заваливается навзничь, обессиленно уронив голову на руки горестно вскрикнувшего брата.

– Т-таалу? – дрогнувшим голосом прошептала я, инстинктивно качнувшись вперед.

С постамента донесся глухой стон:

– Брат... ну как ты мог такое допустить?!

– Раалу, что с ним?! – не сдержавшись, крикнула я, опасно балансируя на самом краю крыши.

Моран поднял голову и одарил меня ненавидящим взглядом.

– Это твоя вина, ведьма. Если бы ты послушалась и ушла, этого не произошло бы!

Я опешила.

– Что значит моя?!

– Ты вмешалась. Нарушила равновесие. Это ты виновата, что мой брат упал.

У меня похолодели руки.

– Повелитель что, умер?!

– Нет, – процедил мужчина, одновременно с этим доставая из-за пазухи и активируя личный телепортер. – Но его сосуд поврежден. А значит, Смерть теперь свободно разгуливает по подземелью. И я должен вернуть Таалу во дворец, пока никто больше не пострадал.

– Как это, поврежден? Что случилось?!

– Не смей к нему приближаться, женщина, – сухо приказал Раалу, наклонился и рывком поднял брата с пола. А затем повернулся к открывшемуся portalу и, прежде чем в нем исчезнуть, глухо добавил: – Еще раз увижу тебя рядом – убью.

Признаться, никогда прежде я не попадала в такую омерзительную ситуацию. И, что самое важное, совершенно не понимала причины выдвинутых обвинений.

Я ведь ни на мгновение не вмешивалась в работу владыки. Не трогала его даже пальцем. Не толкала под руку, не просила ничего менять и сделала все, чтобы пророчество оракула не реализовалось.

Да я, дмурт побери, весь удар решила взять на себя! Я сохранила жизнь его подданным! Рисковала собой! А от него только и требовалось, что не останавливаться!

Если уж на то пошло, я даже не видела, что владыку успели ранить. Судя по всему, это произошло до того, как я появилась. До того, как начала различать фигуры моранов. И определенно до того, как мой свет стал доставлять им какой-то дискомфорт. В тот момент рядом с владыкой находился только Раалу.

Так почему же он во всем обвиняет меня?!

Надо заметить, когда я чего-то не понимаю – то обычно начинаю злиться. А когда я злюсь, то становлюсь ужасно упрямой. Говорят, упрямство до добра не доводит, но в данный момент мне на это было начхать. А закрывающийся портал, если кто забыл, – вовсе не то препятствие, которое могло бы остановить раздраженную белую ведьму.

Испытанным приемом метнув в воронку метлу, я кубарем скатилась по лестнице и со всех ног кинулась к постаменту. Небольшое, но очень полезное заклятие левитации существенно ускорило этот процесс, так что всего через несколько минут я уже была на месте и, цедя сквозь зубы страшные ругательства, упрямо лезла в потрескивающий от натуги портал.

Раалу, разумеется, не понравилось, что я столь бесцеремонно

ввалилась следом за ним в кабинет владыки. Но, на наше общее счастье, в тот момент у морана оказались заняты руки, поэтому вытолкать меня вназад или исполнить свою угрозу он не смог. А потом воронка телепорта окончательно схлопнулась. Недвусмысленно нацелившаяся на морана По снова распушила помело. Я из последних сил создала несколько небольших световиков. Раалу в ответ окутал себя таким же сероватым, источающим смертельную угрозу коконом, какой я уже видела в городище... и бог знает, чем бы все это закончилось, если бы повелитель Таалу внезапно не очнулся и не прошептал:

– Прекратите!

Раалу явственно скрежетнул зубами, но все же погасил непонятное заклинание. Несколько томительно долгих секунд он буравил меня злющим взглядом, но потом резко отвернулся, рыкнув что-то неразборчивое. И, пройдя через весь кабинет, аккуратно сгрузил брата на широкий диван.

– Мне нужны горячая вода, вино и ткань для перевязки, – тут же распорядилась я, отставив метлу в сторону и склонившись над раненым.

Раалу не обманул – с повелителем и впрямь не все обстояло благополучно. Доспех местами оказался поцарапанным, словно мораны имели дело вовсе не с призраками. А одна из пластин на левом боку была согнута, в одном месте пробита насквозь и обагрена уже подсохшей кровью.

Раалу окинул меня неприязненным взглядом.

– Ты не сможешь к нему прикоснуться, ведьма.

– Руками – нет, – согласилась я, безжалостно обрывая остатки рукавов, чтобы не мешали. – Так что давай сюда перчатки – надо снять доспех и осмотреть рану. И найди хорошую иглу – возможно, мне придется его шить.

Моран, поколебавшись, все-таки стащил с рук кожаные перчатки и, бросив мне на колени, вышел. А я, проворно натянув тяжелую амуницию, потратила остатки сил на очищающее заклинание и решительно взялась за ремни.

Какой-никакой, но опыт разоблачения закованных в сталь мужчин у меня уже имелся, так что снять с повелителя железки особого труда не составило. Жутко неудобные перчатки, конечно, мешали, но это ничего. Мелочи. Главное, что на лице морана отсутствовали явные признаки смерти, которые я видела во сне. Да, он был бледен, но не более, чем обычно. Его глаза закрылись, но дышал повелитель ровно. Без хрипов. И непохоже было, что он испытывает сильную боль.

Правда, рана на его боку мне совсем не понравилась – узкая, глубокая,

словно ее нанесли не когтем, а стилетом. И уже почти не кровоточащая, будто лежащий в беспомощности моран и без моей помощи прекрасно с ней справился.

Плохо было другое – из раны медленно сочилась похожая на черный дымок и источающая знакомый запах Смерти субстанция, от одного вида которой меня передернуло. И там, где она касалась перчаток, постепенно образовывались глубокие трещины, а местами и язвы, как если бы материализованная Смерть медленно разъедала толстую кожу.

– Шить здесь не придется, – внезапно раздался у меня над головой голос Раалу, и на диван упала стопка чистых тряпиц, а на подлокотник со стуком опустилась большая миска с водой. – Таалу справится. Он стойкий. Но трещину в сосуде надо закрыть, пока его энергия не растеклась по всей округе.

Я глянула на диван, на котором стала так же медленно и постепенно истлевать новенькая обивка, и поежилась. А потом опустила взгляд на пол, где тоже начали появляться мелкие щербинки, затем – на собственное платье, в котором на удивление не появилось ни одной лишней дырки, и... неожиданно сообразила, что надо делать.

– Ты что творишь?! – с отвращением бросил Раалу, когда я торопливо задрала подол и оторвала от нижней юбки приличный лоскут. – Думаешь, его сейчас заинтересуют твои прелести?!

Я торопливо смочила водой принесенную им тряпицу, сноровисто отерла окровавленную кожу, а потом приложила сверху оторванный от платья кусок и сухо велела:

– Подержи.

Пока озадаченный моран соображал, с какого перепуга я вдруг начала ему нагло тыкать, я решительно цапнула Раалу за рукав и, заставив опуститься на колени, силком прижала его ладонь к ране.

К счастью, моран быстро сообразил, что платье – это единственная вещь, которая не разваливалась на глазах, коснувшись истекающей из владыки энергии. А потом уже без лишних слов повиновался, когда я оторвала от подола еще один лоскут и потребовала, чтобы Раалу подержал брата, пока я его осторожно перевязывала.

В общем-то ничего странного в этом не было, ведь платье изначально и создавалось, чтобы защитить невесту повелителя от него самого, но в данной ситуации оно сыграло роль обычной «заплатки», благодаря которой Смерть наконец перестала просачиваться наружу, и я смогла облегченно вздохнуть.

– Сможешь принести такую же ткань, только посвежее? – спросила,

когда стало ясно, что угроза миновала.

Раалу заторможенно кивнул.

– Тогда иди. Заодно скажи Риату или кто там еще есть поблизости, что надо бы людей послать в городище. Там много ваших осталось... и им тоже нужна помощь. А в заваленных коридорах спрячутся дети. Надо бы их вытащить, пока родители с ума не сошли.

Моран окинул меня совсем странным взглядом и послушно поднялся. Но, прежде чем уйти, неохотно признал:

– Я был не прав – от тебя все-таки есть польза. И Таалу не зря пытался сохранить тебе жизнь. Но сегодня демоны напали сразу, как только мы появились в городище, и мне это очень не нравится. Я не мог этого предвидеть. Не успел оттолкнуть брата, когда твари напали сверху. Именно поэтому повелитель сегодня упал. Да, его рана неопасна для жизни, и на этот раз Таалу не погибнет. Но когда сосуд теряет прочность, живущая в нем Смерть становится нестабильной. Каждая трещина – это дополнительный риск... И чтобы его избежать, брат должен был сбросить куда-то остатки силы. Освободиться от этой ноши хотя бы наполовину. Он всегда так делает, разделяя ее на нас двоих.

Я озадаченно замерла, а моран тяжело вздохнул:

– Обычно излишки забираю я, потому что мой сосуд почти так же крепок, как у брата. Я – его щит. Его тыл. И именно по мне бьет откат, если повелитель теряет над собой контроль. Так, как произошло сегодня.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожилась я.

– Нельзя остановить сошедшую с гор лавину, подставляя колышки под отдельные камни... Смерть признает только равных, ведьма. Поэтому, чтобы уберечь тебя, Таалу пришлось забрать у меня излишки. Взять все на себя и противостоять Смерти в одиночку. Но для поврежденного сосуда это опасно, потому что каждый новый всплеск его разрушает. А значит, рана Таалу гораздо больше, чем ты можешь себе представить. И та трещина, невольной причиной которой был я, из-за тебя стала намного глубже.

У меня похолодели руки.

А вот этого мне никто раньше не рассказывал! И одна богиня ведает, о скольких еще не менее важных вещах повелитель Таалу умолчал! Нет, ну разве так можно?! Все это время он настойчиво требовал от меня понимания и доверия, а сам...

– Сколько ему понадобится времени, чтобы восстановиться? – тревожно спросила я.

Раалу тяжело вздохнул:

– Это зависит от того, сколько силы будет в его сосуде. И от количества

всплесков, которые ему предстоит пережить.

– Но ведь через месяц он должен достигнуть пика!

– Вот именно, – мрачно подтвердил моран. – И как только это случится, его сосуд разлетится на части. Если, конечно, мы не успеем вовремя создать новый.

Я сглотнула.

– Значит, нам придется ускорить отбор и провести брачный обряд гораздо раньше?

– Да.

– И если мы не успеем найти подходящую невесту, повелитель Таалу погибнет?

Моран одарил меня внимательным взглядом.

– Ты все правильно понимаешь. Но, поскольку я не владею даже слабым даром предвидения, то помочь ему теперь можешь только ты. В моих силах лишь проследить, чтобы все закончилось благополучно.

– Я сделаю, что смогу, – прошептала, опуская голову. – Для эликсира нужно немного – несколько редких трав, храмовое вино, еще кое-какие ингредиенты. Но намного важнее то, что для обряда мне понадобятся силы...

– Ты уже в курсе, где их получить, – ровно ответил Раалу.

– И я должна буду точно знать, для кого именно готовить состав. Только на невесту или... на повелителя тоже?

Моран не задумался ни на миг:

– Таалу считает, что искусственно наваянная страсть ему не понадобится, но я бы предпочел не рисковать. Поэтому готовь двойную дозу. А еще лучше – тройную. Так гораздо больше шансов на успех.

Я торопливо кивнула. А Раалу внезапно подошел ближе и, поколебавшись, бросил мне на колени небольшой амулет.

– Переговорный. Мой личный. Если понадобится – позовешь.

– Ты что, уходишь?! Куда?! – опешила я, но моран лишь забрал со стола шлем и знакомо усмехнулся:

– Сама же сказала – надо вернуться в городище. Кроме меня, за ситуацией некому проследить. Заодно за демонами поохочусь. Вдруг кто-то из них решил вернуться?

– А как же Таалу?!

– За ним присмотришь ты. Все равно больше никто не сможет к нему приблизиться, – непреклонным тоном велел он, нахлобучивая на голову шлем. – Риату я передам, чтобы занес тебе побольше тряпок. Вернись через час. И очень надеюсь, что за это время ты не сделаешь глупостей.

Глава 10

Когда он ушел, я со смешанным чувством посмотрела на лежащего без сознания повелителя.

Красивый... кто бы что ни говорил, а все-таки Таалу красив, пусть и непривычной для нас красотой. Сейчас излишне резкие черты его лица заметно смягчились. За закрытыми веками не были видны нечеловеческие глаза. Тонкие губы слегка приоткрылись, а на обнаженной груди все еще алело несколько капелек крови, словно напоминание о том, что в определенной степени из-за меня он оказался в таком уязвимом состоянии.

Подумав об этом, я закусила губу, а затем решительно поднялась с дивана и, сняв перчатки, бросила их на стол.

Так. Мне нужна сила. И желательно прямо сейчас, а то какие-то нехорошие мысли лезут в голову. Нелюдь есть нелюдь. И я для него – не более чем сиделка. Но, поскольку благодатью я воспользоваться не могу... у меня ее просто-напросто не осталось... то для начала стоило бы заняться собой. Хотя бы потому, что для Таалу я больше ничего не могу сделать.

Добраться до изумрудного зала труда не составило – оказывается, у моранов не было принято запираить двери на замок. А вот с механизмом, открывающим дыру в потолке, пришлось повозиться, потому что я очень смутно представляла, в каком именно месте он находился.

Мы с По потратили кучу времени, чтобы отыскать загадочный рычаг. Но в конце концов я припомнила объяснения Риату и, тщательно обшарив одну из стен, в итоге все-таки нащупала участок, который при прикосновении едва заметно вибрировал.

Разумеется, всех тонкостей управления зеркалами я не знала, поэтому открывшееся наверху отверстие получилось маленьким, а падающий вниз световой пучок – очень узким. Но мне и его хватило, чтобы сразу почувствовать себя лучше.

Какое-то время после этого я просто стояла, высоко запрокинув голову и купаясь в лучах божественного света. Впитывала его всей кожей. Беззвучно молилась. Благодарила. Тянулась вверх всем существом в надежде, что мать-богиня и дальше не откажет мне в помощи. Но в какой-то момент что-то изменилось вокруг, и внутренняя молитва оборвалась. А потом я повернула голову и чуть не вздрогнула, наткнувшись на пристальный взгляд из темноты.

– Ты закончила? – хрипло спросил владыка Таалу, когда я опустила

руки и повернулась к нему всем корпусом.

Я кивнула, и свет над моей головой тут же погас.

– Зачем ты пришла в пещеру?

– Вам лучше? – словно не услышала я.

Моран неуловимой тенью скользнул ближе, и я досадливо поморщилась, обнаружив, что он не только успел одеться, но и умудрился где-то раздобыть новый доспех.

– Ты не ответила на мой вопрос, – прищурился повелитель, подходя вплотную.

Я снова кивнула:

– Да. Но лишь потому, что вопрос не требует ответа.

– Боюсь, это преступление, – покачал головой моран и, быстро наклонившись, с наслаждением вдохнул. – Самое страшное преступление для женщины – пахнуть для мужчины так... соблазнительно.

Я удивленно замерла.

О чем он вообще толкует? Сейчас я чувствовала себя как никогда растрепанной и грязной. Перепачканная, как хрюшка, в разорванном платье, с расцарапанными до крови коленками... а Таалу говорит, что ему нравится?!

– Меня будоражит твой запах, – совершенно спокойно признал моран, когда я растерянно на него уставилась. – Он преследует меня с того дня, когда Риату принес его на своей одежде. Знаю, это неправильно – так реагировать на человека, но наше обоняние гораздо лучше, чем у вас. Нередко оно заменяет нам зрение. И вот уже не первый день оно настойчиво зовет меня к тебе, заставляя мучиться вопросом: почему?

– Что «почему»? – неслышно шепнула я, завороченно глядя на сосредоточенное лицо морана.

– Почему это происходит?

Я нервно сглотнула:

– Н-не знаю.

– Вот и я не знаю, – задумчиво обронил владыка, снова отступая на шаг. – Но обязательно это выясню.

А потом вдруг отвернулся и совсем другим тоном велел:

– Идем-ка со мной! Быстро!

Ошеломленная и растерянная, я послушно последовала за мужчиной в соседний зал, где еще вчера он показывал мне мертвую эларию. Следом за ним так же послушно приблизилась к шкатулке и почти не удивилась, когда владыка решительно откинул крышку и достал оттуда еще один цветок.

– Возьми. – На мою ладонь требовательно лег увядший бутон. –

Оживи его!

Я недоуменно опустила взгляд, но все-таки сжала пальцы, позволяя благодати наполнить умирающий цветок. Элария, как следовало ожидать, моментально встrepенулась, расправила листочки и торопливо распустила лепестки, словно боялась не успеть. Но как только это случилось, моран снова протянул руку... на этот раз без перчатки... и я инстинктивно отпрянула, не желая, чтобы еще один символ богини постигла печальная участь.

– Оставь, – с досадой поморщился владыка. – Я уже не так опасен, как раньше.

– Почему? – настороженно уточнила я, не торопясь возвращать ему эларию.

– Потому что большая часть моих сил сейчас хранится в Раалу. И я хочу знать, насколько смертельно для живых то, что осталось.

– Вы что, используете цветок вместо индикатора?!

– Могу взять и зверя. И птицу. И человека. Но цветок не так обидно потерять, согласись?

Я недоверчиво покосилась на морана, но все же повернулась и раскрыла ладони. А затем осторожно протянула ему эларию, гадая, каким именно образом повелитель собирается ее использовать.

Все оказалось донельзя просто – взяв цветок двумя пальцами, владыка Таалу поднес его к лицу и, убедившись, что умирать растение не собирается, принялся медленно считать вслух. Уже на счет «три» элария начала подсыхать, словно из нее с огромной скоростью высасывали жизненные соки, на «пять» опустила листики и поникла. На «семь» ее окончательно согнуло. А на «девять» цветок стал чернеть так же, как и первый. И рассыпался прахом в тот самый миг, когда размеренно отсчитывающий последние мгновения ее жизни моран дошел до числа «тринадцать».

– Что ж, неплохо, – кивнул он, невозмутимо отряхнув руки и снова надев перчатку. – В тринадцать раз слабее, чем накануне.

– И что это значит? – с подозрением осведомилась я. – Что вы во столько же раз ослабли?

– Не только. Это значит, что сегодня Раалу смог забрать у меня гораздо больше, чем в прошлый раз. И теперь я почти уверен, что, если со мной что-то случится, сразу он не погибнет.

– Что-то я не уловила сути...

Владыка со стуком захлопнул крышку шкатулки и снисходительно усмехнулся:

– Обычно в правящей семье рождается несколько мальчиков. Так заведено, и к этому стремятся наши отцы. Самому сильному из сыновей достается бремя власти, а остальные становятся для него запасными... сосудами. Не смотри на меня с таким укором – на самом деле это оправданно и удобно, потому что владыка, как бы хорош он ни был, не всегда способен себя контролировать. К примеру, когда он зол, расстроен, ранен... или влюблен. Именно на этот случай и необходимы братья.

– Они забирают его силу? – изумилась я.

– На время. Кто сколько сможет. Соответственно чем больше братьев, тем проще пережить очередной всплеск.

– Это как-то связано с тем, что вы – родственники? Или любой моран может выполнять эту функцию?

– Только те, кто близок по крови. По этой причине нас всегда воспитывают вместе и с раннего детства приучают к мысли, что владыка – наше единственное спасение от Смерти. А мы – единственное спасение для него. Предать его невозможно – от этого зависит выживание нашей расы. Оставаться рядом опасно, но когда братьев много, эта ноша ложится на плечи всех, и ее не так тяжело нести.

– Но Раалу один... – вздрогнула я.

Повелитель согласно наклонил голову:

– Да. Именно поэтому ему так трудно. Он – то звено, которое не дает мне потерять связь с внешним миром. Все, что в силу объективных причин недоступно мне, приходится делать ему. Фактически он тянет на своих плечах ту ношу, которую обычно делят на двоих или даже на троих. Но он не жалуется. Терпит. Помогает во всем, хотя прекрасно знает, насколько это рискованно. Если бы не он, я бы не дожил до этого дня. И если бы не жертвы, на которые он идет ради нас обоих, у моранов уже давно не стало бы повелителя.

Я зябко поежилась. Об этих подробностях мне тоже никто не докладывал... Я-то думала, Раалу просто паникер и зануда, а он, оказывается, верный брат и на редкость самоотверженный тип, который постоянно рискует собственной шкурой, но дает брату возможность хотя бы ненадолго отдохнуть от той сумасшедшей силы, что каждый день пожирает его изнутри.

– Простите, – отчего-то почувствовав себя неловко, пробормотала я. – Не знала, что у вас все так сложно.

Повелитель Таалу тяжело вздохнул:

– Я не хочу, чтобы ты воспринимала Раалу как врага. Ему нелегко. Очень. И он так привык, что, кроме него, здесь никого не бывает, что,

возможно, твое присутствие кажется ему угрозой.

– Я вам тоже не враг, – буркнула, не поднимая глаз. – Но и вы поймите: сестры для меня – как для вас – Раалу. Я бы не допустила, чтобы они пострадали из-за меня.

– Если я их отпущу, ты закончишь то, что начала? – помолчав, спросил владыка.

Я торопливо кивнула:

– Конечно.

– И устроишь мне встречу с настоятельницей?

– Готова передать с сестрами весточку в Белый храм. Когда они туда придут, послание непременно прочитают, и вы увидите верховную. А я со своей стороны постараюсь сделать все, чтобы эта встреча вас не разочаровала.

– Договорились, – спокойно ответил повелитель Таалу, заставив меня незаметно выдохнуть. – Я распорядюсь, чтобы твоих сестер подготовили к дороге. Но прежде чем они покинут дворец, ты поклянешься именем своей богини, что в точности исполнишь все, что сейчас пообещала. Проведешь необходимую подготовку и завершишь свадебный ритуал как положено. Не нарушишь наших законов. И не покинешь мой дом до тех пор, пока я не сочту твои обязательства полностью выполненными.

Я снова кивнула. А когда он выжидательно прищурился, глубоко вздохнула и без колебаний подтвердила:

– Клянусь!

Раалу, как и обещал, вернулся быстро, освободив меня от обязанности присматривать за братом. Сама по себе эта обязанность, правда, не особенно тяготила, однако мысль о том, что я в столь неопрятном виде нахожусь рядом с мужчиной, которому мой запах кажется привлекательным, откровенно не вдохновляла. Поэтому, узнав о том, что детей спасли, а уцелевших жителей, среди которых нашлись и родители мелких, переправили в соседнее городище, я с облегчением покинула покой владыки. А вернувшись к себе, с наслаждением забралась в роскошную мраморную ванну. Отмокать. И вдумчиво размышлять обо всем, что успела узнать за этот недолгий, но очень утомительный день.

Обед мне принесли уже наслышанные о случившемся на нижнем уровне Ринаре и Альнаре. Однако, поскольку я была не в настроении это обсуждать, они просто поставили подносы на стол и тихо удалились, не рискнув отрывать меня от раздумий.

Точно в таком же молчании прошел и ужин, во время которого меня,

что удивительно, никто не потревожил. И на редкость спокойно прошла вся последующая ночь, на протяжении которой мне не приснилось ни одного кошмара и не появилось ни одного дурного предчувствия.

А вот утро, как и следовало ожидать, снова началось неоправданно рано, так как аккуратно перед рассветом, как и во все предыдущие дни, опять меня разбудил неугомонный Риату. Надо признать, на этот раз он действительно соизволил довольно громко постучать, благодаря чему я не стала швырять в него тяжелыми предметами. Но когда я открыла дверь и окинула возмутителя спокойствия раздраженным взглядом, он все-таки счел за лучшее извиниться:

– Простите, что так рано, госпожа Нораатис, но вас желает видеть господин Раалу.

– У вас что, вообще никто по утрам не спит? – пробурчала я, одной рукой опираясь на метлу, а второй поддерживая сползающее с плеч одеяло.

Риату сокрушенно развел руками, словно демонстрируя, что тут он бессилен что-либо изменить, а я мысленно застонала. Но все-таки с неохотой поплелась умываться и подбирать себе новый гардероб, надеясь, что в ближайшие пару часов мне не понадобится снова бегать по заваленным обломками пещерам на каблуках.

Когда я зашла в тронный зал, Раалу уже ждал меня неподалеку от пирамиды и по привычке мерил шагами пустое пространство. Со вчерашнего дня в нем совершенно ничего не изменилось, кроме того, что вместо доспехов он опять нарядился в свои летящие одежды. А вот при виде моего платья он почему-то замер и издал какой-то невразумительный горловой звук.

Платье как платье... чего он занервничал? Да, сегодня оно совершенно не праздничное, но я решила, что черный – подходящий цвет для мрачного подземелья. Особенно в случае, если мне опять придется куда-то спускаться или стучать по головам одержимых.

– Доброе утро, – хмуро поприветствовала я морана, когда почти добралась до пирамиды. А потом кинула быстрый взгляд на пустующий трон и, царапнув пол любимой метелкой, негромко хмыкнула: – Неужто повелитель еще не встал?

– Сегодня мы и без него прекрасно обойдемся, – наконец-то отмер Раалу, коротким кивком обозначив приветствие.

– Мы? Разве я что-то пропустила? – удивленно переспросила, а По настороженно встрепенулась.

– Сроки сдвинулись, ты же понимаешь. Поэтому невестами надо заниматься уже сейчас. А поскольку для второго отбора присутствие брата

необязательно, пускай он лежит и восстанавливается. Обойдемся своими силами.

Я окинула собеседника скептическим взглядом.

А вчера меня об этом предупредить? А хотя бы намекнуть, что поутру мне предстоит еще одна сложная процедура? Я бы хоть перекусила по-человечески, в изумрудный зал на минутку заглянула... впрочем, Раалу до этого, наверное, нет особого дела. Он же не видел, во что я превратилась после первого тура.

Сейчас, конечно, девушек меньше, и я вчера неплохо подпиталась, но мои силы все равно не бесконечны. А если моран вдруг придумает для невест дополнительное испытание, мне снова грозит унижительный обморок.

– А ничего, что ты сегодня без доспехов? – ровно осведомилась я, пытаюсь представить, что мне предстоит сделать на этот раз.

– А что не так? – удивился Раалу.

– В тебе же силы бурлит немерено. Если кому-то из невест станет плохо, владыке это может не понравиться.

– Если они не смогут выдержать мое присутствие хотя бы на протяжении нескольких минут, значит, рядом с Таалу им делать нечего. К тому же сегодня я не собираюсь к ним приближаться. Для этого у меня есть ты.

Я сокрушенно покачала головой:

– Очень удобно. И почему за гениальные мужские идеи так часто приходится расплачиваться женщинам?

– Хватит причитать, – пренебрежительно фыркнул Раалу. – Сейчас невест приведут, и начнем.

Словно услышав его слова, двери в тронный зал вновь распахнулись, и внутрь, беспокойно озираясь, зашли девять девушек. Все в тех же белых одеждах и с плотными вуалями, из-под которых настороженно сверкали неестественно большие глаза.

Раалу, бесцеремонно подтолкнув меня, выжидательно скрестил руки на груди, а я, мысленно обозвав его нехорошим словом, неохотно направилась к невестам.

– Что теперь-то надо делать? – спросила, добравшись до дверей и нерешительно оглянувшись.

– Проверь их еще раз. Те, в ком найдешь слабинку, покинут дворец навсегда. У остальных появится шанс круто изменить свою жизнь.

– Ладно, – вздохнула, снова повернувшись к девушкам. – Давайте строиться, что ли. Не собираюсь я больше бегать за вами по всему залу.

Сейчас те, кто в прошлый раз находился ближе всего к пирамиде, пусть встанут сюда. Те, кто не смог отойти от двери дальше ста шагов – вот сюда. Левее в каждой группе становятся те, что смогли во время прошлого отбора пройти дальше всех, правее – те, у кого результат послабее. Все понятно?

Настороженно покосившись на нетерпеливо постукивающего носком сапога по полу Раалу, девицы послушно выстроились в две линии и выжидательно на меня уставились. Самые умные, почему-то оказавшиеся в первом ряду, сразу обнажили запястья. Остальные, поколебавшись, тоже задрали рукава, так что на первый взгляд технических сложностей не предвиделось.

Однако когда я прошла мимо девиц и по очереди их коснулась, пытаюсь понять, кому и что именно уготовано, несказанно удивилась – картина будущего у некоторых девушек изменилась! Я, конечно, не видела их лиц в прошлый раз, но ощущения, которые испытывает ведьма рядом с тем или иным живым существом, ни с чем не спутаешь. Я помнила, кто из них кто. И безошибочно определила, что из пяти стоящих в первом ряду моранок одна почему-то утратила метку Смерти, и ее будущее из вероятного стало неопределенным! А из четырех девиц с неопределенным будущим у одной метка в ауре неожиданно появилась, тогда как у двух других грядущее стало светлым и безоблачным!

Я сначала даже засомневалась, что такое возможно. И, невзирая на риск, все-таки обошла невест по второму кругу. Однако в моих ощущениях, как ни странно, ничего не изменилось.

– Так. Ты и ты – вон, вы нам не подходите, – распорядился Раалу, когда я сообщила ему результаты проверки. – Ты – подойди на шаг. А ты... да, ты... встань отдельно, чтобы я тебя хорошо видел.

Две девушки из второго ряда, приглушенно всхлипнув, со всех ног кинулись к выходу. Третья со вновь появившейся меткой подошла на шаг ближе. А та, чье будущее стало неопределенным, застыла в стороне. Таким образом, чтобы не сливаться с остальными.

– Теперь идите ко мне. Все вместе. Только медленно! – приказал моран. – Когда почувствуете сильную боль, останавливайтесь и поднимайте руку.

Я окончательно перестала понимать происходящее и тоже отошла в сторонку, а невесты послушно двинулись к пирамиде, с каждым шагом прилагая для этого все больше усилий.

Какое-то время я тщетно гадала о смысле этих манипуляций, но через некоторое время сообразила – оставшаяся в одиночестве моранка из второго ряда не просто шла медленнее, она почти на сотню шагов отстала

от остальных и при этом ощутимо пошатывалась, словно давящая на ее плечи невидимая тяжесть оказалась чересчур велика. А вместе с ней замедлилась и девица с неопределенным будущим, как если бы с печатью Смерти потеряла и прежнюю стойкость. Тогда как девушка, в чьей ауре метка появилась только сегодня, неожиданно показала весьма неплохой результат.

– Все с вами ясно, – недовольно буркнул Раалу, когда невесты остановились на различном расстоянии от двери и одна за другой подняли руки. – Две последние – вон. Остальным отойти на десять шагов назад и поднять вуали.

Я проводила глазами уходящих и вдруг почувствовала странное облегчение. Все-таки пятеро потенциальных смертниц – это намного лучше, чем двенадцать. Хотя для меня как для жрицы даже одна – это слишком много. Но я, если честно, пока не представляла, как ей можно помочь.

– Нора, иди сюда, – властно позвал Раалу, когда девушки исполнили его последний приказ. – Нора! Ты что, уснула?! Ты нужна мне здесь!

Я спохватилась и, приподняв краешек подола, тоже приблизилась к морану. Правда, в отличие от невест повелителя, встала не перед ним, а у него за спиной. И с нескрываемым любопытством взглянула на открытые для моего взора мордашки.

Ну что сказать... внешность у коренных моранок оказалась не то чтобы некрасивой – просто, по сравнению с мужчинами, у них были совершенно другие пропорции и черты лиц. И неестественно крупные глаза, которые на скуластой физиономии того же Риату смотрелись вполне уместно, на узких, чрезмерно вытянутых лицах девушек создавали несколько... пугающее впечатление.

– Мне все равно, какое у вас происхождение, образование, воспитание или склонности, – сухим официальным тоном сообщил им Раалу. – И меня абсолютно не интересуют ваши предпочтения в одежде или ваше мнение относительно свадьбы повелителя. Моя задача – найти для него подходящую пару. И одна из вас станет его женой всего через несколько недель.

Я недовольно поморщилась. Как-то он очень уж с ними строго себя ведет... и не по-морански грубо, ведь девчонки ни в чем не виноваты. К тому же, если верить моим помощницам, все они явились сюда добровольно, и давить на них сейчас, прямо скажем, не по-мужски.

Впрочем, Раалу мое мнение тоже не волновало.

– Вам наверняка известно, что покушение на будущую владычицу

карается смертной казнью, – так же сухо продолжил он. – Но, возможно, кто-то успел забыть, что наказание в той же мере относится не только к простым моранам, но и к вам.

Я покосилась на Раалу с недоверием.

Он что, серьезно?!

Впрочем, в прошлый раз одна из моранок смотрела на меня весьма недобро. Так что, быть может, моран не так уж и не прав в том, что решил их предупредить?

– Если кто-то из вас, пребывая в стенах этого дворца, внезапно отравится, «случайно» упадет с балкона, будет раздавлен упавшей сверху плитой или пропадет без вести... и до меня дойдут сведения, что причиной ее смерти явилась одна из вас, вы умрете. Если к тому времени виновница станет женой моего брата, она также умрет, но уже после того, как родит ему наследника. Надеюсь, это ясно? Все понимают, что от кары за такое преступление вас не спасут ни титул, ни деньги и ни другие привилегии?

Девушки испуганно переглянулись.

– Хорошо, – удовлетворенно заключил Раалу, когда они быстро-быстро закивали. – С этого дня вам дозволяется заговаривать со слугами и любыми моранами, не имеющими отношения к вашим свитам. С этого же дня вам разрешается открывать лица и свободно перемещаться по дворцу, однако делать это вы будете только в присутствии личной охраны, которая вам полагается. Отныне каждая из вас получает официальный титул невесты повелителя и вправе пользоваться всеми положенными по статусу привилегиями.

На лицах девушек промелькнуло облегчение.

– А напоследок хочу напомнить: присутствующая здесь жрица также находится под защитой владыки Таалу, – уже тише добавил моран. – И поскольку именно от нее будет зависеть окончательный выбор, за смерть этой женщины назначено такое же наказание, как и за вашу. Меня хорошо слышно?

Моранки склонились в глубоких поклонах.

– Тогда вы свободны. Ваше обучение начнется с завтрашнего дня.

– Что за обучение? – тихонько любопытствовала я, когда невесты одна за другой покинули тронный зал.

Раалу усмехнулся:

– Обычная тренировка воли. Ты же видишь – они даже ко мне вплотную подойти не смогли, а во время свадебного обряда одной из них придется провести рядом с Таалу достаточно много времени. Только тогда он станет для нее безопасен.

– А это что, можно тренировать? – удивилась я.

– Как и любую способность.

– Вот так новость. И как, позволь спросить, ты собираешься это делать?

– Нет ничего проще, – пренебрежительно фыркнул моран. – Они просто каждый день вплоть до самой свадьбы будут проводить время со мной. Сначала по минуте-две. Потом все больше и больше. До тех пор, пока не смогут выдержать хотя бы час в моем присутствии. Или пока я не пойму, что кто-то из них стал для нас бесполезен.

Я наморщила лоб:

– Хочешь сказать, ты будешь постепенно наращивать силу воздействия, добиваясь от леди хотя бы частичного привыкания? Так же, как сам привыкал принимать силу у повелителя?

– Именно.

– Но разве у нас есть на это время? – справедливо усомнилась я в правильности принятого им решения. На что Раалу резко повернулся и как-то недобро прищурился:

– Спроси лучше: а есть ли у нас выбор?

Глава 11

Владыка Таалу сдержал обещание – уже на следующее утро мои сестры по вере благополучно стояли у главного входа и были готовы покинуть подземный мир. Одетые в привычную мужскую одежду. Собранные по-походному. С наполненными до отказа дорожными мешками. И с боевыми посохами, которые я с позволения владыки Таалу вчера собственноручно зарядила в изумрудном зале.

Чуть дальше их поджидала четверка упакованных в доспехи моранов – почетная охрана и одновременно проводники. А над ними, прикрывая нас с сестрами, полупрозрачным куполом висело защитное заклинание, которое должно было сгладить исходящие от дворца эманации Смерти и избавить девушек от их воздействия.

По очереди оглядев неловко переминающихся сестер, я облегченно выдохнула.

Ильяна, Нарина, Майана, Дарна... Сейчас они выглядели так, как и должны были в свои двадцать пять – тридцать лет. Не сгорбленные старухи и не уродливые карги, а красивые, молодые, лучащиеся силой матери-богини жрицы, готовые сражаться за свои убеждения хоть со всем подземным миром.

Наконец-то моя совесть была чиста. Я сделала все, ради чего покинула храм, и ничуть не жалела, что останусь в подземелье в одиночестве. Правда, девочки мое мнение явно не разделяли, да и радости на их лицах я не увидела. Напротив, сестры были расстроены, подавлены и изо всех сил сдерживали слезы.

– Так не должно было случиться, – прошептала Ильяна, поднимая на меня виноватый взгляд. – Это неправильно, что ты обменяла наши жизни на свою свободу.

Я покачала головой:

– Четыре жрицы – намного лучше, чем одна. Ты же знаешь правила.

– Да. Но госпожа Тейлара все равно придет в ярость, когда узнает, что мы тебя бросили.

Я слабо улыбнулась: наставница всегда относилась ко всем нам, как к собственным дочерям. И беспокоилась за всех абсолютно одинаково.

– Вы не бросили меня. И не сбежали. А просто честно выполнили приказ, который отдала более сильная ведьма.

– Что нам сказать в храме? – снова спросила Ильяна как старшая из

жриц.

– Ничего.

– А если ты не вернешься в срок?

Я снова улыбнулась:

– Наставница знает, как поступить. А если вдруг надумает сделать глупость, передайте ей только два слова: долг и оракул. Она – умная женщина. Она поймет.

– Это неправильно, – тоскливо повторила Ильяна. – Тебе не хуже нее известно, что нам не положено вмешиваться в чужие судьбы и обычаи!

– Прости, но я вижу будущее дальше, чем ты. И знаю, что, если откажусь помочь повелителю, станет только хуже.

– Но мораны опасны! – воскликнула дотоле молчавшая Нарина. Пожалуй, самая молодая из боевых жриц. Соответственно самая нетерпеливая и горячая. – Неужели ты не понимаешь, что каждый день здесь приближает тебя к смерти?!

Я нахмурилась:

– Моранам нет смысла нарушать обещание. Да и сила их действует на меня не так быстро, как на вас. Я справлюсь, сестра. Уходите. Вы, четверо, для храма сейчас важнее, чем я.

– Но повелитель не знает, о чем просит! Ему ведь все равно, что ты состаришься за неделю!

Я снова улыбнулась:

– До этого дня богиня не оставляла меня своим вниманием. Я верю, что не оставит и дальше. К тому же пара-тройка недель – это еще не вечность, так что не волнуйся, сестра. Я в порядке. Ну а вам, думаю, уже пора.

Девушки одновременно дрогнули и растерянно на меня посмотрели, они до последнего не верили, что я действительно решила остаться. Но потом Ильяна тяжело вздохнула и склонилась в глубоком поклоне. А когда такой же поклон ей вернула я, остальные жрицы с видимой неохотой смирились. Отступили. И с тяжелым сердцем двинулись прочь, сопровождаемые надежной охраной.

Возвратившись под своды дворца и поднявшись на ближайшую террасу, я еще долго смотрела, как они медленно движутся к выходу.

Пещера была большой, до ближайшего тоннеля расстояние оказалось приличным, так что я успела мысленно и поговорить, и поспорить, и по-настоящему попрощаться с уходящими сестрами. А когда последняя из них наконец скрылась из виду, со вздохом отвернулась и, крутанув в руке свою неказистую метелку, насмешливо заключила:

– Ну вот мы и снова одни, По. Как всегда, вдвоем против целого мира... тебе не кажется, что это символично?

Метла моментально оцетинилась. Но как только я двинулась прочь, снова привела себя в приличный вид и затихла, словно тоже понимала, что ее время еще не пришло.

На протяжении следующих нескольких дней меня никто не беспокоил. Раалу, по-видимому, вплотную занялся невестами брата и в моих услугах пока не нуждался. Владыка меня тоже к себе не вызывал. И даже присланный в помощь Риату больше не стремился поднять меня ни свет ни заря, чтобы полюбоваться на помятую физиономию и заодно сообщить какую-нибудь сногсшибательную новость.

Одним словом, я заскучала.

Делать в гостевых покоях было решительно нечего. Книг мне, к сожалению, никто не предоставил, а когда я намекнула, что не прочь что-нибудь почитать, Риату с удивлением сообщил, что в подземном мире этот способ передачи информации не пользуется спросом, поскольку бумага здесь долго не живет.

Перебирать забитый тряпками шкаф и рассматривать притащенные Ринаре и Альнаре наряды было тоже неинтересно. Сами девочки у меня надолго старались не задерживаться – их контракты разрешали только прибрать мою комнату, принести еду и вымыть грязную посуду. Так что они, можно сказать, не сильно меня развлекали, и, по сути, мы виделись только три раза в день – за завтраком, обедом и ужином, время наступления которых я, к собственной радости, вскоре стала довольно точно угадывать.

К концу третьего дня я начала потихоньку сходить с ума от безделья и, поняв, что долго так не протяну, решительно выбралась из комнаты, нагло заявив охране, что желаю прогуляться по дворцу.

Я же здесь не пленница, верно? Никто меня не запирает. Ну а то, что повелитель однажды обмолвился, что уже подумывает это сделать, вовсе не означало, что я обязана во всем его слушаться.

К моему несказанному удивлению, один из стражей, заведя меня с метелкой, тут же загородил дорогу и с помощью переговорного амулета вызвал Риату. Тот, примчавшись буквально через пару минут, неохотно подтвердил, что я действительно обладаю теми же привилегиями, что и невесты повелителя. То есть могу гулять где вздумается. Заговаривать с любым понравившимся мораном. И даже лицо не скрывать под плотной вуалью, чего я, собственно, и раньше не делала.

Для меня было лишь одно обязательное условие – передвигаться по

дворцу в сопровождении личной охраны. Хотя бы одного из стражей, чтобы соблюсти приличия. А когда я вкрадчиво осведомилась, кто из присутствующих здесь «мурашей» готов взять на себя эту нелегкую обязанность, Риату окончательно скуксился, но все же любезно согласился выгуливать меня в свободное от работы время.

Возможность получше осмотреть обитель повелителя моранов стала для меня настоящей отдушиной в эти утомительные и кажущиеся бесконечными серые дни. Я часами бродила по запутанному лабиринту коридоров, бесцеремонно засовывала нос во все мало-мальски интересные углы. Не поленилась измерить ножками длину и ширину каждого коридора. Все облазала, осмотрела. Побывала, наверное, на всех без исключения террасах и с разных мест изучила главную пещеру моранов. Потратила уйму времени, чтобы посетить все окрестные лестницы и побывать на всех близлежащих этажах. И только к личным покоям владыки меня почему-то не пустили. Сказали, мол, повелитель занят и велел его не тревожить.

Когда же я напомнила, что только в его покоях имеется жизненно необходимый для меня свет, Риату всерьез озадачился и надолго куда-то исчез. А когда вернулся, то все-таки довел меня до нужного яруса, позволив беспрепятственно войти в святая святых. Однако, к моему разочарованию, владыки Таалу там не оказалось.

Так было на второй, и на третий, и даже на четвертый день, после чего я справедливо заподозрила неладное. А поразмыслив, пришла к выводу, что повелитель никуда из дворца не делся, а просто каждый раз заранее покидал свой кабинет, чтобы лишний раз со мной не встречаться.

Очень странно, да?

К сожалению, так это или нет, выяснять оказалось не у кого, так что от идеи душевного разговора мне пришлось отказаться. Зато я тщательнейшим образом изучила изумрудный зал и обнаружила, что рисунок на арках далеко не везде закончен. А потом вспомнила, что хотела побольше выяснить о загадочных шахтах и с новыми силами принялась исследовать дворец.

Благодаря Риату принцип управления дверьми я уже поняла, поэтому открыть расположенную напротив моих покоев шахту никакого труда не составило. Про магию, которая позволяла расположенному внутри диску с легкостью перемещаться вверх и вниз, я в общих чертах тоже уяснила. И не знала только одного – каким образом его можно вовремя остановить. Но оказалось, что и тут все довольно просто.

Подобных шахт, как следовало догадаться, во дворце имелось превеликое множество. Часть из них служила для быстрого спуска-подъема

до нужного уровня и имела всего два конечных пункта – верхний и нижний, без промежуточных остановок. Скорость движения диска в них была огромной. Высота – самой различной. Вертеться и даже просто лишней раз шевелиться в этих дисках строго не рекомендовалось, но все неудобства с лихвой компенсировались быстротой и легкостью доставки. И надо ли говорить, что эти скоростные шахты были доступны не всем?

Другое дело – так называемые шахты «для слуг», в которых диск двигался гораздо медленнее и делал на каждом ярусе коротенькую остановку. Доехал до своего уровня – прикладывай руку к стене и выходи, потому что двери открывались без промедления. Не приложил вовремя руку – ежь дальше и жди своей остановки. Пропустил нужный этаж, тоже выходи, ищи другую шахту, и уже с ее помощью отправляйся в обратную сторону.

Мне с моим слабым человеческим зрением нюансы окраски стен были, к сожалению, недоступны, но коренные мораны видели намалеванные на стенах значки прекрасно, поэтому всегда знали, на каком именно уровне находятся.

Кстати, шахты использовались для движения в одном направлении: только вверх или только вниз. Это было не очень удобно, но так уж работала управляющая потоками воздуха магия. Где-то он всегда был горячим и толкал диски исключительно вверх, где-то, напротив, его искусственно остужали, позволяя двигаться только вниз. Доведя диск до дна или, наоборот, до потолка такой шахты, магия ненадолго меняла свой знак, позволяя использованному устройству вернуться в исходную точку, и после этого им можно было пользоваться снова. А чтобы мораны не ждали по несколько часов их возвращения, большинство шахт многократно дублировали друг друга, так что очередей не собиралось.

На какое-то время я так увлеклась изучением данного феномена, что даже задевший за живое отказ повелителя отошел на второй план. А потом я вдруг выяснила, что могу открывать даже те шахты, которые простому морану недоступны, и от этой новости впала в самую настоящую эйфорию.

– Вы – гостя повелителя, – с легким оттенком досады пояснил Риату, когда я случайно распахнула не ту дверь и оказалась на пороге скоростной шахты. – На вас остался его запах, вот магия и среагировала. Но я бы не советовал вам лишней раз злоупотреблять гостеприимством владыки.

– При чем тут запах? – хмыкнула я, послушно отступив от двери, которая тут же бесшумно закрылась.

– Повелитель вас пометил.

– Зачем? Чтобы все знали, что меня нельзя трогать?

– Чтобы узнавали издалека. И в случае, если вы получите допуск в город, жители понимали, что к вам надо относиться как к знатной особе.

Я с сожалением покосилась на ставшую монолитной стену.

– Значит, вы тоже чувствуете его запах?

– Сейчас он стал слабее, – улыбнулся Риату. – А через несколько недель окончательно исчезнет, если, конечно, повелитель не надумает пометить вас снова.

Так вот почему он отказывается со мной встречаться...

Дмурт! Ну почему у моранов все не как у людей?! И вообще, мне стало интересно, когда именно Таалу успел поставить эту непонятную метку!

– Прикосновение, – понял меня без слов моран. – Даже через доспехи это вполне возможно. Раньше такую метку имел лишь господин Раалу, но, поскольку вы тоже способны подолгу находиться рядом с повелителем, она совершенно естественным образом перешла и на вас. Так же, как перешла бы на любого члена правящего дома, но их, к сожалению, почти не осталось.

Я тяжело вздохнула, послушно отступая от стены. А когда Риату ненавязчиво предложил вернуться в гостевые покои, не стала возражать, хотя зарубочку в памяти оставила. Собственно, я до позднего вечера вела себя пайнкой, не стремясь больше никуда выходить. Но как только время приблизилось к ночи, решительно выбралась в коридор и, наткнувшись на бдительных стражей, так же решительно заявила:

– Мне нужно срочно встретиться с господином Раалу!

Авантюра, конечно, казалась рискованной и отдавала самоубийственной наглостью, но упускать такой шанс было бы глупо. Как жрицу и коренную жительницу верхнего мира наука моранов меня до крайности заинтересовала, а гармонично переплетенная с ней магия вызывала жутчайшее любопытство. Не могла же я пройти мимо такой грандиозной загадки!

К тому же я не такая злостная обманщица, как кто-то, возможно, подумал. Лгу я только в случае острой необходимости. А сейчас такая необходимость была, потому что, как бы странно это ни выглядело, мне действительно нужно было кое с кем поговорить.

К моему удивлению, стражи не стали препятствовать моему уходу и даже любезно проводили до нужного яруса, благоразумно не дойдя до него нескольких поворотов. Видимо, ограничений на посещение брата повелителя никто не накладывал, так что «мураши» даже за Риату не побежали. Сами все сделали и честно исполнили свой служебный долг.

Молодцы.

Когда они отправились в обратный путь и скрылись за поворотом, где должны были терпеливо дожидаться моего возвращения, я зажала метлу под мышкой и на цыпочках помчалась исследовать стены на предмет наличия скоростных шахт. В том, что они здесь были, сомневаться не приходилось, и мне во что бы то ни стало следовало отыскать хоть одну. Желательно ведущую вниз.

Путем долгих проб и ошибок нужную шахту я в конце концов обнаружила, хотя понятия не имела, куда она приведет. Однако, поскольку рисковать я никогда не боялась, без колебаний ступила на сомнительной прочности диск и, стукнув ладонью по стене, затаила дыхание, очень надеясь, что это – действительно шахта, а не просто труба для сброса всякого мусора.

Несколько минут в кромешной тьме продолжалось знакомое ощущение падения, и вот я уже высунула нос в незнакомом коридоре и гадала, куда же именно меня занесло.

Оказалось, что к тронному залу, и это тоже было прекрасно, потому что найти дорогу к нужной шахте отсюда гораздо проще, чем из какого-либо другого места.

Потратив где-то с полчаса на блуждание по запутанным коридорам, я благополучно выбралась на знакомую террасу и, обшарив одну из стен сверху донизу, с облегченной улыбкой открыла ту самую шахту, ради которой, собственно, и решилась на этот маленький побег.

– Наконец-то!

Войдя внутрь, я без колебаний закрыла за собой дверь и прикрыла глаза, стараясь успокоить громко колотящееся сердце.

Конечно, я серьезно рисковала, Риату наверняка скоро спохватится. Кто-то из охраны, возможно, наткнется на слуг и узнает, что я так и не дошла до места назначения. А то, может, и сам Раалу решит на ночь глядя куда-то выбраться из покоев, и тогда моя ложь обязательно вскроется. Но я надеялась, что до этого времени сделаю все, что задумала, и успею вернуться, так что никто, кроме того, к кому я спешила, не узнает, что я полночи провела совсем не там, где собиралась.

На этот раз спуск показался мне гораздо более быстрым, чем в первый раз, когда мы были здесь вместе с Таалу. А вот запах смерти в погруженном в темноту коридоре ощущался намного явственнее: оракул моранов действительно умирал. И, пока этого не случилось, мне было жизненно важно с ним поговорить.

Когда я подошла к двери, она без предупреждения распахнулась,

и тогда сочащийся из комнаты запах стал совершенно непереносимым. От него кружило голову, мутилось в глазах, а к горлу то и дело подкатывала тошнота. Но я справилась с собой. Заставила себя остаться на месте. И почти не удивилась, когда изнутри донесся невнятный шорох, а надтреснутый, смертельно уставший голос едва слышно шепнул:

– Заходи. Я ждал тебя, девочка. И уже давно готов озвучить свое последнее предсказание...

Глава 12

– Мое имя Маару, – прошелестел он, стоило мне переступить порог. – Подойди ко мне, милая. И прости, что в прошлый раз я был с тобой груб. Некоторые вещи не стоит говорить при посторонних, особенно если считаешь, что они этого недостойны. А я хотел сообщить тебе то, чего не следует знать моим сыновьям.

Сослепу наткнувшись на угол кровати, я ухватилась за него одной рукой, а второй оперлась на метлу, чтобы не упасть.

– Сыновьям?!

Оракул приглушенно рассмеялся:

– Я назвал тебе свое имя, девочка. Разве ты не поняла? И разве не поверила, когда я сказал, что когда-то я был носителем Смерти, как Таалу? И таким же повелителем Моралы, каким является он?

– Маару... – запинаясь, повторила я. – Да. Это имя для мужчины из правящего рода. Но почему именно вы? Почему здесь? Так?! Да еще и оракул?!

– Я прожил долгую жизнь, – хрипло закашлялся моран. – Не скажу, что счастливую, но свой долг перед народом я выполнил. И пусть истинный наследник у меня всего один, но ничего изменить я уже не в силах...

– У вас же два сына, – осторожно напомнила я.

– А скоро не останется ни одного. Если ты не сможешь завершить обряд как положено и не примешь решение, которое в итоге изменит все.

– Простите, я вас не понимаю...

– Этого и не нужно. Твоя задача давно определена. Но если все еще сомневаешься, попроси Таалу показать тебе пещеру двух озер.

– Зачем?

– Для наглядности, – хмыкнул прорицатель. – Хотя и это уже необязательно. Я лишь хочу сказать, чтобы ты не верила всему тому, что увидишь, всегда сама искала ответы на вопросы, слушала собственное сердце. И по-настоящему доверяла лишь ему, потому что иначе мой род обречен, а твой мир, скорее всего, погибнет.

Я сглотнула и, чтобы скрыть охватившую меня дрожь, присела на край развороченной постели.

– Что я должна сделать, чтобы этого не произошло?

– В первую очередь – верить. В себя, в вашу богиню, в свою правоту.

– Но я и так верю, – улыбнулась я. – И не собираюсь ничего менять.

– Знаешь, когда-то у меня была любимая женщина, – словно не услышал оракул, и я тревожно замерла, ощущая, что стою на пороге великой тайны. – Красивая женщина. Терпеливая. И неистово любящая, что для такого, как я, настоящее чудо... прежде чем все изменилось, мы прожили вместе несколько лет. Несколько очень счастливых и памятных лет, в течение которых я каждое утро вставал с улыбкой и искренне верил, что это продлится вечно. Знаешь, в чем была моя ошибка? – неожиданно спросил Маару, когда я затаила дыхание. – Я всегда считал, что мое чувство к ней намного сильнее, чем то, что испытывала ко мне она. Мне казалось, что никто в целом мире не способен быть таким нежным, так трепетно заботиться о женщине и умирать от безумного желания ее защитить.

– Вы ее любили? – тихо вздохнула я, когда старик на мгновение умолк.

– Да. Но тогда я еще не знал, что любовь может стать навязчивой, а желание уберечь способно превратиться в удавку.

От прозвучавшей в его голосе горечи у меня тревожно екнуло сердце.

– В то время я был чересчур настойчив, – едва слышно признался оракул. – Упрям. И верил лишь в собственную правоту. Поэтому до последнего не хотел видеть, как тяжело ей оставаться рядом. Отказывался верить, что вместе со мной она может быть хоть в чем-то несчастлива. Надеялся, что ее желания – не более чем обычные женские капризы. А когда она решила уйти... сделал то, за что до сих пор прошу у нее прощения.

Я встрепенулась:

– Вы не захотели ее отпустить?

– Да. Потому что знал: как только она переступит порог нашего дома, моя жизнь тоже закончится. А без меня в этом мире некому стало бы сдерживать Смерть. Некому бороться за наш народ. Поэтому ради них... ради себя и подрастающих сыновей... я остановил ее. Уговорил остаться. И все последующие годы наблюдал, как она медленно угасает у меня на глазах. Как стремительно тают ее силы. И как день за днем отдаляются от меня родные дети, у каждого из которых я отнял не только детство, но и мать.

Нервно сцепив пальцы, я всмотрелась в клубящуюся над изголовьем тьму, в которой, по мере того как привыкали мои глаза, стало медленно проступать изможденное лицо.

Я уже знала: у мужчин этой расы очень трепетное отношение к близким. Особенно к женщинам, ради которых они готовы на все. Ради семьи мужа Ринаре и Альнаре согласились лишиться силы. Ради детей

они отказались от статуса и предпочли превратиться в обычных смертных. Для моранов, да и для любого мужчины, это огромная жертва. Неоценимая. Но если на нее идут даже простые воины, что же тогда должен был чувствовать повелитель, которому любимая женщина однажды сказала «нет»?

– Она перестала к вам относиться, как раньше? – все-таки рискнула я осторожно уточнить.

– Нет. Шаэра любила меня до последнего.

– Тогда почему она так хотела уйти?

– Верхний мир звал ее сильнее, – тоскливо прошептал оракул, и вот тогда я против воли вздрогнула. – Без вашего проклятого солнца она все время слабела. Каждый день здесь, со мной, забирал у нее несколько лет жизни. Но какое-то время она мирилась с неизбежным. Терпела. Мечтала о том, что в будущем все изменится. И жила лишь тем, что я мог ей дать... а я дал ей все, на что хватило моих возможностей. Все, в чем она нуждалась, но этого все равно оказалось мало. Именно тогда она решила уйти. Но не смогла, потому что я ей этого не позволил.

– Вы просто испугались, – неожиданно поняла я. – Побоялись отпустить, полагая, что она может уйти насовсем!

– Да, – с горечью признал оракул. – И это было ошибкой.

– Но если она так вас любила, что рискнула жить с вами... если ее чувства даже после стольких лет не угасли, то как вы могли подумать, что она вас бросит?!

– Она не бросила бы меня. Никогда. Но и заставляла меня видеть, как она умирает, не хотела.

– Это было ее право, – нахмурилась я. – И оно так же священно, как право на жизнь.

– Теперь я это понимаю, – снова вздохнул старик. – Но тогда я был слишком молод. И мне казалось неправильным, что она будет угасать вдалеке от меня. Что боится показать свою слабость. И упорно пытается скрыть, что каждый вздох в моих объятиях доставляет ей пусть небольшую, но все-таки боль.

Я тут же насторожилась:

– Вы ее к чему-то принуждали?

– Напротив, пытался отдалиться. Старался не прикасаться, хотя это было невероятно трудно. Не подходил, хотя до безумия хотел находиться рядом. И желал собственноручно за ней ухаживать до тех пор, пока с ее губ не слетит последний вздох. Я обмывал бы ей ноги. Кормил. Носил на руках... сделал бы все, чтобы она больше не испытывала боли.

– Почему же вы тогда не нашли решения?! – воскликнула я. – Если вы так дорожили друг другом, то почему не придумали способа остаться вместе?! Ведь она могла бы к вам возвращаться! Могла жить наверху, если это было необходимо! Но время от времени все равно приходит сюда! К вам! Разве так сложно это сделать?!

Оракул покачал головой:

– Все или ничего... Смерть не признает половинных решений. Если бы Шаэра ушла хоть на день, действие обряда утратило бы силу.

– Это еще почему? – опешила я.

– Потому что когда повелитель выбирает пару, сама Смерть венчает его с супругой. И она же тщательно следит, чтобы условия брачного договора соблюдались, – с горечью сказал прорицатель. – Если бы Шаэра ушла в верхний мир, она бы не смогла вернуться. И если бы я ее отпустил, то снова остался бы один. Навсегда. Потому что второй раз мораны не любят.

– И вы приняли решение за вас обоих, – с укором вздохнула я. – Она любила вас, но не смогла жить рядом. А вы заставили ее остаться, лишь бы не быть одному?

– Она говорила, что продолжит жить в наших детях, – болезненно дернулся оракул. – Клялась, что ни на кого больше не посмотрит так, как на меня. Но разве мог я допустить, чтобы там, наверху, она умирала в одиночестве? И разве мог позволить, чтобы наш маленький сын взвалил на свои плечи ношу повелителя прежде, чем станет к этому действительно готов?

Я провела рукой по внезапно вспотевшему лбу.

Не знаю... честное слово, не знаю, существовал ли какой-нибудь выход из этой кошмарной ситуации. Жить без нее он не хотел – в это я, пожалуй, готова была поверить. Последовать за ней не мог, потому что долг держал его здесь крепче любых оков. Да и не смог бы моран остаться в верхнем мире – солнечный свет губителен для него так же, как для меня – живущая в нем сила. Шаэра же не хотела, чтобы он видел ее беспомощной. И, скорее всего, боялась, что в ее гибели он до конца своих дней будет винить именно себя.

Все, что Маару мог тогда сделать – это смириться и отпустить ее туда, где она спокойно закончила бы свой путь. Но при этом терпеливо носить в себе то, что ее убило. Знать, что именно из-за него она так рано постарела и умерла. Годами страдать от медленно убивающего одиночества. И с нетерпением ждать, когда дети хоть немного подрастут, чтобы однажды заменить его на троне и взвалить эту безумно тяжелую ношу на себя.

Не знаю, кто бы смог, оказавшись на месте повелителя, пойти на такую жертву. Не представляю даже, кто бы рискнул хотя бы встать перед подобным выбором. Не говоря уж о том, чтобы сначала принять, а затем твердо следовать любому из принятых решений, каждое из которых так или иначе вынуждало его что-то терять.

– Простите, – прошептала я, поняв, что напрасно подозревала бывшего владыку в малодушии. – Я знаю, вы отдали бы ради нее все... все пережили бы и от всего отказались, если бы вас не держал долг. Вы мечтали оставаться рядом с ней, но были вынуждены отдалиться. Хотели хотя бы в горе ее утешить, но не смели даже подойти. Всем, что у вас имелось, вы пожертвовали ради ваших общих детей. И даже сейчас несете часть этого бремени, надеясь хотя бы так искупить вину перед оставшимися без матери сыновьями.

На потрескавшихся губах старика появилась вымученная улыбка.

– Я потерял все, что было мне дорого. Моя любовь умерла, не выдержав моей силы. Сыновья ненавидят меня за то, что я не сумел этого предотвратить. Живущая во мне Смерть с наслаждением дробит и обглаживает мои кости... но для своих детей я такой судьбы не хочу.

– Поэтому вы стали оракулом! – внезапно осознала я.

– Да.

– Поэтому все еще боретесь! Храните в себе часть этой силы и до последнего не желаете сдаваться!

– Больше мне ничего не остается, – согласно прикрыл веки старик. – Но мое время вышло, девочка. Я ждал только тебя. И теперь, когда ты здесь, наконец-то могу сказать самое важное... запомни: не бывает идеальных людей и идеальных моментов. Жизнь и Смерть – две силы, которые, хоть и противоположны по сути, при всем желании не способны жить отдельно. Оставь в этом мире одну лишь Смерть, и ее существование лишится смысла. А если избавиться от Смерти полностью, то избыток живых очень скоро начнет разрушать мир.

Я невесело улыбнулась:

– Две стороны одной медали...

– Бесконечно далекие друг от друга, но при этом неразделимые. Способные с легкостью друг друга уничтожить, но никогда не стремящиеся к этому.

– Я знаю. Нам сто раз говорили про это в храме, – прошептала, неловко утерев некстати выступившие слезы. – Но я до сих пор не понимаю, чего же вы хотите от меня?

– Хочу, чтобы ты подумала, чем твоя сила отличается от нашей.

И почему, если Смерть настолько сильна, она время от времени позволяет Жизни одерживать верх.

Признаться, такого заявления я от него не ожидала. Но, прежде чем я открыла рот, оракул внезапно шевельнулся и, нащупав мою похолодевшую руку, на мгновение ее сжал.

– А теперь ступай, девочка. Больше мы с тобой не увидимся, потому что все ответы я тебе уже дал. Правда, понять их ты сможешь, лишь когда настанет твой черед встать перед выбором.

Когда я выбралась из шахты, у меня ощутимо подрагивали коленки, а перед глазами все расплывалось от усталости. Вроде бы не так уж и долго я пробыла у бывшего повелителя, но витающая над ним ничем не сдерживаемая Смерть здорово меня подкосила. Если бы не По, вообще не знаю, как бы оттуда выбралась.

– Вот же гадство, – выдохнула я, прислонившись спиной к стене и прикрыв на мгновение глаза. – Опять темно. Наверное, надо было вернуться чуток пораньше.

– Что ты там делала? – сухо осведомился из темноты подозрительно знакомый голос, заставивший меня вздрогнуть и поспешно поднять метлу. – Кто позволил тебе спускаться на нижние уровни?

Лихорадочно обшарив глазами коридор, я, хоть и успела слегка привыкнуть к мраку, все равно не смогла определить, где именно стоит владыка Таалу. И лишь когда моей щеки коснулось легкое, похожее на вздох, дуновение ветерка, с замиранием сердца поняла – близко. Так близко, что это уже становится опасным.

– От тебя опять пахнет Смертью, – с раздражением бросил моран, бесплотной тенью выступив из внезапно сгустившегося мрака. – Зачем ты пошла к оракулу? Да еще и без меня?!

– Просто вы в последнее время изволили заниматься другими делами, – слегка придя в себя, буркнула я, но метлу все-таки опустила. – Причем, похоже, настолько ими увлеклись, что напрочь позабыли о присутствии во дворце почетной гостьи.

Прямо перед моим носом из темноты выступило бледное лицо с неестественно большими глазами.

– Что тебе рассказал оракул?

– Не ваше дело, – храбро ответила я, на всякий случай опираясь спиной на стену.

– Ты играешь с огнем, ведьма... не забывай: ты дала мне слово закончить обряд!

– Да я ни от чего и не отказываюсь.

– А у меня складывается такое впечатление, что ты нарочно ищешь смерти! И прилагаешь все возможные усилия, чтобы где-нибудь понадежнее угробиться!

Я тихонько фыркнула:

– А у меня создалось впечатление, что вы, господин повелитель, всеми силами стараетесь меня избегать. Кстати, я уже большая девочка. И знаю свои возможности. Так что можете не переживать – прямо здесь и сейчас я не помру. Но если вы не перестанете загораживать мне дорогу, могу и в обморок грохнуться. Разумеется, специально, чтобы подарить вам прекрасную возможность укокошить меня собственноручно!

– Что ты мелешь? – озадаченно отпрянул повелитель.

Я устало отмахнулась метлой:

– Ничего. Доброй ночи, вашество. Надеюсь, утром вы будете настроены менее агрессивно.

– Стой, – еще больше удивился он. – Не смей уходить, когда я с тобой разговариваю!

– А я не ваша подданная, мне можно, – сердито мотнула я головой и, не желая рисковать, пошла от него прочь. Но осторожно, тихонько, вдоль стенки, стараясь не очень сильно шататься, дабы владыка не решил, что его «почетная гостья» неприлично пьяна.

– Нора! – совсем уж растерянно позвал владыка Таалу. А сообразив, что этого явно недостаточно, чтобы меня остановить, неуловимо быстро переместился и снова загородил мне дорогу. – Подожди. Нам нужно поговорить!

Я недовольно вскинула голову.

И надо же было такому случиться, что именно в тот момент повелитель протянул ко мне руку! Но вместо того чтобы ухватить за прикрытое тканью плечо, случайно коснулся моего лица. Прямо так, вживую, потому что, похоже, в спешке забыл надеть защитную перчатку!

Мимолетное прикосновение меня обожгло так, что перехватило дыхание. Правда, не от боли... нет. Скорее, это было похоже на чувство, которое испытываешь, когда на тебя без предупреждения выливают ушат ледяной воды. Все мышцы сводит от внезапно обрушившегося водопада. Тело мгновенно немеет. Ты какое-то время судорожно пытаешься сделать вдох, но только через несколько секунд паралич отпускает, и ты снова получаешь возможность дышать.

Только сейчас это чувство длилось не несколько мгновений, а, как мне показалось, целую вечность. Меня сковало так, что на миг почудилось –

все, я уже никогда не воскресну. Знакомый холод свирепой волной окатил мою кожу, коснулся сердца, заморозил душу... а потом так же внезапно схлынул, заставив меня опасно покачнуться и обессиленно сползти вниз по стене, до последнего не веря, что это происходит наяву.

С повелителем тоже творилось что-то непонятное. Поспешно отпрянув, он с перекошенным лицом отступал назад до тех пор, пока не уперся спиной в какую-то колонну. При этом руки у него ощутимо подрагивали, на лице проступило жуткое выражение, а в глазах промелькнул такой ужас, что я ни на миг не усомнилась – это не притворство.

– Прости! – хрипло выдохнул он, когда на мгновение встретился со мной взглядом. – Нора, прости, я этого не хотел!

Я сглотнула, увидев, как под кожей морана начали стремительно набухать черные вены, словно у одержимого. А потом поднесла к лицу дрожащие пальцы и, проведя по онемевшей, ставшей какой-то шершавой, коже, неуверенно улыбнулась:

– Ничего, я ведь еще живая... вроде?

– Ты состарилась! – с мукой прошептал владыка Таалу, и от этих слов у меня в груди что-то испуганно екнуло. – Я едва тебя не убил! Всей силы твоей богини не хватило, чтобы защитить тебя от меня!

Разве?

Я растерянно оглядела свои руки – кожа на них мгновенно ссохлась и стала желтой, дряблой, как у столетней старухи. С неприятным удивлением убедилась, что превратилась в такую же уродину, какими не так давно были мои сестры. А затем как-то разом обмякла и измученно прикрыла глаза, даже не зная, что хуже – действительно умереть или навсегда остаться такой, как сейчас.

– Беги, Нора! – страшноватым шепотом велел владыка. – Уходи отсюда, пока не поздно!

– Не выйдет, – грустно улыбнулась я, даже не делая попытки встать. – Меня ноги совсем не слушаются.

– Я не смогу тебе помочь... только что умер оракул, и теперь его сила тоже переходит ко мне!

Я неохотно приоткрыла один глаз и поежилась, заметив, что вокруг головы и рук повелителя проступило и начало стремительно разрастаться черное облачко, подозрительно похожее на ту жуть, которой он вчера уничтожил демонов. Причем создавалось впечатление, что теперь эта жуть просачивается не только через закрытую повязкой рану, а прямо сквозь поры. Невероятно быстро. Рывками. Как если бы живущая в моране

Смерть, получив новую порцию сил, взбунтовалась и теперь яростно рвалась наружу, не замечая, что тем самым разрушает свой несчастный сосуд!

Когда это облако накрыло владыку целиком и перекинулось на пол и стены, по ним мгновенно побежали мелкие трещинки. Колонна, на которую моран рискнул опереться, прямо на моих глазах истончилась и истлела, словно ее с огромной скоростью пожирали невидимые термиты. То же самое сейчас творилось и внизу, под ним. И наверху. И вообще повсюду.

Я покачала головой.

Так вот каким становится моран, если вывести его из равновесия... С подобными способностями ему должно быть страшно не то что иметь семью, а даже лишний раз высунуть нос из дома. Малейший всплеск, одна-единственная эмоция или дополнительная капля силы, которая некстати решила упасть в переполненный до краев сосуд, и Смерть снова заволновалась. А теперь толчками выплескивалась из посеревшего в мгновение ока морана, готовясь уничтожить все вокруг.

Правда, меня она и на этот раз почему-то не захотела коснуться. Окутавшая нас тьма не добралась до стены каких-то пары жалких шагов. Идущий от нее холод внезапно стих. Вытянувшиеся в мою сторону гибкие щупальца опустились, свившись в мирно упавшие на пол черные кольца. А затем кто-то тихо выдохнул прямо мне в ухо:

– Не умирай... Нора...

Я с трудом приподнялась на дрожащих от слабости руках и лихорадочно заозиралась в поисках спасения. Но вместо того чтобы уползти прочь, нашарила в складках платья позабытый за ненадобностью переговорник и из последних сил в него простонала:

– Раалу-у! Ты мне нужен! Срочно!

В тот же миг по глазам ударила яркая вспышка, и мимо меня метнулась смазанная тень. Почти одновременно с этим с террасы донесся непонятный шум, сердитый окрик и громкий треск, как если бы поврежденный потолок окончательно лишился опоры и все-таки надумал рухнуть на наши головы.

Мгновением позже мое лицо снова обдуло холодным ветерком. А затем чья-то рука властно ухватила меня за шиворот и, одним рывком вздернув на ноги, с огромной силой зашвырнула прямо в раскрытый телепорт.

Я безвольной куклой свалилась на пол и даже не сразу осознала, где именно нахожусь. А когда поняла, что лежу посреди кабинета повелителя Таалу, обессиленно прикрыла веки и, прежде чем потерять сознание,

тихонько взмолилась:

– Спаси его, мать-богиня... прошу тебя, великая: помоги!

Глава 13

«Здравствуй, утро, – мрачно подумала я, открыв глаза и уставившись на ажурный, мягко светящийся потолок. – Может быть, хотя бы сегодня ты будешь добрым?»

Стоило мне пошевелиться, как ко мне тут же наклонилась чья-то бледная физиономия, и жутковатые черные глаза с каким-то болезненным любопытством заглянули в мое лицо.

– Ну что? Как спалось? Надеюсь, тебе снилось что-нибудь приятное?

– Раалу... – поморщилась я, безошибочно узнав гадкого нелюдя, и с трудом села, потирая отчаянно ноющий затылок. – Надо же, ты умеешь шутить? Я поражена. Где моя метла?

– Неужто это единственное, что тебя сейчас волнует? – неподдельно удивился моран.

– Нет. Еще меня волнует раскальвающаяся башка... Ох, ну зачем ты меня с такой силой бросил?

Брат повелителя выпрямился и неловко кашлянул.

– Прости, я спешил. Но согласись, лучше уж разбитая голова, чем смерть?

– Что, все так плохо? – тревожно застыла я, неожиданно припомнив, во что именно вчера превратилась.

Моран оскалился, продемонстрировав белоснежные зубы.

– Сейчас уже нормально. А вот когда я поднимал тебя с пола – думал, не донесу, и ты развалишься прямо в процессе транспортировки.

Я пугливо покосилась на собственные руки, но они, к счастью, выглядели нормально. Кожа упругая, чистая, как раньше. Ни лишней морщинки, ни складочки. Кажется, преждевременная старость мне уже не грозит?

– Но как?! – только и спросила я, воззрившись на Раалу со смесью подозрения и недоверия.

Тот ухмыльнулся.

– Ничего особенного. Взял на руки, принес в зеленый зал, положил на пол, включил свет... потом снова пришел, выключил свет, забрал с пола, перенес на диван. Повезло еще, что ты так быстро восстанавливаешься, иначе нам пришлось бы искать для обряда другую ведьму.

– Да уж, – пробормотала я, невольно передернувшись. После чего на всякий случай ощупала лицо и шею, но убедилась, что все действительно в

порядке, и перевела дух. – Спасибо. А что это было?

– Как обычно: брат разозлился и потерял над собой контроль, – пожал плечами моран. – Да еще энергии у него прибавилось некстати. А ты просто оказалась не в том месте и не в то время. Еще чуть-чуть, и никакая богиня тебя не уберегла бы, потому что от нашей силы есть только одно спасение – бегство. Причем как можно более поспешное.

Я поморщилась.

– У вас же защита стоит на дворце. Твой брат утверждал, что ее вполне достаточно.

– Когда он спокоен, да. Но если вывести Таалу из себя или поранить, как это сделали одержимые, никакая защита не спасет. И вообще ничто... кроме меня.

Я подняла на морана настороженный взгляд.

– Ты действительно можешь забирать у него силу?

– Иногда, – снова оскалился Раалу и вдруг без предупреждения плюхнулся рядом со мной на диван. – Но не всю и не очень надолго.

– Почему? – спросила я, недоверчиво покосившись на откинувшегося на спинку и прикрывшего глаза нелюдя. – Таалу утверждал, что ты прекрасно справляешься.

Моран только фыркнул:

– Брат преувеличил. Пока у меня неплохо получается перехватывать излишки, однако его сила все еще растет. Пусть медленно и постепенно, но однажды мои резервы могут за ней не поспеть. Смерть... знаешь, она во многом похожа на море, ведьма. Ты когда-нибудь видела море?

– А ты? – невольно вырвалось у меня.

Раалу усмехнулся:

– Однажды. Темной-претемной ночью, когда мы с отрядом выбрались на поверхность.

– Зачем вам понадобилось выходить в верхний мир?

– Любопытство, – спокойно признался он. – Тогда я был моложе, чем сейчас. И сила моя была невелика, поэтому брат счел эту прогулку возможной. Тогда же я увидел настоящее море... и оно меня поразило.

Я слабо улыбнулась.

Да. Мне тоже всегда нравилось смотреть на воду.

Белый храм испокон веков стоит на вершине Туманной горы, и из его окон хорошо видна бескрайняя синь Черного моря. Иногда там бушуют шторма, и тогда вода в нем действительно чернеет, но чаще морская гладь чиста и спокойна. И я с детства люблю бродить по каменистому берегу, слушая мерный шелест волн.

– Оракул в чем-то был прав. Наша сила и впрямь похожа на воду, – после секундного молчания уронил моран. – Непредсказуемая и опасная. Иногда спокойная. Когда-то, наоборот, буйная. И, как настоящее море, она способна на внезапные шторма и приливы. Как ты догадываешься, во время шторма волны приобретают невероятную мощь и способны снести даже очень прочные укрепления... но, хоть это случается нередко, наш мир до сих пор стоит.

– Потому что за первым барьером всегда находится второй? А иногда и третий?

– Нет, – качнул головой моран. – Какой в них смысл, если самое мощное укрепление пало? Намного эффективнее создать не новый барьер, а глубокую пропасть, куда и уйдет большая часть этой силы.

Я помолчала.

– Надо полагать, ты и есть такая пропасть?

– Запасной сосуд, ты же слышала. С резервами, которые лишь немногим уступают резерву повелителя.

– Хм. Но тогда я не совсем понимаю, как между вами распределяется сила, – нахмурилась я.

Раалу издал странный смешок:

– Нет ничего проще. Таалу – живой барьер, за который Смерти обычно нет хода. Но, как ты уже видела, иногда барьера становится недостаточно, поэтому у нас есть запасной вариант. Та самая яма, куда уходит вода, если вдруг перехлестнет через ограждения.

Я озадаченно покрутила головой:

– Подожди-ка... хочешь сказать, что ты не всегда наполнен этой силой до краев? А следовательно, не так опасен, как повелитель?!

У Раалу дрогнули ресницы.

– Я силен лишь тогда, когда Таалу слаб. И слабею, когда к нему возвращается сила.

– То есть энергия Смерти гуляет между вами, как маятник?!

– Скорее, как вода, которую переливают из одного сосуда в другой. Думаешь, почему я большую часть времени разгуливаю по дворцу без доспехов?

Я поражено замерла.

– То есть ты по большей части простой смертный, и лишь когда у Таалу случаются всплески, начинаешь представлять для остальных угрозу... Но почему так?! Мне казалось, если уж сила появилась, то она никуда больше не денется!

– Просто за приливом всегда следует отлив, – спокойно сообщил

моран. – Это закон природы. А энергия Смерти, как и море, всегда стремится вернуться к источнику. Поэтому, когда Таалу успокаивается, сила вновь возвращается к нему. И ни одному из нас этот процесс не подвластен.

– То есть до следующего всплеска Таалу вновь становится единоличным владельцем этой силы? Неужели в тебе совсем ничего не задерживается? – усомнилась я. – Ведь если волна перехлестнула через ограждение, то она возвращается обратно в море совсем не такой, какой оттуда пришла.

– Что-то остается, конечно. То больше, то меньше. Но сколько способна прожить без дождя обыкновенная лужа? Сутки? Двое?

– Смотря какая лужа, – задумчиво отозвалась я, в который уже раз пересматривая свое отношение к моранам. – Некоторые не высыхают годами. А если прилив был хорошим, то даже в очень глубокой пропасти воды останется немало.

– На время, – кивнул моран. – Но задача пропасти в том и состоит, чтобы при необходимости забрать столько, сколько сумеет отдать владыка. Я должен сохранить для него эту силу. А потом вернуть. Желательно без потерь. После чего у меня появится время отдохнуть и подготовиться к новому всплеску.

– Сейчас всплески стали чаще? – помолчав пару мгновений, предположила я.

– Намного.

– И как вам удастся с ними справляться?

– Как видишь, с переменным успехом, – невесело усмехнулся Раалу. – Но с отбором невест все равно приходится торопиться. Ты сможешь мне послезавтра?

– Да хоть сегодня, – вздохнула я. – Если угроза так велика, то я готова напрячься.

– Сегодня я у них уже был. Завтра, наверное, прийти не смогу, потому что слишком много взял от Таалу, но за сутки он наверняка восстановится, и вот тогда мы с тобой продолжим.

Я кивнула – тут уж, как говорится, все было понятно без слов. Но потом вспомнила кое-что важное и снова осторожно спросила:

– Раалу, а почему сила от остальных моранов не утекает к владыке? Ведь если он – основной носитель, то от них энергия Смерти должна уходить к нему так же, как и от тебя. Разве нет?

– Вода бывает разной, – рассеянно отозвался нелюдь, думая о чем-то своем. – В нас с братом энергия Смерти более концентрированная, и если

проводить параллель с морем, то наша вода... скажем так, соленая. А в остальных – пресная, поэтому простые мораны могут обзаводиться семьями, рожать детей и жить обычной жизнью. Наши женщины обладают неплохой устойчивостью к энергии Смерти, так что у них обычно нет сложностей с потомством. Чаще всего проблемы начинаются в смешанных семьях. Ведь даже в пресной воде можно захлебнуться и утонуть. А поскольку женщины, которых мораны приводят с поверхности, гораздо менее устойчивы, то они быстрее стареют и намного раньше умирают. Чтобы этого не происходило, владыка перекрывает моранам доступ к источнику, и это решает проблему... для них. Но создает дополнительные трудности для него.

– Таалу приходится забирать их силу себе?! – ошеломленно прошептала я.

– Все реки текут к морю, – кивнул Раалу. – Поэтому мало перекрыть им доступ к источнику – русло нужно полностью осушить. Только тогда моран перестанет представлять угрозу для близких. А поскольку силу его после этого все равно нужно куда-то деть, то Таалу забирает ее себе. И это – одна из причин, почему он стал так нестабилен.

Я прикусила губу.

– Наверное, раз у вас так мало женщин, смешанные браки стали заключаться чаще?

– Намного. Особенно в последние годы. Я говорил брату, что с этим надо повременить хотя бы до того дня, пока он не обретет пару, – удрученно покачал головой Раалу. – Но он ничего не желает слушать! А в итоге посмотри, к чему это привело!

Я промолчала.

Раалу прав. Если владыка сорвется, плохо будет всем: и людям и нелюдям. Но Таалу упорно, год за годом, жертвовал собой и соединял любящие сердца, позволяя подданным обрести семейное счастье. То самое счастье, ради которого они готовы отказаться даже от сомнительной чести быть носителями Смерти.

Стоила ли его жертва такого риска?

Если бы я была на месте Раалу, то ответила бы однозначно – нет. Но как женщина, как жрица...

– Где он? – спросила я, так и не придя к какому-то определенному мнению.

– У себя, – с досадой отмахнулся Раалу и поднялся с дивана. – Поговори с ним, что ли? Может, этот упрямец послушает хотя бы тебя, если уж мои слова до него не доходят. А я пойду, пожалуй, передохну. Кстати,

метелка твоя вон там, в углу стоит. Сама за мной прилетела, не спрашивая разрешения.

Я проследила за взглядом морана и успокоенно отвернулась: По вела себя прилично. То есть ни капельки не светилась, не меняла форму и вообще выглядела совершенно обычно.

– Запомни еще кое-что, ведьма, – уронил напоследок Раалу, прежде чем направиться к выходу. – Сила моего брата такова, что даже богиня не способна защитить тебя полностью. Таалу никому не хотел причинить вреда, но сегодня тебя спасло только чудо. И если ты еще раз к нему прикоснешься, то умрешь. Смерть не прощает ошибок. Поняла?

Я молча кивнула.

– Хорошо, – усмехнулся моран. – Тогда иди к нему и постарайся об этом не забывать.

Когда я вошла в изумрудный зал, внутри, разумеется, было темно. Но не настолько, чтобы я вдруг потеряла ориентацию или, дойдя до конца громадного помещения, не сумела разглядеть за одной из арок рослый мужской силуэт.

На этот раз я не спешила, поэтому успела рассмотреть, чем же таким интересным повелитель занимается. И изрядно удивилась, обнаружив, что могущественный владыка моранов медленно водит ладонью по камню, прямо так, на ходу, заставляя его рассыпаться в прах. А из-под его тонких пальцев уверенно и привычно выходят те самые потрясающе живые картины, которые так поразили меня в прошлый раз.

Не дойдя до морана десятка шагов, я замерла, во все глаза глядя на его руки. Владыка не оборачивался, хотя наверняка знал, что я пришла – слух подземных жителей гораздо лучше человеческого, так что звук моих шагов он просто не мог не услышать. Однако то ли он не был рад меня видеть, то ли чересчур увлекся, но у меня появилось несколько драгоценных минут, чтобы оценить, как он умеет работать.

Это было невероятно красиво – и я смотрела, как рождается чудо. Казалось, повелитель легко и без усилий скользит ладонью по стене, а из-под его пальцев сами по себе выходят причудливо переплетающиеся завитки, изваянные в камне листья, звери, насекомые... Беспреданно осыпающаяся пыль не в счет – в темноте ее почти не было видно. А если вспомнить, что все это великолепие творилось с помощью энергии разрушения, то ценность того, что мне сейчас открылось, просто не поддавалась описанию.

– Зачем ты пришла? – наконец решил нарушить молчание владыка

Таалу и, отняв руку от стены, неспешно шагнул к соседнему участку, где еще не было никакого рисунка.

Я неловко помялась.

Ну вот что ему сказать? Что я беспокоилась? Сожалела? Сознаться, что бесконечно рада видеть его живым и невредимым? Но нет. Скорее всего, не поймет. А значит, придется обойтись нейтральным:

– Ваш брат попросил зайти.

Владыка на мои слова даже не обернулся.

– Напрасно. Мне твой визит пользы не принесет, а для тебя это еще и опасно.

– Он сказал, что сейчас вы не несете такой угрозы, как раньше.

– Никто не знает, когда ко мне вернется сила. Так что не стоит рисковать. Будет лучше, если ты вернешься в свои покои.

– Хорошо, – покорно кивнула я. – Вернусь. Только можно я сначала спрошу: зачем вы это делаете?

– Что именно? – неестественно ровным голосом осведомился владыка Таалу, не прекращая работать.

Я обвела глазами зал.

– Вот это. Вся эта красота... для кого она? Зачем вы ее создаете, если, кроме вас и Раалу, никто не сумеет этого оценить?

Повелитель недолго помолчал. Но работать не прекратил – кажется, просто задумался. А когда снова заговорил, его голос звучал уже не так напряженно, как поначалу.

– Быть носителем Смерти нелегко. Знать, что твое прикосновение убивает – весьма неприятно. А понимание того, что я даже излишки силы не способен сбросить без риска кому-нибудь навредить... меня угнетает. Но со временем я нашел решение проблемы. Ведь Смерть – это не всегда зло. Как и Жизнь – не всегда благо. Так почему бы не превратить энергию разрушения в один из способов созидания? И почему не создать с ее помощью нечто такое, что будет приносить не боль, а радость? Не горечь, а наслаждение? Если не для всех вокруг, то хотя бы для меня одного.

Я ошеломленно моргнула.

– Вы тратите силу на то, чтобы сделать что-то красиво?!

У повелителя дернулось плечо.

– Ты меня осуждаешь?

– Напротив. Я вами восхищаюсь, – тихо призналась я.

Его рука на мгновение замерла, но почти сразу продолжила движение, словно ничего не случилось. Обернуться моран опять не пожелал. И больше никак не отреагировал на мои слова. Просто отступил на шаг

дальше, осваивая новый участок, и на пол снова с тихим шорохом посыпалась мелкая пыль, которая, впрочем, тут же исчезла, затерявшись в узорах роскошного напольного кружева.

Подождав несколько секунд и запоздало поняв, что выгонять меня больше не будут, я немного расслабилась.

– Зачем ты ходила вчера к оракулу? – внезапно нарушил тишину повелитель, заставив меня зябко поежиться.

– Мне показалось, он умышленно умолчал кое о чем в прошлый раз. И я подумала, что смогу задать ему еще несколько вопросов.

– Как ты открыла шахту?

– Как и вы. Подошла, приложила руку... Риату не говорил, что в какие-то из них нельзя заходить.

– Скоростные шахты не для людей, – с едва уловимой ноткой недовольства сообщил повелитель Таалу. – В них не предусмотрена защита. Мы движемся намного быстрее вас и в случае поломки успеем среагировать. А ты – нет. Поэтому я не хочу, чтобы ты пользовалась ими в одиночку.

– А с вами можно? – затаив дыхание, спросила я.

Моран хмыкнул:

– Попросишь Раалу. Он не откажет.

– Наверное, нет, – невольно улыбнулась я. А потом спохватилась. – Простите, что сразу не спросила... как ваша рана? Наверное, ее нужно перевязать?

– Не беспокойся. Раалу уже все сделал.

– Она хорошо заживает? – беспокойно переступила я с ноги на ногу, не зная, могу ли подойти ближе. Но потом решила, что в случае чего повелитель сам скажет, что можно, а что нет, и все-таки рискнула подойти на пару шагов. – Мне очень жаль, что так получилось. Я этого не хотела. И уж тем более не думала, что оракул... вернее, ваш отец... погибнет так скоро.

Владыка вздрогнул. Его рука, с силой мазнув по только что созданному узору, в мгновение ока стерла едва образовавшийся рисунок, а пробежавшая по камню дрожь заставила осыпаться добрую треть ранее созданной картины. Почти одновременно с этим моран резко повернулся и, стремительным движением преодолев разделявшее нас расстояние, навис надо мной тяжелой горой.

– Что он тебе рассказал?! – свистящим шепотом спросил Таалу, опалив дыханием мою щеку.

Я сглотнула.

– Что вам грозит смерть...

– И все?!

– Н-нет. Он предрек, что вы с братом погибнете, если я не вмешаюсь.

У владыки свирепо раздулись ноздри.

– Что именно ты должна сделать?!

– Не знаю, – прошептала, заворуженно глядя в его расширившиеся глаза. И понимала, что надо бы отвернуться, отойти, пока не случилось непоправимое, но не могла. Что-то не пускало. Как будто, если я сейчас это сделаю, исчезнет что-то важное. Как для него, так и для меня. – Пророчества – вещь неопределенная... Ваш отец сообщил только, что я должна завершить свадебный обряд. И именно от этого зависит, будете вы жить или нет. А еще оракул сказал, что ваша мать была из верхнего мира... и погибла, потому что он не нашел способа ее уберечь.

На скулах владыки на миг проступили и тут же исчезли желваки.

– Если бы он не был так упрям, она еще могла бы пожить.

– Он любил ее, – тихо возразила я, отведя, наконец, взгляд. – И всю жизнь прожил, мучаясь от мысли, что ничем не смог ей помочь.

– Если бы он ее отпустил, она еще была бы жива, – отрезал владыка, отворачиваясь.

– А вы бы смогли отпустить? – так же тихо спросила я, упрямо уставившись в пол. – У вас бы хватило духа уйти, зная, что женщина, без которой вы не мыслите жизни, все равно умрет? Только немного позже и без вас? Без детей? В разлуке, в тоске и в полнейшем одиночестве?

– Что ты хочешь сказать, ведьма?!

Мой голос опустился до едва слышного шепота:

– Скажите, вы когда-нибудь... кого-нибудь... любили?

Повелитель Таалу замер.

– А ты?

– Таким, как я, нельзя привязываться, – грустно улыбнулась я.

– Почему? – напряженно осведомился он. – Разве ваша сила опасна для смертных?

– Опасны иллюзии. Ложь. И страх. Ведь мы, как и вы, любим только один раз в жизни. И, как мораны, тоже боимся ошибиться.

Владыка, наконец, медленно повернулся и окинул меня недоверчивым взглядом.

– Разве вам лгут? Мне казалось, верхний мир вас ценит и готов на все, чтобы уберечь белых жриц от беды.

Мои губы снова тронула невеселая улыбка.

– Наша сила действительно велика. Но чем сильнее жрица, тем

заманчивее ее соблазнить. Любовь белой ведьмы – это благословение богини, которое дарует ее избраннику долгую и безбедную жизнь. Такого мужчины не коснутся болезни. Его почти не затронет старость. И даже смерть к нему придет не в назначенный час, а лишь в тот день, когда не станет избравшей его ведьмы... для некоторых, поверьте, это – весьма заманчивая перспектива. Ради нее мужчины готовы лгать годами. Изворачиваться. Предавать. И даже убивать, если потребуется.

– Разве вы не способны различить, где обман, а где истинные чувства? – нахмурился моран.

– Любовь ослепляет, – горько усмехнулась я. – Причем не только людей. Ради нее даже мораны готовы на все. Вам ли этого не знать?

Владыка заколебался. Но затем отступил еще дальше в темноту и едва слышно уронил:

– Значит, есть хоть что-то, в чем мы с тобой похожи...

Глава 14

– Вот. Держи, – заявила я поутру и с ходу вручила Раалу небольшой, весело булькнувший кувшинчик. – Основа для эликсира готова. Тройная порция, с запасом.

Моран, встретивший меня поутру в тронном зале, вопросительно приподнял брови.

– Ты же сказала, что у тебя нет нужных ингредиентов.

– Кое-что было, – призналась я, выудив из складок очередного (на этот раз – серебристого с золотой вышивкой) платья исписанный мелким почерком свиток, а потом добавила: – Но не все. Вот список трав, которых мне не хватает для завершения работы.

– Та-а-ак, – прищурился Раалу, забрал свиток и быстро пробежал по нему глазами. – Отлично. Большую часть я смогу достать уже завтра, но кое за чем придется отправлять гонца в ближайший человеческий город.

– Основа выдохнется через несколько дней, – на всякий случай предупредила его.

– Не переживай. Я успею. Что еще тебе понадобится для ритуала?

– Немного времени. Тишина. И солнечный свет.

Моран едва заметно нахмурился.

– Зачем тебе свет?

– Создание любовного эликсира требует благословения богини, не забыл? – усмехнулась я. – А получить его можно только от солнца. Причем напрямую, иначе прока от эликсира будет немного. Естественно, я бы предпочла сделать это в верхнем мире, но владыка, наверное, не рискнет меня туда отпустить?

– Скорее всего, нет, – недолго поразмыслив, решил Раалу. А потом еще пару минут подумал и осведомился: – Изумрудный зал для твоих целей подойдет?

Я без колебаний кивнула.

– Должен. Но мне потребуется на несколько часов остаться там в одиночестве.

– Это как раз не проблема. Сколько может храниться готовый эликсир?

– Пока не раскупорите кувшин.

– То есть до свадебного обряда он не выдохнется? – недоверчиво уточнил моран. – И никаких других ограничений по времени, кроме тех, что зависят от Таалу, у нас больше нет?

Я снова кивнула.

– Но есть другое условие: перед использованием в эликсир нужно добавить частичку плоти брачующихся. Скажем, волосок. А еще лучше – пару капель крови. Тогда привязка привораживаемого объекта станет полной и продлится примерно сутки, в течение которых молодожены физически не смогут оторваться друг от друга.

– У тебя будет все, что нужно, – незамедлительно пообещал Раалу, осторожно возвращая кувшинчик и пряча свиток за пазуху. А затем окинул меня внимательным взглядом и неожиданно спросил: – Почему ты сегодня без метлы?

Я улыбнулась. А затем демонстративно оглядела его с ног до головы и точно таким же тоном осведомилась:

– А ты почему снова в доспехах?

– Скоро узнаешь, – пренебрежительно фыркнул моран, ненадолго сбросив маску чопорного зануды. А потом снова посерьезнел. – Готовься. Сегодня тебе опять придется поработать по своему основному профилю.

Я удивилась такой формулировке и уже хотела спросить, что это еще за «профиль» он надумал приписать потомственной белой ведьме, но тут двери тронного зала медленно отворились, и на пороге возникли пятеро девушек в белом. Которые при виде брата повелителя склонились в глубоких поклонах и, выстроившись в ряд, почтительно застыли.

– Подойдите, – властно бросил моран, отступив от меня на шаг. Словно прочертил невидимую границу, которую никому не стоило переступать.

Я, подумав, тоже отошла, увеличив дистанцию между нами еще больше. И, наклонившись, поставила драгоценный кувшинчик на пол. Было непонятно, что моран потребует от меня сегодня, но не хотелось бы, чтобы хрупкая посуда случайно разбилась.

Выпрямляясь, заметила краем глаза какое-то движение на вершине пирамиды и мысленно хмыкнула, обнаружив, что трон на ней уже не пустует. Но сделала вид, что не увидела появившегося владыку и, вернувшись на прежнее место, принялась внимательно изучать приближающихся невест.

Сегодня они выглядели иначе, чем в прошлый раз. Их волосы больше не были закрыты наметами, и только сейчас выяснилось, что моранки заплетали их в сотни длинных косичек. На белых платьях впервые появились широкие черные пояса – вероятно, признак официального статуса невест. А на бледных лицах виднелись следы легкого макияжа! Да и двигались девушки не в пример более уверенно, чем раньше.

– Довольно! – приказал Раалу, когда невесты оказались на расстоянии в сотню шагов от него.

Девушки послушно остановились, снова выстроились в один ряд. После чего моран, удивив меня этим донельзя, зачем-то двинулся им навстречу сам. Подчеркнуто медленно, осторожно. При этом внимательно всматриваясь в лица невест, словно каждый миг ожидал увидеть на них гримасу боли.

Девяносто шагов... семьдесят... пятьдесят...

Меня охватила тревога, но девушки по-прежнему стояли спокойно, и пока ни одной из них не стало плохо.

Сорок шагов... тридцать... пятнадцать...

Я ощутило напряглась, а на личиках невест появились первые признаки волнения. Видимо, до этого дня Раалу так сильно не рисковал.

Десять шагов... восемь... пять...

Я нетерпеливо подалась вперед, с беспокойством ожидая, что же будет дальше, и готовясь кинуться на помощь любой из девчонок. А моран, наконец, приблизился к ним вплотную и, торжественно оглянувшись на пирамиду, негромко хмыкнул:

– Ты был прав, брат. Подавители работают прекрасно.

Из меня словно выпустили весь воздух.

Фу-у... дурак! Я ж чуть было не решила, что он собрался прямо здесь и сейчас сделать окончательный выбор! Дескать, кто не помер, тот и будет невестой для повелителя! А они, оказывается, все заранее продумали и напоили Раалу какой-то непонятной штукой... или же нацепили на него некий артефакт, который сумел пригасить силу высокопоставленного, сравнимого с владыкой морана настолько, что его близость даже не заставила девушек грохнуться в обморок!

– Мог хотя бы предупредить, – буркнула я, когда Раалу мазнул по мне насмешливым взглядом и жестом велел подойти. Позер, так его разэдак... а я тут, понимаешь, страдала, мучилась...

– Хватит ворчать, – сухо бросил моран, когда я приблизилась. А затем кивнул на терпеливо ожидающих девушек. – Проверь их. Я хочу знать, насколько они здоровы. И способны ли принести повелителю здоровое потомство.

Вот уж когда я искренне оторопела.

Они что, не могли раньше этого сделать?! До того, как начинать всю эту канитель с отбором?! А если кто-то из невест серьезно болен? А если они вообще не подойдут? Зачем было огород городить, слепо поверив оракулу и не сделав даже минимальных приготовлений?!

– Мужчинам запрещено прикасаться к будущим невестам повелителя, – перехватив мой ошеломленный взгляд, пояснил Раалу. – А лекарей-женщин у нас нет. Магия целителей верхнего мира на нас не действует, и только белая ведьма может преодолеть этот природный барьер. Задача ясна?

– Эм... и как я должна это сделать, позволь узнать? – в растерянности переспросила я. – Может, вы нам хотя бы комнату для осмотра предоставите?!

Судя по тому, как стрельнули в мою сторону глазами моранки, идея осмотра их тоже не вдохновила. Но, будучи хорошо воспитанными, дамы все же вежливо смолчали, а Раалу только пренебрежительно отмахнулся.

– Мне не надо, чтобы ты их раздевала донага или собственноручно подсчитывала количество зубов во рту. Просто скажи, здоровы они или нет – этого вполне достаточно.

– Только это? – педантично уточнила я. – Ничто другое значения не имеет?

– Нас интересует, способны они выносить здоровое потомство или нет, – подтвердил Раалу. – Остальное не важно.

– Ладно, попробуем, – хмыкнула я, в сомнениях уставившись на пятерку невест. Девушки ответили мне такими же недоверчивыми взглядами. – Но имей в виду: в роли целительницы я уже давно не выступала!

– Ты же жрица, – тут же усомнился в моей честности Раалу.

– Я – боевая жрица. И лучше всего у меня получается не лечить, а лупить одержимых по головам!

Моран на это ничего не ответил. И вообще, словно не услышал. А я мысленно на него ругнулась и со вздохом взялась за порядком позабытое дело, для чего пришлось снова пройти вдоль строя смиренно стоящих девиц и по очереди взять каждую за руку.

Времени это заняло гораздо больше обычного, потому что на этот раз я смотрела не только на ауру, но и на физическое тело. Сил на это ушло немало, потому что, как и предсказывал Раалу, девушки неосознанно сопротивлялись осмотру. Некоторых мне пришлось подвергнуть проверке слабеньким сканирующим заклинанием дважды, а двоих даже трижды, чтобы быть уверенной в выводах. И лишь благодаря тому, что невест осталось всего пять, я не истоцилась до предела и по окончании процедур вполне неплохо себя чувствовала.

– Что скажешь? – напряженно поинтересовался Раалу, когда я отпустила последнюю девушку и в некоторой растерянности потерла лоб.

Я окинула невест задумчивым взглядом.

– У меня для вас две новости. Как водится, хорошая и плохая.

– Какая хорошая?

– Сейчас у всех девушек в аурах имеются полноценные печати Смерти.

– Так. А плохая?

– У двух они не связаны с предстоящим замужеством.

Раалу воззрился на меня со смесью недоумения и недоверия. Даже повелитель чуть привстал с трона и подался вперед всем корпусом. А по лицам девушек пробежала болезненная судорога.

– С чего ты решила? – напряженно спросил Раалу, кинув быстрый взгляд в сторону пирамиды.

Я указала на стоящую посередине моранку. На редкость хорошенькая и, наверное, самая молоденькая из всех, она мне действительно понравилась. Не было в ней ни злости, ни раздражения на унижительную процедуру проверки. Да и на меня она смотрела как-то по-доброму. Другое дело, что мне сразу показались слишком темными, даже чуточку синюшными, ее губы. И игравший на щеках румянец был каким-то нездоровым. Когда же я потрогала ее пульс, оказавшийся слишком частым и неровным, все встало на свои места. И я не без сожаления вынесла приговор:

– Девушка больна. У нее слабое сердце.

– Не может быть, – нахмурился Раалу. – Чистокровные мораны не страдают людскими недугами.

Я пристально посмотрела на смертельно побледневшую невесту.

– Возможно. Но я проверила ее трижды и не могла ошибиться – эта девушка не сумеет выносить даже обычного ребенка. И она погибнет, если ее немедленно не отправить к хорошему лекарю.

– Я не хочу к лекарю, – прошептала девчонка, подняв на меня стремительно наполняющиеся слезами глаза.

Я с сожалением покачала головой.

– Тебе придется. Скажи, милая, как быстро ты поднимаешься по лестнице? На какой ступеньке останавливаешься, чтобы отдохнуть?

Девушка совсем спала с лица.

– На пятнадцатой. Или на двадцатой... не помню.

– А я – на сотой, – тихо сказала ей, после чего стоящий рядом моран окончательно помрачнел. – И то, если тащу на плечах тяжелый мешок.

– Из какого ты рода, девочка? – отрывисто спросил Раалу, когда девушка обреченно опустила голову.

– Из рода Саес, господин.

«Две гласные в имени. Высшая знать, – мысленно вздохнула я, а моран скрипнул зубами. – Кажется, не все благополучно в подземном царстве, если даже среди высокородных стали появляться полукровки. Хотя, скорее всего, человек промелькнул в ее родословной не одно, а два-три поколения назад, иначе сходство с чистокровными моранами не было бы таким полным».

– Ты сказала, что их две, – резко отвернулся от бедняжки Раалу. – Кто еще должен покинуть дворец?

Я указала на стоящую с правого края худенькую девушку:

– Вот эта леди. Она хорошо себя чувствует, но, к сожалению, бесплодна, поэтому вряд ли ей имеет смысл участвовать в отборе.

– Это неправда! – вдруг завизжала забракованная невеста, набросившись на меня с кулаками. – Ты лжешь! Я совершенно здорова!

И куда только подевалось смирение? Бледное лицо мгновенно покраснелось, глаза засверкали, а узкий подбородок упрямо вздернулся, превратив девицу в настоящую фурию.

Хм. Надеюсь, остальные не такие истерички?

– Молчать! – рявкнул Раалу, да так, что от грохнувшего по залу эха я едва не присела.

Девушка, только что собиравшаяся вцепиться мне в волосы, испуганно шарахнулась в сторону. А я на всякий случай отступила за надежную мужскую спину. А то мало ли? Вдруг эта ненормальная снова кинется? И тогда мне ничего не останется, как приголубить наследницу знатного рода кулаком по башке. Нет, мне-то без разницы, кого охаживать – одержимого или полоумного, просто дипломатический скандал раздувать не хочется. Да и По у меня хоть и терпеливая, но все же не настолько.

Хорошо, что я ее с собой не взяла.

– Все свободны, – наконец, тяжело уронил Раалу, когда в зале снова воцарилась тишина.

– Минуточку, – внезапно не согласилась я. А когда моран удивленно обернулся, взглянула ему в глаза: – Я хочу побеседовать с невестами повелителя наедине. Желательно сейчас.

– Зачем?

– Надо, – твердо сказала я, продолжая буравить морана пристальным взглядом.

Он заколебался, но тут из дальнего конца зала донесся усиленный эхом голос:

– Дозволяю.

Только после этого Раалу неохотно кивнул, а я окинула настороженно переглянувшихся девушек хищным взглядом и мысленно потерла руки.

Ну что, вот теперь наконец-то потолкуем. О своем, так сказать, о женском, потому что к вам, дорогие леди, у меня появились серьезные вопросы.

Для беседы нам выделили одну из комнат неподалеку от тронного зала. Судя по небольшим размерам и спокойной обстановке, что-то вроде гостевой, где ожидающие аудиенции могли присесть и собраться с мыслями перед разговором с владыкой.

Для моих целей большой полукруглый диван и стоящее напротив уютное кресло подходили как нельзя лучше. Так что, пропустив трех оставшихся девушек вперед, я собственноручно взялась за небольшую деревянную дверцу и, убедившись, что снаружи нас никто не подслушивает, плотно ее закрыла.

– Зачем тебе это, ведьма? – спросила одна из невест, как только я повернулась.

Я неторопливо подошла, внимательно рассматривая настороженно взирающих на меня девушек. Ни одна из них, кстати, не пожелала присесть. Встав у дивана сплоченной группой, они демонстративно от меня отстранились.

Не обращая на это внимания, я важно уселась в кресло и спокойно поинтересовалась:

– Как вас зовут?

– Не твое дело, – холодно отозвалась стоящая в центре девица. Навскидку лет двадцать. Довольно высокая для своей расы, статная. Я бы сказала, надменная, хотя и не лишенная определенной красоты. – Тебе здесь не место, ведьма. Мы согласились пойти с тобой лишь потому, что так повелел владыка.

Я мило улыбнулась. Ах вот ты где, злючка бледнокожая... я хоть и не видела твоего лица в тот день, но эту смесь презрения и ничем не прикрытого превосходства ни с чем не перепутаю. Значит, ты прошла третий этап отбора, милочка? Ладно. Все еще за что-то меня ненавидишь? Хорошо. Значит, теперь мы будем общаться по-другому.

– Почему это не мое? – промурлыкала я, любуясь аккуратно подпиленными ноготками. – Окончательный выбор еще не сделан. И именно от меня зависит, каким он будет. Ты об этом не подумала?

– Ты себе льстишь, – сузила глаза девица. – Последнее слово всегда остается за владыкой. Невест теперь всего три, и он выберет ту, какую

посчитает нужным. Не тебе менять его решение, ведьма.

Я снова улыбнулась:

– Тебя это злит, правда? Между тобой и тронем целых две конкурентки... и это так некстати!

– Ты ничего не понимаешь, – тем же ледяным тоном отозвалась злючка. Две другие девушки промолчали, но, судя по тому, как близко они стояли к подруге-сопернице и как пристально следили за каждым ее жестом, их мнения полностью совпадали. Или же, что вернее, злючка успела подчинить себе более молодых и, возможно, менее знатных особ. – Мы в любом случае выиграем. Мы прошли отбор. Статус избранницы никуда не денется. И даже в случае, если одна из нас погибнет, всегда найдется, кому занять ее место!

– А если это будешь не ты? – елейным голоском предположила я.

Но злючка вместо того, чтобы вывернуться, неожиданно смолчала. А через пару мгновений, во время которых она, надо думать, тщательно взвешивала мои слова, на удивление спокойно улыбнулась:

– Я же сказала – тебе не понять. Мы поклялись помогать друг другу всегда и во всем. Мы вместе сюда пришли и вместе отправимся на заключительный этап отбора. Мы стали кровными сестрами, поэтому, кого бы ни выбрал повелитель, остальные в обиде не останутся. Тогда как ты свое дело уже сделала. Владыка Таалу больше не нуждается в твоих услугах.

– Вот как? – мурлыкнула я. – Вы, значит, решили пробиваться наверх сплоченной группой, негласным лидером которой себя провозгласила ты... что ж, похвально. И весьма дальновидно, надо признать. Но видишь ли, в чем дело, дорогуша, – к будущей жене повелителя предъявляется целый ряд строгих требований. И, как мне кажется, одному из них именно ты, к моему глубочайшему сожалению, не соответствуешь.

– Это какому же? – осведомилась «ледяная» леди.

А я улыбнулась в третий раз и только тогда подняла на нее взгляд.

– Владыке, я полагаю, нужна невинная невеста, верно? Ее девственность – это знак чистоты помыслов, верности и жертвенности. Но к тебе, насколько я поняла, эти три вещи больше не относятся.

У девицы недобро сузились глаза:

– Ты же слышала господина Раалу: жена повелителя должна быть способна дать здоровое потомство. И ничто другое не имеет значения.

– В самом деле? – Я поднялась с кресла и неторопливо приблизилась к этой змеюке. – А скажи-ка, красавица, как ты заполучила себе в ауру метку Смерти?

– Тебя это не касается!

– Тогда я сама об этом расскажу, – мрачно усмехнулась я, подошла вплотную и всмотрелась в черные глаза моранки. Вот уж и правда – гадина. Хитрая, умная, опасная. – Несколько дней назад метки там не было. И она бы никогда не появилась, не возникни рядом с тобой довольно сильный моран, присутствие которого на несколько шагов приблизило тебя к смерти. Не коснись он твоего тела, аура так и осталась бы неопределенной. Но ты позволила ему это сделать. Отдала ему в руки нити собственной судьбы... Это ведь он забрал твою невинность, я права?

У застывшей моранки жутковато исказилось лицо. Всего на миг, на долю секунды, после чего снова стало бесстрастным, как раньше. Но меня аж передернуло от мысли, что эта женщина когда-нибудь окажется рядом с Таалу или, упаси богиня, будет воспитывать его сына.

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне, ведьма! Я настолько выше тебя, что ты себе этого даже представить не можешь! А скоро встану на одну ступень с повелителем!

– В самом деле? – притворно удивилась я. А потом приблизилась еще на шаг и, глядя змеюке прямо в глаза, вкрадчиво шепнула: – Во время обряда ты будешь пить именно мой эликсир, девочка. И никто никогда не поймет, что именно я туда намешала. Травки верхнего мира – абсолютно неизвестны в подземном царстве. Но при этом настолько коварны, что одна лишняя щепотка может превратить любовный напиток в первосортную отраву. Впрочем, тебе ли беспокоиться? Ведь, если моя рука случайно дрогнет над ритуальной чашей, всегда найдется, кем тебя заменить. Правда?

У леди слегка дрогнули веки, в глазах промелькнули сначала сомнение, затем неуверенность и, наконец, понимание.

– Т-ты не посмеешь, – сглотнула она, когда мои губы расплзлись в змеиной улыбке. – Владыка тебя уничтожит.

– Очередной всплеск поможет ему забыть о моей оплошности. А необходимость зачать наследника вынудит отложить расследование на потом и связать себя узами брака с другой претенденткой. После завершения обряда действие любовного эликсира будет почти мгновенным и настолько мощным, что на протяжении следующих суток ни он, ни новоявленная владычица обо мне даже не вспомнят. А когда чары ослабеют, я буду уже далеко, поверь. Так стоит ли рисковать, а? Или ты по-прежнему считаешь, что у меня нет права требовать?

У девицы нервно дернулась щека.

– Что ты хочешь?

– Ваши полные имена, – мгновенно успокоилась я и отступила на шаг, одарив сжавшихся подружек змеюки хлестким взглядом. – Имена ваших ближайших родственников. Характеристики родов. Ваши физические и ментальные возможности. Возможные проблемы со здоровьем и уровень сопротивляемости к энергии Смерти. Я должна знать все, прежде чем рекомендовать кого-то из вас повелителю. И от того, насколько вы окажетесь честны... а я, поверьте, умею определять, когда мне лгут... будет зависеть мое окончательное решение.

От моих слов более молодые девушки побледнели, съежились еще больше и стали неуловимо походить на загнанных в угол мышат. Они затравленно глянули на меня снизу вверх. Уцепились друг за дружку, как за единственную опору.

Но потом змеюка вдруг глубоко вздохнула. Окинув меня растерянным взглядом, нервным движением вытерла внезапно повлажневший лоб и, наконец, устало опустилась на диван, признавая окончательное поражение.

– Хорошо. Мы расскажем все, что ты хочешь.

– Отлично, – усмехнулась я, снова усаживаясь в кресло. – Устраивайтесь поудобнее, леди, потому что разговор нам предстоит о-очень долгий...

Глава 15

– Ну что? Ты довольна? – насмешливо осведомился Раалу, вошедший в комнату, как всегда, абсолютно бесшумно.

Слегка привстав в кресле и выглянув из-за высокой спинки, дабы убедиться, что это действительно он, я с облегчением плюхнулась обратно.

– О да. Мое неумное любопытство дало свои плоды, а знания о моранах пополнились несколькими десятками интереснейших фактов о жите-бытье коренных обитателей этого мира.

– Значит, ты исключительно ради этого продержала здесь благородных леди почти до вечера и едва не довела их до голодного обморока? – хмыкнул Раалу.

Я фыркнула:

– А надо было заранее позаботиться о нашем удобстве. Или ты хотел, чтобы прямо посередине этой занимательной беседы я вскочила и помчалась на поиски слуг, способных приготовить нам ужин?

– Ну, ты могла бы попросить...

– Кого?! У вас же коридоры пустые на несколько тысяч шагов от тронного зала!

– Зато эхо долгое, – парировал Раалу и уселся на диван, где совсем недавно сидели невесты его брата. – Если как следует крикнуть, обязательно кто-нибудь услышит.

– Вот, значит, как ты слуг вызываешь? – не преминула уколоть его я. – Спасибо. Теперь буду знать.

– Не за что. Как тебе наши претендентки? Соответствуют требованиям?

Я тут же помрачнела, но все же с неохотой признала:

– Формально – да. Каждая из них вполне способна родить владыке здорового наследника. И они достаточно устойчивы, чтобы благополучно пережить брачный ритуал.

– Этого достаточно, – удовлетворенно кивнул Раалу. А заметив, что я хочу сказать что-то еще, сделал выразительный жест. – Не надо пересказывать весь разговор – детали меня не интересуют. Но постарайся больше не давить на молодых леди – одна из них вскоре станет нашей владычицей. А владычица для моранов – это святое.

Я насторожилась.

– Ты что, подслушивал?

– Видел, как они смотрели на тебя в зале. Не забывай: то, что отбор проводит не оракул, а какая-то пришлая ведьма, для них само по себе – унижение. А когда эта ведьма еще и дерзка без меры, да еще смеет забываться и прилюдно «тыкать» члену правящего рода, это выходит за рамки их понимания.

– Извини...те, – смутилась я. – Надо было меня сразу одернуть, а то я по привычке брякнула. Очень некрасиво получилось. Прошу прощения.

Раалу лениво отмахнулся.

– Да мне все равно. Зови, как звала, это даже забавно. К тому же посмотреть, как вытягиваются физиономии этих стервятниц, было весьма приятно. Но еще приятнее было бы увидеть физиономии их отцов, когда они обо всем узнают – вот уж и правда славное вышло бы развлечение.

– Я исправлюсь, – клятвенно пообещала я, смутившись окончательно. – Честно-честно.

– Посмотрим, – усмехнулся моран и, поднявшись с дивана, махнул рукой в сторону выхода. – Кстати, тебя хотел видеть Таалу. Сама дойдешь или тебя проводить?

– Сама, – улыбнулась я. – Только сначала зайду к себе – надо вернуть на место кувшин. А то, неровен час, кто-нибудь его опрокинет.

– Скоростная шахта до покоев владыки находится в тронном зале, за третьей колонной слева от пирамиды, – бросил напоследок моран. – Рядом такая же, только ведет она на нижние уровни. Смотри, не перепутай.

– Постараюсь. А если и перепутаю, то тебя вызову. Ты же свой переговорник так и не забрал.

Моран с готовностью вернулся и требовательно протянул руку.

– А ну-ка давай сюда. Со дня твоего появления весь дворец стоит на ушах. Но хотя бы сегодня я пойду спать с надеждой, что ты все-таки заблудишься в наших катакомбах и больше никогда меня не потревожишь.

– Щас, размечтался, – фыркнула я, быстренько поднимаясь с кресла и отступая к двери. – Ведьмы – создания живучие. Так что даже если я заблужусь, то из вредности все равно когда-нибудь выберусь на поверхность. И буду каждый вечер звонить тебе из верхнего мира, чтобы напомнить, как плохо ты со мной поступил.

– Кошмар какой, – притворно ужаснулся Раалу. – Точно – надо лишить тебя этой привилегии. Ну-ка отдай!

Я вместо ответа расхохоталась и, юркнув в приоткрытую дверь, уже оттуда крикнула:

– Не дождешься!

А про себя подумала, что напрасно раньше относилась к Раалу

скверно. В действительности он совсем не плохой. И вовсе даже не хмурый. Просто работа ему досталась тяжелая, да и пообщаться толком ни с кем не дают. Вот он и замкнулся. Зато сейчас вон как развеселился – любо-дорого посмотреть. Наверное, с Таалу он такой намного чаще, чем со мной. И очень хорошо, что мне довелось увидеть его со столь необычной стороны.

Повелитель, как и ожидалось, нашелся в изумрудном зале – снова возился у дальней стены, на которой совсем недавно испортил рисунок. Сейчас он, судя по всему, пытался его исправить. Но когда я взглянула, все еще мысленно посмеиваясь после разговора с Раалу, оказалось, что вся стена стала девственно чистой. А то, что еще вчера было прекрасной композицией, беспорядочными грудями обломков валялось на полу и стремительно истаивало, осыпаясь в кружевные отверстия пола мелкими песчинками.

– Ой, ну зачем? – расстроилась я, осознав, что моран уничтожил немалую часть барельефа. – Такая красотища пропала!

Владыка Таалу, на доспех которого не село ни единой пылинки, обернулся и пожал закованными в металл плечами.

– Ничего. Сделаю новую.

– Но это же сколько работы!

– А я никуда не спешу.

– И все равно жалко, – сокрушенно покачала я головой. – Можно же было подправить. Там же совсем небольшой дефект был. В темноте вообще ничего не видно.

Повелитель бережно провел ладонью по стене, стирая невесомую пыль.

– Совершенство должно быть во всем. Нет смысла что-либо делать, если не стремиться к наилучшему из возможного. Если же совершенство утрачено, то сделанное следует уничтожить. А на его месте со временем создать новое. Лучшее. И так – до тех пор, пока не иссякнет желание творить.

– Значит, вот как вы живете, да? – грустно улыбнулась я, внезапно растеряв весь задор. – Поставили себе цель быть совершенным во всем и теперь с фанатичным упорством ее достигаете?

– Разве это плохо? – рассеянно поинтересовался владыка, отворачиваясь и принимаясь за новый рисунок.

– А разве хорошо?

– Поясни, пожалуйста. Я не понял, – попросил моран. Его ладонь так и скользила по камню, прямо на глазах создавая причудливые узоры. Но

головы он все же не повернул. То ли не хотел отвлекаться, то ли... не знаю что. – Ты считаешь, что моя работа напрасна?

Я тяжело вздохнула и подошла ближе.

– Она не напрасна. Но, возможно, вы придаете ей слишком большое значение.

– Мне нравится жить в окружении красивых вещей. Любоваться на идеальные формы. И пусть эти формы высечены из простого камня, они все равно прекрасны. Разве это непонятно? Или ты предпочла бы жить не во дворце, а в грязной лачуге?

– Не в дворцах дело, – терпеливо пояснила я. – И даже не в лачугах.

А когда владыка снова не отреагировал, не выдержала и попросила:

– Остановитесь, пожалуйста. Если хотите понять, то выслушайте. Дайте мне возможность все объяснить.

Моран неохотно отнял ладонь от стены и, надев защитную перчатку, все-таки обернулся.

– Хорошо, попробуй.

– Спасибо, – с облегчением выдохнула я. А затем подошла к нему вплотную и, оглядев испещренную сложным рисунком пещеру, обвела ее рукой. – Скажите, что вы здесь видите?

– Лес, – пожал плечами владыка. – Зверей, птиц... Ты же говорила, что тебе нравится.

– Они прекрасны. И совершенны настолько, насколько это вообще возможно.

– Что же в этом плохого? – осведомился моран, на всякий случай отводя руку в сторону, чтобы не коснуться меня даже ненароком.

Я снова вздохнула:

– Ничего. Кроме того, что все это... немного не настоящее. Застывшая навеки красота, которой можно любоваться годами, но которой все равно не хватает красок. Хоть какой-нибудь яркой искры, которая вдохнула бы жизнь в этот лес! Помните, как он заиграл, стоило сюда попасть солнечному лучику? Помните, как загорелись глаза у птиц? И что случилось, когда свет погас?

– Это же камень, – нахмурился повелитель. – Что ты от него хочешь?

– Вы сделали из него произведение искусства, – согласилась я. – И это действительно замечательно. Но одновременно вы и ограничили его этой формой. Лишили возможности стать чем-то иным. Посмотрите по сторонам. Неужели не видите? Не понимаете? Или просто не хотите понять?

Владыка Таалу послушно поднял взгляд и с недоумением уставился на

каменные лепестки.

– Что я должен здесь увидеть?

– Они мертвые, – тихо сказала я. – Теперь их можно только уничтожить, но никак не изменить. А настоящая жизнь – это развитие, движение, бесконечное стремление вперед, которое по определению не может быть идеальным. Ее смысл не в том, чтобы однажды сказать: «Я стал совершенным!» Смысл – это путь. То самое движение, которое и дает нам возможность ощутить себя живыми. Да, мы нередко ошибаемся, но на ошибках сами же и учимся. Порой делаем глупости, но именно они придают жизни неповторимый вкус. Да, мы рождаемся и со временем умираем, но за эти годы успеваем многое узнать, прилагаем усилия, чтобы стать лучше, быстрее, достойнее. И продолжаем совершенствоваться до самого последнего мига, потому что, даже умирая, познаем что-то новое. А затем наконец исчезаем, постепенно преображаясь, возрождаясь и давая жизнь новым поколениям, которые точно так же, как мы, неустанно стремятся вперед.

– Ну так и в чем проблема? – еще больше нахмурился повелитель. – Если хорошенько подумать, то окажется, что я делаю то же самое.

– Нет. Вы закончили свою работу. И значит, вам больше некуда двигаться.

– Совершенству нет предела... мой дворец огромен.

– Дворцов может быть сколько угодно. Но символ того, о чем я говорю, вот он, перед вами, – вздохнула я. – Самое лучшее, что вы смогли сотворить за годы кропотливого труда, находится здесь. Или хотите сказать, что способны на большее?

Моран в затруднении оглядел свои хоромы.

– Не знаю. Я потратил на этот зал несколько десятилетий.

– А теперь лишь исправляете то, что кажется вам недостаточно идеальным, и шлифуете, пока не сочтете работу оконченной?

– Да. Это доставляет мне удовольствие.

– И вы совсем-совсем не допускаете мысли, что здесь может находиться что-то менее совершенное, чем вы задумали?

– К чему такие вопросы? – отчего-то насторожился повелитель.

– На мгновение мне показалось, будто вы создали себя точно так же, как этот зал, – с затаенной грустью сказала я. – Выточили из камня. Искусственно удалили все ненужное. Но по-настоящему так и не ожили...

По лицу морана пробежала судорога. Он отвернулся, одновременно с этим прикрыв глаза. Но голос, когда он снова заговорил, остался таким же спокойным, как прежде.

– Долг вынуждает меня быть таким, какой я есть. Может, ты права, и я действительно в чем-то закостенел, но у меня нет времени это менять. Я должен продолжить род и уберечь свой мир от опасности.

Я тяжело вздохнула:

– Да, конечно. Простите, если обидела. Я лишь хотела сказать, что лежащая на ваших плечах ответственность вовсе не означает, что вы не заслуживаете счастья.

– Я рад тому, что есть, – ровно отозвался мужчина. – И когда у меня родится сын, буду уделять ему столько внимания, сколько не смог уделить нам с братом отец.

– Ваш отец знал, что такое любить больше жизни...

– Не говори о нем. Я не хочу этого слышать.

– А зря, – тихо возразила я. – Быть может, он и совершил ошибку, зато научился любить. И пусть его счастье длилось совсем недолго, но оно было. Даже вы не можете этого отрицать.

– Замолчи! – неожиданно рыкнул моран. – Не лезь в то, что тебя не касается!

Я прикусила губу.

– Хорошо, как пожелаете. Но когда станете выбирать жену, подумайте, почему он сумел обмануть Смерть. И почему, умирая, так и не захотел подсказать вам правильное решение.

– Что тебе об этом известно?! – Владыка одним движением оказался рядом и, забывшись, цапнул меня за локоть, одновременно с этим притянув к себе. – Он сказал, как это сделать?!

Я качнула головой.

– Нет. Только намекнул. И сообщил, что вы непременно должны сводить меня в пещеру двух озер.

– Показать тебе технические тоннели? Зачем?! – озадачился повелитель, так же внезапно ослабляя железную хватку.

– Не знаю. Вам виднее.

– Хорошо, идем. – Владыка моментально отстранился и решительно двинулся к выходу. – Ты увидишь все, что необходимо. Но я хочу знать, о чем вы говорили с оракулом.

– Это и впрямь было его последнее предсказание, – невесело улыбнулась я. – Но, если честно, я до сих пор не поняла, о чем он тогда говорил.

Портал владыка открыл прямо из своего кабинета и мгновенно в нем исчез, даже не проверив, иду ли я следом. Мне, конечно, деваться было

некуда, но на миг я все-таки пожалела, что не взяла с собой По – с ней было бы гораздо спокойнее.

Портал привел нас в мрачную и пустую пещеру, больше похожую на заброшенную шахту. Здесь было сухо, жарко и пахло гарью, в стенах виднелось множество отверстий, похожих на зияющие чернотой пасти неведомых чудовищ. А откуда-то издали доносился невнятный шум, периодически прерываемый гулкими ударами металла о металл, как если бы рядом находилась огромная кузня.

Идя за владыкой по узкому, нарочито грубо обработанному тоннелю, я успела раз двадцать споткнуться и раз сто проклясть упрямого морана за то, что он не дал мне возможности переодеться. Однако пояснить, где мы находимся и как долго мне придется ломать на этих рывтинах каблуки, владыка Таалу не соизволил, поэтому пришлось идти молча и мысленно раскладывать по полочкам то, что удалось узнать у невест.

Как я и полагала, девушки и впрямь оказались знатными особами, которых с детства готовили к роли потенциальных невест повелителя. Как все представители знати, они получили хорошее образование, в которое с некоторых пор входило обучение нашему языку. Так не понравившаяся мне змеюка, леди Шиис, принадлежала к роду Сиин, стоящему лишь на ступеньку ниже правящего. Две другие девушки – Неас и Леен – родились в семьях попроще, но тоже из числа местной элиты. К тому же их отцы находились в дальнем родстве с главой рода Сиин, поэтому и стала возможной клятва, о которой говорила змеюка.

Насколько я поняла из разговора, клятва не позволяла причинять вред кровным родственникам и полностью исключала предательство, поскольку поручителем в данном случае выступала сама Смерть. Именно поэтому Неас и Леен с такой легкостью согласились на предложение более именитой и агрессивной соперницы. И потому же за их жизни можно было не опасаться.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что это даже к лучшему – по крайней мере, для владыки. Потому что Неас и Леен мне понравились гораздо больше стервозной, способной на любую подлость змеюки, и было бы неплохо, если бы Таалу выбрал кого-то из них.

Кстати, Раалу на днях признался, что окончательный выбор его брату придется делать прямо во время свадебного обряда. Я, разумеется, бравировала, когда затевала беседу с невестами, но факт состоит в том, что им действительно предстоит пройти еще одно, неизвестное мне, но по-настоящему последнее испытание, по его итогам и определится будущая владычица. И буквально сразу после этого состоится брачный ритуал, во

время которого молодых свяжут нерушимыми узами, а затем на целые сутки предоставят самим себе.

Какая роль уготована в этом процессе мне, я, если честно, так до конца и не поняла. Повлиять на выбор владыки я, разумеется, не смогу – это даже оракулу не под силу. Но допустим, что обряд все-таки свершится, Таалу выберет себе пару, и я торжественно разолью по ритуальным чашам приворотное зелье, после которого головы у брачующихся очень быстро помутятся от страсти.

Какая роль в этом действе уготована ведьме-настоятельнице? Зачем им еще одно предсказание, которого не сумел или не пожелал дать оракул моранов? Определить день и час, наиболее благоприятные для зачатия наследника? Но тогда для чего понадобился любовный эликсир? Предсказать пол будущего ребенка? Но тогда почему владыка уверен, что это будет обязательно мальчик? Что, в правящем роду изначально не предусматривается возможность рождения девочек? Или это по каким-то причинам невозможно?

Наконец, меня сильно интересует, каким образом обряд сделает невесту невосприимчивой к энергии Смерти. Таалу – ее любимый сосуд, и даже если на время энергия уйдет к брату, то потом все равно вернется. И что тогда станет с новоявленной женой? Как она переживет беременность, если внутри ее тела девять месяцев будет находиться маленький разрушитель? Или же он примет в себя Смерть не сразу, а только после рождения? Но тогда каким образом владыка планирует защитить собственного сына от той силы, которой владеет сам?

Глубоко задумавшись, я не сразу сообразила, что кажущийся бесконечным тоннель наконец закончился, и мы оказались еще в одной небольшой пещере, по которой деловито сновали закованные в доспехи мораны.

Жарко здесь было просто неимоверно. Я даже в легком саалу вся взмокла и испытала массу неприятных ощущений, а «мураши» носились туда-сюда как угорелые, словно жара их нисколько не беспокоила. А еще здесь было до ужаса шумно. Перестук невидимых молотов стал заметно громче, а те размеренные, тяжелые удары, которые я слышала из коридора, сделались воистину оглушающими. После каждого такого удара содрогались стены и пол. В воздухе витала тончайшая взвесь каменной пыли. Настолько мелкая, что ее очень легко было не заметить, но до того едкая, что я тут же закашлялась, прикрывая руками лицо.

– Сюда, – рыкнул повелитель, властно втаскивая меня в какую-то дверь. Пыли здесь оказалось поменьше, да и шум слегка стих. Но моран, не

дав мне возможности перевести дух, цапнул за руку и снова куда-то потащил. Сначала в какой-то узкий коридор, а затем – на такую же узкую и неимоверно длинную винтовую лестницу, взобраться на которую в такой духоте мне стоило немалого труда.

– Жди здесь, – отрывисто приказал владыка, когда мы выбрались на небольшую площадку, край которой был накрыт, словно куполом, радужно поблескивающим стеклом. После чего молча развернулся и ушел, не соизволив сообщить, куда, зачем и на какое время.

К счастью, на площадке было заметно прохладнее, чем внизу, так что в себя я пришла довольно быстро. А затем подошла к краю и стала с любопытством рассматривать открывшуюся взгляду картину.

Внизу простиралась гигантская, наполненная дымом пещера с закопченными сводами. Сквозь белесые клубы время от времени становились видны какие-то трубы и механизмы непонятного назначения, возле которых суетились облаченные в доспехи мораны. У дальней стены проступали очертания двух громадных чанов, в которых, подогреваемая пламенем в специальной печи, пузырилась некая субстанция, подозрительно похожая на жидкий металл. Причем в левом чане она имела насыщенно-черный цвет, в правом – напоминала расплавленное серебро. А снизу у каждой емкости имелось отверстие, через которое «жижа» попадала в проплавленный прямо в камне «водосток» и немного погодя исчезала внутри такого же громадного металлического ящика, где мерно бухал невидимый молот и при каждом ударе из специальных отверстий с громким шипением вырывались клубы белого пара.

Судя по тому, что к ящику вело два «водостока», а выходил всего один, именно в нем происходило смешивание жидкостей, благодаря чему на выходе пышущая жаром «жижа» приобретала насыщенно-серый цвет и становилась заметно более густой, чем в чанах. Потом она текла в соседнее помещение, и что там с ней происходило дальше, оставалось непонятным. Но, наверное, мое предположение о кузне не было лишено определенного смысла.

– Здесь мы получаем состав, которым покрываем свои доспехи, – внезапно раздалось у меня над самым ухом.

От неожиданности я ойкнула, дернулась всем телом, но сильные руки крепко обхватили меня за плечи и успокаивающе их сжали.

– Стой спокойно, – выдохнул в затылок повелитель. – Здесь и сейчас тебе ничего не грозит.

«Да? А когда будет грозить?!» – с перепугу чуть не брякнула я, но вдруг почувствовала горячее дыхание на шее и непроизвольно замерла.

Так. Что опять происходит?!

Моран жадно вдохнул мой запах и издал совершенно непере译имый горловой звук, смутно напоминающий кошачье урчание. После чего медленно выпрямился и снова едва слышно выдохнул:

– Что именно хотел отец, что нужно тебе показать?

У меня спина покрылась холодными мурашками.

– Н-не знаю. Он не уточнял.

– Тебе страшно? – вкрадчиво осведомился моран, подходя еще ближе.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, и покачала головой, но в душе была вынуждена признать, что конкретно этот моран действует мне на нервы.

Если бы он просто пугал, все было бы нормально – я бы поняла, а потом, наверное, даже посмеялась, ибо запугивать белую ведьму бесполезно, а порой и вредно для жизни. Но близость Таалу заставляла меня волноваться, в его присутствии мое сердце непроизвольно начинало биться чаще, на щеках то и дело вспыхивал предательский румянец. И я, как ни старалась, не могла от этого избавиться. Не могла забыть. И каждый раз перед сном вспоминала его необычные глаза... и тот первый, самый долгий и пронзительный взгляд, который оказалось невозможно забыть.

Впрочем, повелителю об этом знать совсем не обязательно.

– Хорошо. Тогда смотри, – усмехнулся владыка Таалу, как нарочно, прижавшись ко мне сзади и заставив нервно сглотнуть. – Слева находится серебро, именно оно создает эффект зеркала по отношению к энергии Смерти. Справа – состав, который пока неизвестен в верхнем мире. Благодаря ему металл приобретает особую прочность. Но в обычном состоянии эти субстанции не смешиваются – так задумано природой. Однако если их предварительно разогреть до определенной температуры, а затем соединить под давлением, то сначала происходит взрыв...

В ящике снова что-то грохнуло, и из отверстий со свистом рванул белый пар.

– Да, вот так, – снова втянул ноздрями воздух моран. – И дальше они уже могут спокойно сосуществовать. Правда, большая часть состава при этом испаряется, а свойства серебра меняются кардинально, и до тех пор, пока его снова не нагреют до нужной температуры, металл будет их сохранять.

– Если вы покрываете им доспехи снаружи, то почему у них черный цвет, а не серебристый? – вернув наконец-то себе самообладание, вполголоса поинтересовалась я.

– Потому что в подземелье лишний блеск неуместен. К тому же при

ярком освещении посеребренные доспехи режут нам глаза.

Я помолчала. Стоять в такой близости от морана было опасно: доспех даже сквозь платье изрядно охлаждал кожу, и через какое-то время холод стал настолько сильным, что я не выдержала – отстранилась. И с сожалением подумала, что было бы намного лучше, если бы вместо бездушной железки меня коснулось живое человеческое тело.

Почувствовав мое движение, моран неохотно разжал пальцы. Но когда я повернулась, чтобы предложить вернуться во дворец, выражение на его лице стало донельзя странным. Глаза оказались закрытыми. И лишь возбужденно шевелящиеся ноздри выдавали нешуточное внутреннее напряжение.

– Что-то не так? – осторожно поинтересовалась я, не зная, как трактовать внезапную смену настроения повелителя.

Тот в третий раз шумно вдохнул:

– Здесь воздух фильтруется не так хорошо, как во дворце, поэтому твой запах чувствуется намного острее. Ярче.

– Он все-таки стал вам неприятен? – еще больше насторожилась я. И тогда моран внезапно открыл глаза, заглянул, как показалось, в самую душу и спокойно признал:

– Напротив. Он сводит меня с ума.

От того, как это прозвучало, я вздрогнула – повелитель не лгал. Да, к подобной откровенности я оказалась не готова, потому что честность Таалу была поистине ошеломляющей, но времени на смущение просто не осталось – меня притягивало к морану как магнитом. Его мерцающие в темноте глаза завораживали, манили. Внезапно оказавшееся совсем рядом лицо поражало своей нечеловеческой, чуждой, но при этом безупречной красотой. Понимание, что я как никогда близка к тому, чтобы в этом признаться, уже не пугало – я просто перестала о чем-либо думать. И лишь молча смотрела в две стремительно надвигающиеся черные бездны, которые на какой-то момент заслонили собой весь мир.

Снаружи продолжали бухать невидимые молоты, шипели рвущиеся на свободу струи горячего пара, что-то кричали рабочие, задрезжала выпущенная из рук каким-то растяпой железка...

А мы стояли и неотрывно смотрели друг на друга. Тьма и Свет. Носитель Смерти и хранительница Жизни. Просто мужчина и женщина, которые внезапно осознали, что, несмотря на все различия, у них действительно есть что-то общее. Что-то неуловимое, о чем невозможно рассказать словами. Зато можно почувствовать сердцем. Передать взглядом. И сохранить в душе как внезапно случившееся чудо, воспоминания о

котором не утратят значимости ни через год, ни через тысячу лет.

– Тебе не кажется, что это символично? – вдруг негромко спросил повелитель Таалу, наклонив голову набок и продолжая все так же внимательно меня изучать.

Под этим взглядом я почувствовала себя неловко.

– Что именно?

– Все это: пещера, озера... ты не думала, что отец не просто так велел их тебе показать?

Я с трудом оторвала от морана взгляд и покосилась вниз, в пещеру, где по водостокам размеренно текла черно-белая жижа. Затем – на свое серебристое платье, наконец – на черный доспех повелителя и кашлянула.

Ах вот на что он намекает...

– Не думаю, что стоит искать в этом какую-то закономерность. Предсказания всегда двусмысленны. И трактовать их нелегко даже тому, кто их озвучил. А чаще всего понять, что это означает, можно лишь после того, как событие произойдет. Ну, за редким исключением.

Моран тоже опустил взгляд на расплавленный металл.

– И все-таки мне кажется, в чем-то мы с ними похожи...

– Разве что цветом, – вздохнула я, отворачиваясь от стекла. – И тем, что по отдельности им все-таки лучше, чем вместе.

– Почему ты так считаешь?

– Вы же сами сказали – металлы при смешивании меняют свои свойства.

– Разве это плохо? – Моран снова внимательно на меня посмотрел, словно пытался понять, что именно я сейчас недоговариваю. Но я лишь хмуро кивнула.

– Да. Ведь если серебро при этом изменит цвет, то от второго состава останется в лучшем случае половина.

Повелитель вопросительно приподнял брови.

– Иными словами, тебе его жаль?

Я отвела взгляд.

– Скажем так, я не одобряю чрезмерных рисков.

– А если в итоге получится что-то новое, лучшее? – продолжал настаивать владыка. – Что, если риск – единственный способ проверить, так это или нет?

Я укоризненно покачала головой.

– Боюсь, вы выбрали не лучшее время для разговора на эту тему.

– Хорошо. Тогда, быть может, обсудим за ужином?

– Что? – вздрогнула я и, вскинув голову, неверяще уставилась на

владыку моранов.

– Ужин. Сегодня. Со мной, – спокойно подтвердил он. И под его пристальным, настойчивым, каким-то ищущим взглядом я почему-то не нашла в себе сил отказаться.

Глава 16

Весь оставшийся день я тщетно пыталась избавиться от некстати накативших сомнений. Наверное, именно поэтому непривычно долго выбирала наряд для сегодняшнего вечера, ворошила вынутые из дорожного мешка и приберегаемые для особых случаев украшения. Потом так же долго стояла перед зеркалом, в сотый раз поправляя не нуждающиеся в дополнительной укладке волосы. И вообще, чувствовала себя как едва перешагнувшая порог взросления девчонка, которую впервые пригласили на свидание.

Впрочем, не стоило себе лгать: это и было свидание. А как иначе назвать встречу с мужчиной, который совсем недавно признался, что я ему нравлюсь? Более того, с мужчиной, который, безусловно, нравился мне, но в силу сложившихся обстоятельств должен был жениться на другой?

Надежды на то, что из этих отношений получится что-то толковое, у меня не было, да и не могло быть в принципе. Повелитель моранов и белая ведьма? Увы, это даже не смешно. Каждое его прикосновение – это маленькая смерть для меня. Каждый лучик живущего во мне солнца – болезненный ожог для него. Мы как две крайности, которые отчаянно стремятся друг к другу, но не могут по-настоящему встретиться. Как день и ночь. Луна и солнце, у которых нет и не может быть совместного будущего.

– Кажется, я совершила ошибку, По, – с грустью признала, в очередной раз остановившись перед зеркалом. – Мне следовало ему отказать, а не дарить нам обоим надежду. Провести обряд и просто уйти вместо того, чтобы примерять лучшее из имеющихся платьев и собираться поразить Таалу до глубины души.

Подлетевшая метелка бережно погладила кончиком рукояти мою щеку.

Я опустила глаза, чтобы не видеть отразившуюся в зеркале ослепительно красивую леди, место которой где-нибудь на королевском балу, а не в темном подземелье. А затем бережно прижала к груди боевую подругу.

– Как считаешь? Может, еще не поздно отказать?

По встрепенулась и активно потрясла рукоятью, словно говоря: «Ты что?! Ни в коем случае!» А затем встопорщила помело и, вырвавшись из моих рук, затанцевала по комнате, на удивление точно изображая кружащуюся в танце изящную барышню. И на этот раз метла не кривлялась, намекая на мою давнюю нелюбовь к светским приемам.

Просто танцевала. И выглядела при этом до того умиротворенной, что я не выдержала – отвернулась. И, опустившись на край постели, покачала головой.

– Не надо, По. Это все равно не поможет.

«Почему?» – вопросительно изогнулась метелка.

– Потому что у каждого из нас своя дорога. И вряд ли этим дорогам суждено пересечься.

Метла, немного подумав, подлетела снова и сочувственно похлопала меня рукоятью по плечу. И, словно в ответ, снаружи требовательно постучали.

– Повелитель ждет, госпожа Нораатис, – донесся из коридора приглушенный голос Риату.

Я глубоко вздохнула и, помедлив пару мгновений, поднялась на ноги.

Вот и все. Надо взять себя в руки. Не в первый и не в последний раз мне приходится делать то, что нужно, а не то, что хочется. Нам действительно следовало поговорить с Таалу... в последний раз. Чтобы, наконец, прояснить все до конца и больше никогда к этому не возвращаться.

– Прости, По, не сегодня, – покачала я головой, когда метла проворно подлетела к выходу и нетерпеливо заметалась перед дверью.

Подруга растерянно замерла, словно не веря, что я снова оставляю ее одну, но потом неожиданно отступила. И, прежде чем перед Риату открылась дверь, привычно спряталась в темноте ближайшего угла.

На этот раз охраны с нами не было, однако и далеко идти не пришлось – буквально за первым поворотом моран открыл довольно широкую шахту и с поклоном предложил в нее войти.

Неторопливый подъем на несколько уровней, еще один коридор, снова шахта и новый подъем, который длился заметно дольше первого. Затем снова коридор и, наконец, третья шахта... на этот раз – скоростная, в которую Риату по понятным причинам не зашел.

– Повелитель ожидает вас на третьем уровне, госпожа Нораатис, – спокойно сообщил моран, когда я вопросительно на него посмотрела. – Там всего один коридор. Ошибиться невозможно.

С этими словами двери бесшумно сомкнулись, и каменный диск под моими ногами тихонько дрогнул. Правда, сегодня это не доставило мне особого беспокойства – моя голова была занята совершенно другими мыслями. А когда стремительный подъем все-таки закончился, я глубоко вздохнула и решительно коснулась стены шахты, искренне веря, что на этот раз готова ко всему.

Однако владыке удалось в очередной раз меня поразить – как оказалось, за дверью меня ждала не обычная комната и даже не очередной гигантский зал, а терраса... похожая на те, на которых я уже побывала. Вот только эта располагалась почти на самом верху огромнейшего дворца и была отгорожена от любопытных глаз таким же стеклянным колпаком, как площадка в пещере двух озер. В самом ее центре уже стоял накрытый стол. А еще здесь росли деревья... самые настоящие, вероятно, привезенные из верхнего мира и заботливо посаженные вдоль стен в специальные углубления.

Каменные ограждения не мешали им разрастаться – раскидистые ветки просто тянулись вдоль опор, постепенно закрывая листвой стены, и местами переходили на потолок, создавая иллюзию лесного шатра.

Света здесь тоже доставало – он лился со всех сторон и был заметно ярче, чем в остальных помещениях дворца, несмотря на то, что уже наступил вечер.

Однако поразило меня другое – помимо искусственного, здесь имелся и самый обычный солнечный свет. Конечно же, не прямой – чувствительные глаза моранов этого не выдержали бы. И, скорее всего, свет появлялся здесь очень ненадолго. В строго определенные часы. Видимо, просачивался сквозь проделанные под определенным углом щели в потолке главной пещеры, искусственно фокусировался и с помощью специальных линз передавался на эту террасу, чтобы поддерживать жизнь в чудом прижившихся здесь растениях, создавая и трепетно храня непередаваемую, волшебную атмосферу сказки.

– Это место создал отец, – раздался у меня за спиной тихий голос повелителя. – Специально для матери, чтобы она не чувствовала себя пленницей. Тебе нравится?

Я медленно повернулась и удивленно замерла, обнаружив, что моран впервые явился на встречу без доспехов. Вместо стальных лат на нем были такие же свободные одежды, как на Раалу. Причем не черного цвета, а непривычно светлых тонов, среди которых доминировали серебристый и золотой. Ни украшений, ни оружия, ни амулетов... Таалу словно нарочно решил отказаться от всего, что хоть как-то указывало на его статус. И он так же пристально изучал мое нескромное платье, которое этим вечером буквально в последний момент принесли загадочно улыбающиеся Ринаре и Альнаре.

– Прекрасно выглядишь, – снова обронил повелитель, так и не дождавшись от меня ответа. – И я рад, что ты все-таки пришла.

Я спохватилась и изобразила приличествующий случаю реверанс.

– Добрый вечер, сир. Благодарю. Здесь чудесно.

Он знаком указал на пустующее кресло у стола, а сам, дождавшись, пока я сяду, занял второе. Указывать ему на небольшое отступление от правил этикета я, разумеется, не стала, но когда моран принялся с невозмутимым видом разливать вино, неожиданно заметила еще одну странность. И вот тут уже промолчать не смогла:

– Почему вы сегодня без перчаток, сир?

Таалу спокойно протянул мне наполненный бокал.

– В них нет необходимости.

– Разве ваши способности стали меньше за этот вечер?

– Я сбросил силу на Раалу, – невозмутимо пояснил владыка, и моя рука, уже приготовившаяся взять бокал, растерянно дрогнула. – Очень скоро ему придется исполнять мои обязанности, поэтому я счел возможным устроить небольшую проверку.

– И надолго он стал вашим заместителем? – осторожно поинтересовалась я, забирая вино.

– Примерно на час. Дольше обряд обычно не длится.

Я на мгновение прикрыла глаза, продолжая наблюдать за повелителем из-под опущенных ресниц.

Это что, игра? Он на что-то надеется? Или рискует здоровьем единственного брата ради простой проверки? Лишь потому, что хочет быть уверен, что осечек на обряде не случится? А если Раалу станет плохо? Если у него не хватит выдержки?

– Вам не кажется, что это чересчур рискованно? – наконец, высказала я свои сомнения.

По губам повелителя скользнула легкая улыбка.

– У каждого риска своя цена. Если ты помнишь, именно об этом мы хотели поговорить.

– Да, но можно было обойтись и без провокаций.

– Ты волнуешься за Раалу? – внимательно посмотрел на меня моран. – Напрасно. Рядом с ним сейчас находится такое количество подавителей, что даже в полной силе я не смог бы причинить ему серьезного вреда. По крайней мере, за короткое время.

Я незаметно перевела дух и только тогда решила уточнить:

– Подаватели – это какие-то артефакты?

– Нет, – качнул головой владыка, потянувшись за салатом. – Это исконные обитатели наших подземелий, которые за годы сосуществования с нашей расой выработали редкую способность поглощать энергию Смерти.

– Очень полезные соседи, – согласилась я, последовав примеру морана. – Я бы даже сказала, крайне полезные. Как они выглядят?

– Тебе не понравится.

– Неужели они такие страшные?

– Просто у них не самая привлекательная внешность.

– И все-таки...

– Если это не испортит тебе аппетита, то изволь, – хмыкнул владыка, пригубив вино. – Подавители внешне напоминают светлячков. Как по размерам, так и по способности излучать слабый свет, находясь в абсолютной темноте.

– Пока не страшно, – ободряюще улыбнулась я, тоже потянувшись к бокалу. – Надеюсь, для улучшения эффекта вам не приходится употреблять их внутрь?

Повелитель Таалу усмехнулся:

– Хвала тьме, до этого дело не дошло, поскольку существа несъедобны. Зато у них есть крылья, правда, в зачаточном состоянии. Очень цепкие лапы, с помощью которых эти создания могут быстро перемещаться. Полностью отсутствуют органы зрения, но чрезвычайно развиты слух и обоняние, что очень помогает в процессе ловли. К тому же они всеядны и повадками напоминают вашу саранчу. Но при контакте с энергией Смерти на какое-то время теряют подвижность и начинают выделять весьма едкую слизь, прикосновение к которой смертельно опасно даже для морана.

Я с невозмутимым видом поставила бокал на стол и благодарно кивнула.

– Прекрасное вино. Я так понимаю, подавители переводят энергию Смерти в материальную субстанцию, которую можно использовать в определенных целях... ну, скажем, для защиты?

– Скорее, для нападения, – улыбнулся владыка Таалу. – И это весьма эффективное средство, ведь противоядия от данного состава не существует.

– Очень интересно. И сколько энергии Смерти, если не секрет, может забрать на себя один подавитель?

– Немного. Но с учетом того, что эти создания обитают стаями в несколько тысяч особей, нам вполне хватает.

– То есть вы разводите их специально? – вычленила я главное.

Владыка Таалу отсалютовал мне бокалом:

– Разумеется. Причем в огромных масштабах и не только в отдаленных пещерах. К твоему сведению, даже здесь, во дворце, имеется немало помещений с этими полезными существами, куда, к слову, можно попасть с

помощью самых обычных транспортных шахт.

Я вскинула на повелителя недоверчивый взгляд, но тот выглядел совершенно серьезным. А на мой невысказанный вопрос так же спокойно кивнул.

– Да, поэтому я был против твоих прогулок по дворцу в одиночестве. Теперь, конечно, все потенциально опасные шахты помечены и уже не откроются постороннему, однако несколько дней назад ты серьезно рисковала.

– Простите, – неловко кашлянула я, отводя глаза. – Но от этих прогулок была и польза: мне все-таки удалось пообщаться с оракулом наедине.

Моран кивнул.

– Как раз об этом я и хотел тебя спросить. Что же он сообщил такого, о чем не пожелал рассказывать нам с братом?

Я еще раз вспомнила наш разговор со стариком, но так и не нашла причин что-либо утаивать и, неторопливо расправляясь со своей порцией салата, почти слово в слово передала все то, чем повелитель Маару не захотел поделиться с сыновьями.

Таалу слушал молча, изредка хмуря брови и нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Есть он перестал, к вину тоже больше не притрагивался. Пока я рассказывала, его взгляд становился то задумчивым, то чрезвычайно напряженным. Порой даже вспыхивал гневными искорками. Но затем угасал и снова загорался, особенно когда речь заходила о матери. А я все это время внимательно за ним наблюдала и, чего греха таить, потихоньку любовалась его сосредоточенным лицом.

– Значит, вот какой выбор сделал отец... и вот как решил мне отомстить, – наконец, тяжело обронил моран, когда я закончила говорить и выжидательно на него посмотрела. – Мне только непонятно, почему он не сказал тебе самого главного.

– Чего именно?

Повелитель пристально взглянул мне в глаза.

– Мораны могут завести семью и зачать детей от любой женщины, даже от человечки. Это ты уже знаешь. Но отец не сказал, что спокойно мы способны жить лишь с предначертанной богом-отцом парой. Той женщиной, кого не посмеет коснуться живущая в нас Смерть. Единственной, кому не грозит погибнуть от неосторожного прикосновения. Именно поэтому мы способны полюбить лишь однажды.

– Кхм... – неловко кашлянула я.

Об этом мифе я тоже слышала – в верхнем мире любят рассказывать

красивые сказки. Храмовые летописи их, правда, не подтверждали, и именно поэтому я сомневалась. Но во время разговора с Альнаре и Ринаре меня насторожила одна странность. А именно то, что мораны так удачно вышли на поверхность как раз во время нашествия гулей и разбойников. И еще более удачно спасли совершенно незнакомых им человек, которым вскоре после этого предложили руку и сердце.

В любовь с первого взгляда я никогда не верила, поэтому единственным объяснением до сегодняшнего дня для меня была магия. Но Ринаре и Альнаре ею определенно не владели, так что сначала я подумала о некоем любовном артефакте, опробованном на моранах с целью приворота. Однако волей богини создание и использование таких артефактов находилось под строжайшим запретом, да и в принципе их существовало не так уж много. И если одно-два неосторожных использования предположить было вполне реально, то десятки и сотни... да еще здесь, в подземном мире... нет. Тут требовалось иное объяснение.

И владыка Таалу только что мне его дал.

– Получается, ваш отец нашел свою пару? – осторожно предположила я, тщетно пытаюсь понять, как относиться к такому известию.

Моран горько усмехнулся:

– Нашел. Только не сразу.

– Но ведь это не страшно, – еще осторожнее сказала я, откладывая столовые приборы в сторону. Миф там или нет, но тема определенно стоила внимания. – Главное, что он все-таки обрел любимую женщину. Пусть и позже, чем ему того хотелось бы.

– Ты не понимаешь, – покачал головой моран, резким движением поднимаясь из-за стола и отходя к стеклянному куполу. – Все намного сложнее, чем кажется. И именно это стало причиной того, что мы с Раалу разорвали отношения с отцом.

Я тоже поднялась.

– Наверное, я действительно плохо знаю моранов. У вас совсем другие обычаи. Но вы можете попробовать все объяснить. Я постараюсь понять.

– Положение владыки ко многому обязывает, – глухо уронил моран, когда я подошла ближе и остановилась в нескольких шагах от него. – Поэтому, когда подошло время первого всплеска, а своей пары отец к тому времени так и не встретил, ему пришлось объявить об отборе невест.

Я нахмурилась.

Допустим, Таалу прав, и миф об идеальной паре в действительности – не совсем миф. По крайней мере, по отношению к моранам. И допустим... хотя бы на миг, что бог-отец настолько силен, что заранее определил в пару

каждому морану некую женщину. Но тогда выходит, что прежний владыка вынужден был заключить брак по расчету, чтобы зачать сына и передать ему часть собственной силы, спасая тем самым себя и нас от угрозы. Подходящую жену Маару, судя по тому, что мы до сих пор живы, все-таки нашел. Но потом встретил другую женщину. Ту самую, которая по воле бога-отца оказалась абсолютно устойчива к его силе.

– Что произошло с законной супругой после того, как ваш отец встретил свою пару? – спросила я, уже не сомневаясь, что угадала.

– Она умерла.

– Своей смертью?

– Нет. Покончила с собой, потому что, как всякая любящая женщина... а она, на свое несчастье, действительно его любила... не смогла вынести появления соперницы. Она еще до обряда знала, что рядом с владыкой проживет недолго, но предпочла броситься в пропасть, лишь бы не видеть, как отец счастлив с другой.

Я прикусила губу.

– Это она была вашей матерью?

– Нет, – качнул головой повелитель. – Об этом немногие знают, но полноценный наследник правящего рода рождается только у истинной пары. Все остальные дети – побочная ветвь. Опора и поддержка для трона, но не более.

Я сглотнула.

– Значит, это Раалу?

– Да, – на мгновение обернулся владыка. – Именно за гибель матери он возненавидел отца. А я его в этом полностью поддержал.

– Но ваш отец не мог знать, что так получится, – поежилась я, не в силах представить, что пришлось пережить этой семье. – Он мог вообще никогда не встретить пару. А вопрос брака с той леди был жизненно важен не только для него, но и для всех нас.

На лице повелителя появилось жесткое выражение.

– Он мог решить этот вопрос как мужчина. И выказать хотя бы долю уважения женщине, которая по доброй воле рискнула пройти обряд и родить ему здорового сына. Вместо этого, найдя пару, отец сделал вид, что леди Найаре вообще не существовало. Он забыл о ней и отдал все свое внимание моей матери... и мне. Вернее, у него получалось это сделать ровно до того момента, пока мы не узнали правду.

Владыка помолчал, а потом так же глухо продолжил:

– Мать растила нас с Раалу как равных, без всяких различий. После смерти леди Найаре она приняла брата как собственного сына и сделала

все, чтобы он не чувствовал себя ненужным. Для меня Раалу – как часть души. У меня не было и нет никого ближе. Отец же до него не снисходил. Для него был важен только я. И он никогда не думал, что своими поступками делает больно нам обоим.

– Мне жаль, – снова прошептала, робко коснувшись плеча владыки. – Мне действительно очень жаль, что все так получилось.

Моран опустил голову.

– Мать отказалась проходить свадебный обряд из уважения к леди Найаре. Она не стала владычицей вместо нее и никогда не стремилась к тому, чтобы народ знал о ее существовании. Отца это раздражало, но настаивать он не смел, поэтому формально у меня не было прав на трон. Вот только Смерть рассудила иначе.

– Почему же владыка не сумел уберечь вашу мать? – снова спросила я, боясь неосторожным словом ранить повелителя еще больше. – Если она была истинной парой, на нее не должна была действовать его сила. Разве нет?

– Все правильно – сила отца на нее действительно не влияла. И состарилась мама раньше срока совсем не поэтому.

– А почему тогда?

– Потому что... – Моран снова обернулся и, прикрыв глаза, очень тихо шепнул: – Она была такой же, как ты. И не могла ни дня прожить без дарующего ей силы солнца. Отец убил ее так же, как убил когда-то мать Раалу. И единственное, за что я ему благодарен, это за то, что третьей жертвы он уже не допустил.

От такой правды я вздрогнула и отшатнулась, только сейчас до конца осознав всю глубину отчаяния повелителя Маару, не сумевшего, да и по большому счету не способного спасти свою пару. Единственный способ ее уберечь – это отпустить на свободу... но именно такого Маару и не мог себе позволить! Без пары мораны долго не живут – мне об этом уже говорили. А повелитель без пары – это угроза всему миру. Маару помнил об этом, поэтому ему пришлось выбирать между счастьем и долгом. Потому же он выбрал долг. И потому же, умирая, Шаэра все равно продолжала его любить! Простила его. И все-таки, несмотря ни на что, осталась здесь, во тьме. До самого последнего вдоха, который, судя по всему, ей довелось сделать в полнейшем одиночестве.

Увидев мое побледневшее лицо, владыка Таалу тяжело вздохнул:

– Она умерла, потому что отец совершил ошибку... да, ты все правильно поняла. Моя мать была белой ведьмой, и она многое рассказала нам о верхнем мире. Она научила нас вашему языку. От нее я узнал, где

находится ваш храм. И это она сообщила, где найти вас и как удержать, чтобы обряд по-настоящему свершился.

Я вскинула на морана пораженный взгляд.

Неужели одна из наших сестер предала храм?! И именно с ее подачи мои подруги оказались обмануты, пойманы и заперты в подземелье, тогда как человек... вернее, моран, который сумел все это проделать, на протяжении нескольких дней пытался меня этим шантажировать?!

Из-за нее?!

– Она понимала, насколько это важно, – медленно проговорил моран, глядя, как я тихо отступаю к стене. – Ее никто не заставлял рассказывать. Она приняла это решение сама. Ради меня, ради Раалу, ради всего нашего народа. И ради наших с тобой миров, которые одинаково зависят от моего настроения.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, и снова выдохнула.

Так. Не время паниковать. Вдох... выдох... все хорошо. Все в порядке. Рядовая ведьма не могла знать того, о чем сейчас подумала я. И не могла выдать никаких серьезных тайн по той простой причине, что допущенных к ним не так уж много. Настоятельница, ее ближний круг, старшие жрицы преимущественно из числа боевых... да и все, пожалуй. И всех их я знаю наперечет.

– Почему вы думаете, что отец хотел вам отомстить? – спросила я, с трудом, но все-таки справившись с эмоциями.

Повелитель Таалу невесело улыбнулся.

– Потому что только оракулу известно, где искать мою пару. Но отец наотрез отказался что-либо о ней сообщать.

– Значит, вам для этого понадобилась верховная ведьма?

– С ее помощью я мог бы избежать ненужных проблем. Но, поскольку времени осталось мало, а она до сих пор не появилась, теперь предсказание может подождать.

Я горько усмехнулась.

– Иными словами, вы собираетесь повторить путь, пройденный вашим отцом?

– У меня нет другого выхода, – неестественно ровно отозвался моран. – Если бы я знал, куда идти, я бы уже давно направил поиски в нужную сторону. Но твои сестры отказались мне помочь. А настоятельница так и не пришла. Поэтому я вынужден заключить брачный союз с другой женщиной и продолжать искать свою пару. До тех пор, пока не найду, или пока Смерть не решит, что я достаточно испытывал ее терпение.

– Почему вы уверены, что ваша пара существует? Что она уже

родилась и вообще подходит вам по возрасту?

– Оракул сообщил, что я могу ее найти. Но без имени или хотя бы минимальных сведений поиски не имеют смысла.

– А что случится, если вы ее все-таки не встретите? – нахмурилась я, ощущая, что он опять чего-то недоговаривает.

– Я проживу жизнь, так и не узнав, способен ли испытывать по-настоящему сильные чувства. А мой сын, который с высокой долей вероятности будет зачат в первую брачную ночь, вырастет сильным, но, к сожалению, недостаточно стойким мораном. Срок его правления будет, скорее всего, недолгим, а шанс отыскать пару станет совсем призрачным. Женщина, которую я выберу себе в жены, тоже проживет от силы несколько лет. Велика вероятность того, что после рождения ребенка она серьезно заболеет, поскольку наследник заберет большую часть ее стойкости. Второй раз жениться я, конечно, смогу – как ты знаешь, у нас останется еще две претендентки. Но их, я полагаю, постигнет такая же участь. А их дети окажутся еще слабее, чем первенец. Поскольку девочки в правящем роду почти не рождаются, то все мои дети так или иначе станут причиной смерти своих матерей. Если повезет, втроем они сумеют удержать ту силу, что я ношу в себе. Если нет, то вскоре в подземном мире сменится династия, и жизненный цикл опять повторится. Только на этот раз – с другими участниками. Все, что мне останется в этом случае, это избрать для себя роль оракула, тем более что его у нас нет, а поиск пары для нового повелителя – достаточно важная обязанность, которой я просто не смогу пренебречь.

Я растерянно покосилась на бесстрастное лицо повелителя. Потом вспомнила, во что превращаются оракулы у моранов, и вздрогнула.

– Вы так спокойно об этом говорите...

– Ты предпочитаешь, чтобы я кричал или рвал на себе волосы? – сухо осведомился Таалу. А затем так на меня посмотрел, что я поспешно прикусила язык. И внутренне содрогнулась от мысли, что случится, если носителя Смерти как следует разозлить.

– Простите, – отвела я глаза. – Но если бы вы рассказали об этом сразу, если бы не давили на нас изначально, возможно, сестры не стали бы так отчаянно сопротивляться. Скорее всего, в храм уже пришел бы зов о помощи, потому что ваша ситуация выходит далеко за рамки обычных правил, и верховная способна это понять.

У морана едва заметно дернулась щека.

– Ты считаешь, такими вещами можно спокойно поделиться с первым встречным? Я должен был выложить это как на духу тем, кто посчитал

меня слишком опасным даже для простого разговора?

– Боюсь, недоверие – наша с вами общая беда, – пробормотала я, снова вернувшись к куполу и невидяще уставившись на стены гигантской пещеры, в которой, несмотря на поздний час, все еще кипела жизнь. – И поэтому я должна попросить у вас прощения. За своих сестер. За мое собственное неверие. Я, как и обещала, сделаю все, чтобы вам помочь, но и вы должны понять: предсказания всегда спонтанны. И нельзя видеть будущее по заказу.

– Я понимаю, – глухо сказал моран, подходя ближе. – И тебя прекрасно понимаю тоже... так что считаю необходимым в ответ принести извинения. Возможно, я был слишком настойчив и скрытен, когда требовал встречи с настоятельницей. Возможно, это ввело твоих сестер в заблуждение, и в конечном итоге я сам спровоцировал их отказ. Но сейчас... знаешь, я даже рад, что так получилось. Ведь если бы мне помог кто-то из них, ты бы никогда сюда не пришла. И я бы так и не узнал, что ты вообще существуешь.

Почувствовав на макушке горячее дыхание, я с замиранием сердца обернулась и замерла, обнаружив, что моран снова находится непозволительно близко. Волнующе близко...И невероятно опасно... К тому же на этот раз на нем не было доспеха, и сквозь легкую ткань саала я впервые чувствовала не холод металла, а ровное биение его сердца. Ощущала не прикосновение жесткой перчатки, а впервые узнавала неожиданную мягкость его сильных пальцев. И с наслаждением впитывала то самое живое тепло, о котором с затаенной надеждой думала всего несколько часов назад.

И вновь мы стояли, глядя в глаза друг другу и высматривая что-то незримое, но при этом невероятно важное. Снова, как тогда, в пещере, чувствовали, что все-таки есть... есть между нами какая-то связь, которую невозможно увидеть или описать словами. Кажется, только сейчас я смогла ощутить ее в полную силу. Когда склонившийся надо мной моран, временно передавший власть родному брату, оказался абсолютно беззащитным. Когда его пальцы осторожно, словно боясь причинить боль, погладили мою заалевшую щеку. И когда его губы, дрогнув в слабой, какой-то вымученной улыбке, так же бережно и осторожно прижались к моим.

Всего на миг. На краткую долю секунды, за которую я успела и запаниковать, и испугаться, и облегченно выдохнуть, неожиданно осознав, что бояться больше не надо. А потом наконец сдалась и охотно прижалась к нему, окончательно признавая за ним право меня обнимать, целовать,

беречь. На бесконечно долгую и томительно сладкую вечность, из которой я при всем желании не сумела бы самостоятельно выбраться.

– Почему? – с горечью прошептал владыка, внезапно разорвав поцелуй и с болью всмотревшись в мои затуманенные глаза. – Ну почему отец не назвал тогда твоего имени?!

Я слегка отстранилась, но не стала разрывать объятия. Лишь опустила веки, чтобы не выдать охватившего меня смятения.

– Ему же повезло узнать свою пару! – так же горестно простонал моран. – Он понимал, как это важно, но никогда не сообщал деталей, утверждал, что моран не способен ошибиться в выборе. Да, я почувствовал твой запах и был уверен, что выбрал правильно! Но всего одно прикосновение, и ты едва не погибла... всего одна нелепая оплошность, и я едва тебя не потерял!

Я вздрогнула, но и сейчас не пожелала отойти, жадно впитывая последние крохи тепла, которых никогда больше не будет.

Таалу сказал правду – то касание едва не стало для меня последним. И уже одно это, как бы мне ни хотелось обратного, полностью исключало для нас возможность быть вместе. Правда или нет, но я – не его пара. Мы оба это прекрасно знали. Но хотя бы себе я имела право признаться, что была бы рада, если бы все сложилось иначе.

К несчастью, мы, ведьмы, редко влюбляемся без последствий. Сначала долго медлим, умышленно держим дистанцию и без конца проверяем и перепроверяем своего избранника, прежде чем окончательно открыться.

Я не обо всем рассказала Таалу, когда он спрашивал о наших традициях. Но и не обманула в том, что мужчину, который рискнет заключить брачный союз с белой ведьмой, будет ждать долгая и безбедная жизнь. И именно ему достанутся вся страсть и нерастраченная нежность женщины, которую с раннего детства приучали к мысли, что она должна любить.

Об этом мало кто знает, но наша сила кроется именно в этом – мы должны... по долгу службы просто обязаны любить: свой мир, живущих в нем людей и нелюдей, должны помогать страждущим, исцелять болящих, постоянно тратить переполняющую нас благодать и всегда, каждый день, делать это... да-да, именно с любовью. Причем чем больше мы способны ее излучать и чем более искренни наши чувства, тем эффективнее воздействие и тем выше наше положение в храме.

Наверное, в чем-то это даже неплохо. И не зря говорят, что любовь творит чудеса, однако у нее, как и у всего в мире, есть своя обратная сторона.

Наша слабость заключается в том, что поддавшихся чувствам ведьм бывает трудно остановить, из-за чего едва вспыхнувшая симпатия может за считанные часы превратиться в настоящий пожар. В огонь, который, единожды разгоревшись, уже не ослабеет с годами. А окончательно погаснет лишь тогда, когда перестанет биться сердце влюбленной жрицы.

Проблема в том, что далеко не каждый мужчина готов связать свою жизнь с ведьмой раз и навсегда. Для них это чаще всего игра, развлечение. Одна-единственная, хотя и бурная ночь, во время которой им повезет испытать целое море необычных ощущений. Но открыв глаза поутру и встретив горящий взгляд отдавшей ему тело и душу женщины, мужчина, как правило, пугается. Внезапно понимает, что не готов, не желает, да и не способен на ответное чувство. Некоторые после этого злятся. Кричат. Отворачиваются. Иногда стыдятся собственной слабости. А потом уходят, стараясь поскорее все забыть.

Наш рок в том, что разлюбить такого мужчину мы уже не в состоянии. Мы будем отчаянно жалеть об этом, выть и плакать ночами в подушку... но любовь от этого не исчезнет. И со временем из дарящего благо, воспетого в песнях прекрасного чувства неумолимо превратится в проклятие.

Только по этой причине мы так трепетно относимся к выбору пары. Запираем чувства на замок, боясь, что на них не ответят. Постоянно сдерживаемся, подавляем любые проявления чувств и просто запрещаем себе любить кого-то конкретного, страшась, что страсть превратится в нечто, от чего нельзя будет избавиться. В любовь, которая способна не только дарить блаженство, но и приносить великую боль.

Неудивительно, что мы так редко приводим избранников в храм. Каждая из нас знает – если во время обряда брачный браслет почернеет, выдав неискренность жениха, наказание будет мгновенным и страшным. Смерть – неизбежная кара за попытку обмануть богиню. Воистину женская месть за поруганные чувства. За преданное доверие. За ложь. И мало кто согласится рискнуть жизнью избранника, заключив полноценный, освященный в храме союз.

Проблема в том, что неосвященные союзы богиней не одобряются, поэтому ведьмам всегда было легче не испытывать чувства избранника на прочность, а самим отказаться от служения. Уйти из храма. И оставшуюся жизнь провести вдали от сестер, променяв долг на обычное человеческое счастье. Или же несчастье, если окажется, что мужчина этого недостоин.

Да, это нелепо и местами похоже на трусость, но иного выбора у нас не остается. Все или ничего: такова наша плата за силу. Поэтому большинство ведьм стараются держаться от мужчин подальше, а решив

завести ребенка, просто выбирают первого встречного и остаются с ним на одну ночь.

Конечно, бывают и исключения. Время от времени кто-то из жриц все-таки находит достойного человека, и тогда в мире становится на одну счастливую пару больше. Но большинство наших детей до сих пор растут без отцов. Мальчики, вырастая, уходят служить в храмовую стражу. Девочки, как правило, становятся жрицами. И пускай их с детства окружают любовь и внимание, но, честно говоря, это совсем не та забота, о которой мы втайне мечтаем. И совсем не та любовь, которой мы с таким трепетом ждем.

Раньше эти знания всегда были для меня чем-то далеким и само собой разумеющимся. Простые факты и выработанные за долгие годы учебы правила, которых я никогда не преступала. Но если до этого дня мне удавалось себя сдерживать и своевременно уходить, не позволяя зарождающейся симпатии поколебать мое спокойствие, то из подземного дворца было некуда деться. И некуда бежать от морана, который, сам того не зная, сумел всколыхнуть во мне совершенно неуместные чувства.

– Почему, Нора? – не услышав ответа, повторил повелитель Таалу, настойчиво заглядывая в мои глаза.

И снова я отвела взгляд, чтобы он не увидел там ничего лишнего. Не понял, что рядом с ним моя годами нараставшая броня почти готова раствориться.

Да, я на многое согласилась бы, чтобы он не узнал, что сейчас творилось у меня в душе. Но еще больше я отдала бы за то, чтобы он никуда не уходил. Не размыкал объятий. И хотя бы раз... всего еще один раз набрался смелости меня поцеловать.

– Боюсь, ваш отец был прав – мне нельзя участвовать в отборе, – хрипло ответила я, когда молчание стало угнетающим. – Ваш мир, к сожалению, не для меня.

Таалу прерывисто вздохнул. Но не отстранился, как я внутренне боялась, а снова наклонился и, приподняв мое лицо за подбородок, сделал еще одну попытку. Последнюю. Абсолютно беззащитный перед моей силой. Рискнувший полностью мне довериться. И все еще, как ни странно, не утративший надежды.

– Я бы очень хотел, но, к сожалению, не могу предложить тебе большего, – тихо сказал повелитель Таалу, заставив меня беззвучно застонать. – Я знаю – тебе здесь неуютно. Если останешься, то со временем все равно ослабеешь и рано или поздно пожелаешь уйти наверх. Я никогда не смогу стать к тебе ближе. Но если у нас есть возможность хотя бы

изредка видется... если бы мы могли хотя бы иногда говорить друг с другом... я бы многое за это отдал. И многим пожертвовал бы. Даже прекратил бы поиски... потому что, кроме тебя, мне никто не нужен.

Я медленно покачала головой.

Нет. Нельзя соглашаться на замену. Я не смогу любить на расстоянии и при этом знать, что рядом с ним будет кто-то другой. Я все пойму и многое смогу простить, но жить рядом, не смея его даже коснуться, это самая жестокая кара, какую только можно себе представить. Я не могу так и не должна обречь на подобную муку его. Это слишком жестоко. И невероятно тяжело. Даже если все мое существо стремится поддаться соблазну, если сердце с болью сжимается от слов, которые должны были согреть душу... все равно нельзя. Нам не дано быть вместе. И этого уже не изменишь.

– Я мог бы дать тебе свет, – снова прошептал моран, бережно проведя кончиками пальцев по моей шее. – И все сделал бы, что ты не почувствовала разницы...

– Знаю, – так же тихо прошептала я, наконец-то набравшись смелости поднять на повелителя полный такой же горечи взгляд. – Вы даже сейчас это делаете. И я ценю. Правда. Но вы уже это проходили. В прошлом. И не хуже меня понимаете, что все закончится точно так же. Разве вам этого хотелось бы?

Его рука медленно опустилась, а по губам скользнула невеселая усмешка.

– Светлой жрице нечего делать в царстве теней, так?

– Да, – не стала отрицать я. – Если я не вернусь в Белый храм через две недели, даже богиня не сможет меня спасти. Вы потом сумеете с этим жить?

Владыка Таалу тяжело вздохнул и отступил на шаг.

– Я не стану тебя удерживать, – глухо обронил он, отступая еще дальше. – И не собираюсь повторять ошибок отца. Если ты так решила, то мне придется с этим смириться и жить дальше с мыслью, что мы больше никогда не увидимся.

Я с силой сжала кулаки, но ответить на это было нечего. Даже если бы каким-то чудом я нашла способ здесь задержаться... если бы он рискнул отложить собственную свадьбу, а Раалу или кто-нибудь другой придумал способ, как нам остаться вместе, из этого все равно ничего хорошего не вышло бы.

Его сила убьет меня, если мы расстанемся хотя бы на день. Но по долгу службы я не смогу быть с ним постоянно. А значит, не смогу не

нарушить поставленного богом-отцом условия, и мы, единожды познав друг друга, всю оставшуюся жизнь проведем порознь. В одиночестве. В глухой тоске по несбыточному счастью, которое вполне могло бы быть, но уже никогда не наступит.

– Свадебный обряд назначен на послезавтра, – наконец, глухо уронил повелитель, когда я уже решила, что тягостный для нас обоих разговор, а вместе с ним и ужин, окончены. – Завтра к обеду Раалу достанет необходимые ингредиенты для зелья, а невесты как раз закончат подготовку к последнему испытанию.

От таких новостей я опешила.

Как?! Уже?!

– Но ведь вы хотели увидеться с настоятельницей!

– У нас очень мало времени.

– Неужели все настолько плохо?!

– Да, – спокойно подтвердил моран, разворачиваясь к выходу. – У меня осталось всего два дня, чтобы зачать наследника. Сутки – на подготовку, сутки – на обряд. А сегодняшний вечер я оставил про запас.

– Для чего? – прошептала я, боясь поверить в то, что сейчас услышала.

Таалу на мгновение обернулся и, прежде чем окончательно исчезнуть во тьме, едва слышно выдохнул:

– Чтобы попрощаться с тобой.

Глава 17

Эта ночь, пожалуй, стала худшей за все время моего пребывания во дворце моранов. Я долго не могла уснуть, все думала, вспоминала, анализировала, мучилась сомнениями, но по-прежнему не находила ошибок в собственных рассуждениях.

Таалу был честен со мной и невероятно, просто нечеловечески искренен. Несмотря на то, что силы в нем вчера не оказалось, он не позволил себе ничего лишнего, кроме одного-единственного поцелуя. Не сделал предложения, которое я, если честно, уже не стала бы рассматривать как непристойное. И дал понять, что не ждет от меня большего. Не смеет ни о чем просить. Но был бы рад, если бы однажды я согласилась вернуться.

Мысль о том, что мы абсолютно несовместимы, терзала меня до самого утра. Шутка ли это богини, проклятие ли бога-отца, но сложно представить двух более неподходящих для брака существ, чем мы. И если душами мы, несомненно, тянулись друг к другу, то телами, увы, нам не было суждено соприкоснуться: мой свет оказался неприятен Таалу, а его сила смертельно опасна для меня... и от этой правды никуда не деться.

А еще меня упорно преследовала мысль, что чувства Таалу могли быть не совсем естественными и являлись следствием того, что, кроме меня, к нему никто не мог приблизиться. С ним с самого рождения никто, кроме брата, не общался. Его никто толком не понимал. И, возможно, именно поэтому мое появление пробудило в нем столь быстро окрепшую симпатию. Вполне объяснимое влечение, желание стать ближе и никуда больше меня не отпускать, чтобы не лишаться возможности видеть и свободно общаться с кем-то еще, помимо собственного брата.

Отдавал он себе в этом отчет или нет, но я-то хорошо понимала, что его влечение могло оказаться ложной надеждой, которую Таалу по ошибке принял за настоящее чувство.

А я хотела остаться с ним по-настоящему. Хотела наконец узнать, что же это такое – полноценная семья. Муж, который искренне любит. Наши общие дети, при взгляде на которых поет от счастья душа... но этого не будет. Для меня уже точно нет, потому что я свою битву, как выяснилось, уже проиграла. Тогда как он... когда-нибудь, надеюсь, найдет истинную пару и станет по-настоящему счастлив.

Неудивительно, что на следующий день все валилось у меня из рук.

Я чудом не разбила кувшин с любовным эликсиром, когда добавляла туда принесенные Раалу ингредиенты. Серьезно обожглась, доводя состав до готовности на спиртовке. Самым нелепым образом порезала руку, когда закупоривала добытую мораном колбу. Пребывая в напряженном раздумье, по дороге в покои повелителя умудрилась свернуть не туда. И каждый раз под укоризненным взглядом Риату виновато разводила руками. А когда добралась до изумрудного зала и, вопреки ожиданиям, никого там не встретила, лишь горько усмехнулась. И окончательно поняла, что увижу Таалу лишь на обряде. В последний раз. После чего навсегда покину подземный мир и больше никогда, ни по какой причине сюда не вернусь.

Льющийся с потолка природный свет на этот раз не доставил мне радости. Эликсир давно созрел, в полутьме полупрозрачная жидкость искрилась всеми оттенками радуги, красноречиво доказывая, что я все сделала правильно. Вопреки ожиданиям, гнева богини я не ощутила. Напротив, она благословила состав едва ли не быстрее, чем меня. Но впервые в жизни мне было неуютно стоять под солнечными лучами. И впервые я чувствовала, что не вправе пользоваться этой силой так, как того требовали обстоятельства.

Даже покинув покои владыки, я не могла избавиться от гнетущего чувства, что делаю что-то неправильно. Все еще мысленно спорила, убеждала саму себя, оправдывалась. Раз за разом прокручивала в уме последний разговор с Таалу, но упорно приходила к одним и тем же выводам. Однако, несмотря на то, что разум твердил – нам не суждено быть вместе! – глупое сердце упрямо не верило. И до самого вечера мучило ощущением, что я совершаю ужасную ошибку.

Новое утро тоже не принесло облегчения.

– Вы выглядите усталой, госпожа, – тихонько сказала Ринаре, помогая застегнуть очередное платье. Красивое, изумрудного цвета, с потрясающе выполненной вышивкой, которая, впрочем, не вызвала во мне положительных эмоций. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

Я отрицательно качнула головой, одним жестом создавая приличествующую случаю прическу, а когда девушки закончили с платьем, принялась надевать остальное.

Свадьба повелителя – важное событие. Не знаю, будут там гости или нет, но мне в любом случае следовало выглядеть представительно. И я решила, что если это в последний раз, пусть Таалу запомнит меня не в белом, как положено по этикету, а именно в этом платье. Рыжие волосы, зеленое платье, скромное ожерелье, доставшееся по наследству от бабушки...

– Вы сегодня очень красивы, госпожа, – признала Альнаре, когда мы покончили со сборами, и вместе с подругой почтительно отступила в сторону, давая мне возможность оценить результат.

Я быстрым взглядом окинула отражение в зеркале.

Да, зеленый – это, безусловно, мой цвет. И изумруды мне тоже к лицу. Жаль только, что красота здесь ничего не решает. Скорее, это своеобразный протест против сложившихся обстоятельств. Молчаливый вызов богине, давшей мне такую судьбу. И богу-отцу, по вине которого мне своими руками придется опить любовным зельем очень важного в моей жизни мужчину, а затем благословить его на брак с посторонней женщиной, надеясь, что это поможет сохранить ему жизнь.

Я бросила еще один взгляд на застывшее отражение и печально улыбнулась.

Жертвенность – одно из качеств, присущих любой светлой жрице. Учась любить весь мир и то, что в нем есть, мы с раннего возраста привыкаем к мысли, что ради других каждой из нас придется что-то отдать. Будь то накопленная благодать, разделенная с кем-либо радость, искреннее сочувствие, ободрение, поддержка... а в моем случае – всего лишь мужчина, от которого я должна отказаться ради всеобщего блага.

Однажды наставница призналась, что рано или поздно любую из нас ждет похожее испытание. Но при этом не сообщила, как именно должна действовать в этом случае жрица. На что смотреть. К кому прислушиваться. Чему верить. И сейчас я как никогда была близка к тому, чтобы усомниться в себе и даже в ней.

Единственная мысль, которая меня успокаивала, это то, что, как только Таалу женится, исходящая от него угроза станет гораздо меньше. Когда у него родится сын, она практически сойдет на нет. А значит, наш мир не погибнет, и моя жертва не будет напрасной. А когда у повелителя появится настоящая пара, он окончательно обо мне забудет, так и не узнав, насколько нелегко мне далось вчера это простое на первый взгляд «нет».

– Вот и все. Пора, – прошептала я, когда снаружи раздался громкий стук пунктуального до тошноты Риату.

По немедленно встрепенулась и поскребла жесткими прутиками пол.

Несколько мгновений я еще всматривалась в пошедшее мелкой рябью отражение, но потом решительно сжала зубы, вытянула руку и, плотно обхватив пальцами рукоять прыгнувшей в ладонь метлы, так же решительно направилась к выходу.

На этот раз в тронный зал мы вошли не как все – через парадные

двери. Почему-то Риату провел меня другой дорогой и, молча поклонившись, оставил у совершенно незнакомого входа. Одну, нервно сжимающую в правой руке метлу, а в левой – проклятое зелье, которое раз и навсегда должно было развести нас с Таалу по разные стороны баррикад.

Об этом ли говорил оракул, утверждая, что Жизнь и Смерть, хоть и противоположны по сути, в чем-то невероятно похожи? И понимал ли, что в тот момент говорил не просто об отстраненных вещах, а о наших с Таалу судьбах?

Не знаю. Не уверена. Но в одном Маару оказался прав – мы с Таалу, как свет и тьма, оказались бесконечно далеки друг от друга. Но будучи вполне способными друг друга уничтожить, тем не менее никогда не стремились к этому.

Была ли в этом чья-то высшая воля? Божественное провидение? Или самый обычный рок? Этого я тоже не знала. Но именно сейчас как никогда понимала всю горечь трагедии морана, рискнувшего однажды совместить несовместимое и потерявшего в итоге нечто гораздо более ценное, чем жизнь.

Пару раз глубоко вдохнув и выдохнув, я перехватила тяжелый кувшин в правую руку и толкнула тяжелую каменную дверь, отъехавшую в сторону без единого звука. А затем решительно вскинула голову и, приняв как можно более независимый вид, быстро зашла внутрь.

Тронный зал, как и всегда, поражал воображение: огромный, величественный и невероятно роскошный. Правда, на этот раз я смотрела на него не от подножия каменной пирамиды, а почти с самого ее верха, стоя на пороге той самой потайной двери и на краю той самой узенькой перемычки, по которой повелитель почти каждый день неторопливо шествовал по направлению к трону.

Мельком покосившись на бесконечно далекий парадный вход, возле которого уже столпилось приличное количество народа, я даже порадовалась, что не различаю деталей. И особенно порадовалась тому, что собравшиеся на свадебную церемонию мораны не могли увидеть выражение моего лица.

Мне тяжело дались эти несколько шагов до трона. И еще труднее оказалось увидеть рядом с ним небольшой, инкрустированный золотом деревянный столик, на котором лежали два ритуальных ножа и стояли две изящные серебряные чаши. Но особенно тяжело было смотреть на Таалу – одетого в свободные празднично-белые одежды, неестественно спокойного, невероятно уязвимого в одном свадебном саалу. Но при этом исполненного непередаваемого достоинства и той внутренней силы, которая даже при

отсутствии энергии Смерти выделяла его среди остальных моранов.

Впрочем, кроме нас двоих, на вершине пирамиды никого не было. Ни Раалу, хотя я, признаться, надеялась его сегодня увидеть. Ни, хвала богине, потенциальных супруг владыки. Только поэтому я позволила себе на мгновение задержаться, чтобы в последний раз открыто посмотреть на красивое лицо владыки. И, наверное, лишь поэтому при виде меня его глаза потеплели, а губы тронула едва заметная, невеселая, но все же улыбка.

– Доброе утро, сир, – едва слышно поздоровалась я, подходя вплотную к трону. Таалу в ответ чуть наклонил голову и, помня о коварном эхе, так же тихо ответил:

– Здравствуй.

– Нам уже можно начинать?

– Да, пожалуй, – согласился он, отступая назад и давая мне возможность занять определенное ритуалом место – за столом, тем самым превращая его в своеобразную преграду между собой и повелителем. – Брат уже должен был уйти достаточно далеко, чтобы не помешать обряду.

Я на мгновение прикрыла веки.

Значит, Раалу уже забрал силу повелителя, и именно этим объясняется отсутствие доспехов на Таалу. Потому же Раалу сегодня не пришел. И потому же, скорее всего, мы больше не увидимся, ведь после обряда ему наверняка понадобится время, чтобы восстановиться, а я не планирую так долго здесь задерживаться.

Что ж, надеюсь, он все правильно рассчитал, и хотя бы на час его силы воли хватит. После чего неминуемо наступит «откат», и Таалу снова станет самим собой. К этому времени свадебный обряд должен завершиться, невеста повелителя уже будет с ним повенчана. А мой эликсир даст стопроцентную гарантию того, что после первой брачной ночи у Смерти появится еще один крепкий сосуд.

– Начинаем! – властно бросил повелитель, обернувшись к толпящимся у двери подданным. – Погасите свет! Невесты могут подняться на пирамиду!

Свет в тронном зале тут же погас, а клубящаяся в углах тьма, как мне показалось, стала заметно гуще. Более того, она подобралась к пирамиде почти вплотную, окружив ее непроницаемой стеной и скрыв от моего взгляда тревожно перешептывающихся гостей. А затем начала стремительно, рывками подниматься к вершине, словно взбудораженное штормом море, решившее отправиться ко дну непокорный корабль.

От пробежавшего по спине холодка я непроизвольно поежилась, но метлу все же отставила в сторону и, пользуясь тем, что никто не видит,

пристроила боевую подругу аккурат между выростами белых кристаллов на подлокотнике трона. Туда, откуда ее в любой момент можно было достать. И где ее даже очень внимательный взгляд не смог бы сразу заметить.

Стоящий ко мне спиной и ничуть не обеспокоенный поведением тьмы Таалу тоже этого не увидел. Как и медленно взобравшиеся на пирамиду моранки, при виде которых я непроизвольно сжала челюсти.

Не знаю почему, но восхождение далось невестам нелегко. Судя по скорости, с которой они поднялись наверх, приказа девушки ждали у самого подножия пирамиды. И при отсутствии силы у владыки должны были подняться достаточно спокойно. Но я даже в темноте сумела увидеть их напряженные лица, нервно подрагивающие руки, широко раздувающиеся ноздри. И градом катящийся по вискам пот, от которого стремительно намокали распущенные волосы.

С трудом затащив себя на последнюю ступеньку, первая из невест чуть ли не со скрипом разогнулась и упрямо вскинула голову, заставив меня тяжело вздохнуть.

Змеюка... то есть леди Шиис де Сиин, конечно. Но это ж сколько надо иметь упрямства и как неистово желать выйти замуж, чтобы даже сейчас, качаясь от непонятной слабости, кривить губы в торжествующей улыбке и одновременно кидать на меня ненавидящие взгляды? Неужто быть владычицей для моранки настолько почетно? И неужто она готова рискнуть даже собственной жизнью, чтобы хоть несколько лет, но все же носить статус матери наследника престола? И обрести власть, которую при других условиях ей никогда не заполучить?

Две другие девушки выглядели еще более плачевно, чем леди Шиис. Они казались настолько измученными и с таким трудом держались на ногах, что я едва не кинулась навстречу. Мне вдруг подумалось, что еще немного, и моранки просто упадут! И это после того, как повелитель полностью отдал силу брату?!

– Подойдите, – сухо велел моран, окинув невест равнодушным взглядом. – Первая, сумевшая приблизиться к алтарю, будет допущена к ритуалу. Остальные две получают шанс, если первая не справится.

Меня от его тона передернуло, а вот змеюка, несмотря на слабость, упрямо выдвинула подбородок и, клонясь, словно от сильного ветра, медленно, но верно двинулась вперед. Две другие девушки попытались последовать за ней, но одна осела буквально через два шага, не справившись с совершенно непонятной нагрузкой. А вторая сделала лишь на шаг больше и обессиленно опустилась на пол, оставив победу более

целеустремленной подруге.

Стоило невестам упасть, как поднявшаяся до вершины пирамиды тьма мгновенно накрыла их плотным черным саваном. Я вздрогнула и все-таки ринулась на помощь, но владыка остановил меня властным жестом:

– Не надо. С леди ничего не случится. Как только обряд закончится, они придут в себя.

Кинув беспокойный взгляд на покрытые ожившей тьмой холмики, я неохотно кивнула и вернулась на место. А повелитель протянул руку и, сжав в ладони ощутимо подрагивающие пальцы леди Шиис, медленно и осторожно, словно опасаясь, что и последняя невеста некстати упадет, подвел ее к алтарю.

– Начинай, ведьма. Время не терпит.

Подавив раздражение, я наклонилась над столом, придвинула к себе обе чаши и, проворно раскупорив кувшин, наполнила их наполовину. Сваренный по всем правилам и получивший божественное благословение эликсир выглядел невероятно красиво – густой, насыщенно-янтарного цвета и тягучий, словно мед, он мгновенно напитал сухой воздух ярким цветочным ароматом. И заискрился тысячами золотистых искорок, несмотря на то, что света в зале не было и в помине.

– Протяните руки, – бесстрастно велела я, с раздражением отвернувшись от этого чуда. А когда мораны молча протянули ладони, по очереди проколола им пальцы, воспользовавшись ритуальными ножами.

Поймав капельку крови девушки, эликсир в одной из чаш мгновенно забурлил, едва не вскипел и приобрел кроваво-красный оттенок. Вторая чаша – та, в которую упала кровь повелителя, напротив, стремительно остыла, а зелье в ней лишь слегка порозовело. Но невеста совершенно не смутилась и, забрав из моих рук мгновенно похолодевшую емкость, без колебаний выпила ее содержимое.

Я покосилась на застывшую в уголке ее рта розовую капельку, которую, впрочем, девушка тут же слизнула, а затем протянула вторую чашу повелителю. И против воли вздрогнула, когда моих пальцев неожиданно коснулись, накрыв их почти целиком, его горячие ладони.

На долю секунды мы неловко застыли, глядя друг другу в глаза. Но потом я опомнилась и отвела взгляд, а Таалу неохотно разжал руки. После чего медленно отстранился, еще медленнее, словно сомневаясь или умышленно растягивая время, поднес чашу ко рту и коснулся губами тонкого ободка.

Леди Шиис следила за ним горящими от возбуждения глазами. Нравился ей Таалу или нет, но эликсир уже начал действовать, поэтому

сейчас она видела перед собой не сурового повелителя и не грозного владыку. Перед ней стоял невероятно привлекательный и самый желанный на свете мужчина. Мужчина, который в ближайшие сутки будет принадлежать ей целиком и полностью. Тот, чьи прикосновения сведут ее с ума, а поцелуи покажутся слаще меда. Тот, кому она скоро будет отдаваться со всей страстью и со всем безумием влюбленной женщины. И станет для него такой же желанной и незаменимой, каким он кажется ей сейчас.

Таалу оставалось сделать всего один глоток, чтобы завершить вторую часть свадебного обряда. Переждать каких-то несколько минут, пока эликсир не обретет над ним сокрушающую власть. Но моран почему-то не спешил. Прикрыв глаза, он все еще неоправданно медлил, словно прислушиваясь к себе и упорно не замечая, как кружащая над полом тьма поднялась сначала до щиколоток, затем до колен, до пояса... и вот-вот готовилась поглотить его целиком.

Я тревожно прижала руки к груди, одновременно желая и отчаянно противясь тому, что он должен был сделать. Мечтая, чтобы он выбросил эту проклятую чашу и нашел какой-то другой способ... другую возможность преодолеть нависший над его семьей рок. Выбрал супругу в любое другое время и разделил ложе с кем угодно, но не с честолюбивой, непорядочной, насквозь пропитанной ядом женщиной, готовой ради титула владычицы абсолютно на все.

Таалу вдруг втянул ноздрями идущий от эликсира запах и, неожиданно решившись, рывком вздернул чашу, готовясь выпить ее содержимое одним махом, как горькое, но необходимое лекарство.

И именно в этот момент я осознала, что потеряла его навсегда. Крепко зажмурилась, чтобы не видеть, что будет происходить с новобрачными дальше. Вцепилась руками в край жалобно скрипнувшего столика и... едва не упала, услышав откуда-то издали громкое и на редкость властное:

– Остановитесь!

Глава 18

Наверное, еще никогда в жизни я не испытывала такого безумного, воистину спасительного облегчения, как в этот безрадостный момент. Ошеломленно распахнув глаза, я вскинула голову и с нескрываемой радостью увидела, что Таалу отнял ото рта дурацкую чашу, после чего медленно повернулся, силясь понять, кто осмелился прервать ритуал на самом важном месте. А вместе с владыкой повернулась и резко изменившаяся в лице его почти уже супруга, из ослабевшей руки которой с оглушительным звоном упал опустевший кубок.

От раздавшегося звука я вздрогнула и перевела взгляд немного дальше. Туда, где в темноте внезапно появилась и начала стремительно разгораться подозрительно знакомая белая искорка. Похожая на маленькое солнце, она заставила сгустившуюся в зале тьму пугливо отхлынуть к стенам и убрать протянувшиеся к гостям черные щупальца.

На лице Таалу появилось непонимание, когда возле парадного входа, словно из-под слоя черной воды, медленно проступил человеческий силуэт. А когда стало понятно, что это не морок и не призрак, владыка моранов окончательно опустил чашу и потом только терпеливо следил, как ярко светящееся чудо приближается к пирамиде, и как перед ним почтительно расступаются многочисленные гости, одновременно опуская головы и прикрывая рукой слезящиеся глаза.

Когда до пирамиды осталась примерно половина расстояния, стало понятно, что светящийся, словно напоенный утренним солнцем силуэт, принадлежит женщине. Довольно рослой для человека, статной, с идеально прямой осанкой и гордо поднятой головой, обрамленной густыми выющимися ярко-рыжими волосами. Ее лица еще не было видно, зато сквозь полумрак отчетливо виднелся покачивающийся в левой руке длинный посох, наверху которого испускало то самое болезненно-яркое свечение. Свободно развевающиеся одежды госты казались ослепительно-белыми, но я-то знала, что настоятельница не любила яркие цвета. А если и надевала церемониальную тунику, то лишь по особым случаям. Таким, например, как официальный визит в непознанное, непонятное нам и смертельно опасное подземелье.

– Остановитесь, – властно повторила она, подняла голову и пристально на нас посмотрела. – Не оскорбляйте своего бога неправильно проведенным ритуалом и не гневите мать-богиню, используя ее дар не по

назначению.

– Верховная? – нахмурился Таалу, когда настоятельница без усилий поднялась на верхнюю ступень пирамиды и без всякого страха заглянула ему в глаза. При виде такой непочтительности моран сначала приподнял брови, а потом сообразил, кого именно она ему напоминает, и растерянно покосился за спину.

– Здравствуй, мама... – едва слышно пробормотала я, стараясь не встречаться с ним взглядом. Тогда как настоятельница... она же наставница и по совместительству самая уважаемая ведьма Белого храма... негромко стукнула по пирамиде посохом и, приглушив его нестерпимое сияние, недовольно раздула ноздри.

– Я не понимаю одного: вам что, жить надоело?!

Я отступила от стола на шаг и неловко кашлянула.

– Напротив, мы вроде как собрались спасти мир.

– Каким, интересно, образом? – скептически посмотрела на меня матушка. – Уничтожив одним махом сразу три жизни, а две другие души сделав несчастными до конца их дней? Думаешь, мать-богиня такое одобрит?!

Я непонимающе нахмурилась, а Таалу выступил вперед, закрывая собой и меня, и недоверчиво изучающую гостью невесту.

– Вы – госпожа Тейлара, верховная ведьма и настоятельница Белого храма?

Мама опасно сузила глаза. Насыщенно-зеленого цвета, удивительно яркие, они были по-настоящему притягательными, завораживающими. А уж когда в них полыхали отголоски божественной силы, глаза и вовсе превращались в два сверкающих изумрудных осколка.

– Ну, допустим, я. Слышала, у вас ко мне какое-то предложение?

– Было дело, – кивнул повелитель. – Но теперь оно может подождать.

Матушка неожиданно усмехнулась и опустила посох так, чтобы навершие было нацелено точно в грудь насторожившегося морана.

– Не думаю, что такие вещи как предсказания можно отложить или, наоборот, приблизить. Будущее весьма неопределенно, уважаемый, но лишь до тех пор, пока не наступает переломный момент, во время которого судьбы всех причастных зависят сугубо от их собственного выбора.

– Полагаете, этот момент уже наступил?

– Ну я же не зря пришла сюда именно сейчас!

Владыка Таалу покосился на молчаливую невесту, лица которой я, к сожалению, видеть не могла, и неопределенно повел плечом.

– Если это так, то я не откажусь от вашей помощи. Хотя, возможно,

уже слишком поздно.

– Никогда не поздно, пока не случилось самого страшного, – фыркнула мама, опуская посох еще ниже. – Вы, конечно, поторопились, но время еще есть.

– Для меня или для них? – быстро уточнил Таалу, жестом указав на меня и моранку.

– Для всех, – задумчиво обронила настоятельница Белого храма. Затем на мгновение оцепенела, прикрыв глаза и легонько коснувшись пола кончиком посоха. А потом пришла в себя, с удивлением огляделась и, наконец, медленно добавила: – Даже для меня, что вообще удивительно.

– О чем ты говоришь? – насторожилась я.

– О видениях, предсказаниях... и о том, что люди и нелюди из века в век совершают абсолютно одинаковые ошибки, и далеко не у всех хватает мужества их признать.

Я укоризненно покачала головой.

– Ты опять говоришь загадками!

– Что поделать? Ноша пророка тяжела, – усмехнулась матушка, снова вскидывая посох. – И я не для того несла ее на своих плечах столько лет, чтобы позволить тебе натворить столько глупостей. Когда ты была помладше, они еще казались простительными. Но не сейчас, Нора. Не сегодня, когда решается намного больше, чем просто твоя судьба.

У меня по спине снова пробежал холодок.

– Ты что-то увидела?

– Смерть... смерть идет за тобой по пятам, – эхом отозвалась наша единственная толковая предсказательница, почти слово в слово повторив то, что я некогда услышала от Маару. – Ваш оракул был прав, моран – сегодняшней день решает все. Но вы, вместо того чтобы прислушаться, предпочли дать волю сомнениям, ненависти, страхам... а теперь готовитесь уничтожить наше общее будущее, гневя богов и творя то, что ими строжайше запрещено.

– У нас нет выбора, – снова вмешалась я, выходя из-за стола и становясь рядом с Таалу. – Ты же знаешь, я бы не стала нарушать правила ради какого-то пустяка!

– Меня не интересуют детали, – покачала головой госпожа Тейлара. – Да это и не важно. Главное, что ты нарушила правила. И готовишься сделать это снова лишь потому, что веришь в собственную правоту.

Я поморщилась. Но что поделать – мама всегда изъяснялась несколько... двусмысленно. Понять ее было нелегко даже мне, а уж для остальных сестер и вовсе требовался специальный переводчик.

– Если бы наш оракул мог помочь, этого не понадобилось бы, – вступился за меня повелитель.

– Он не мог сообщить тебе имя истинной пары, – ласково улыбнулась матушка. – Не мог, потому что ее просто не существует. И никогда не существовало в природе.

– Что?! – От ее слов моран сильно вздрогнул, а у меня похолодело в груди.

Это что же получается, все было напрасно? Таалу напрасно ждал, надеялся, стольким пожертвовал и приложил так много усилий, чтобы встретиться с настоятельницей... и узнать, что у всего правящего рода больше нет будущего?! И у самого Таалу тоже нет будущего?!

– Да, – глухо подтвердила мои опасения госпожа Тейлара. – Здесь и повсюду вас ждет только смерть. Но я не хочу, чтобы она коснулась моих воспитанниц, поэтому и пришла сообщить об этом лично.

Я пошатнулась.

– Мать-богиня... как же так?!

– Значит, вот почему отец лишь посмеялся, когда мы спросили его о своих парах? – едва слышно прошептал пораженный до глубины души Таалу, и его лицо болезненно искривилось. – Выходит, он поэтому хотел нас убить?

– Он не пытался от вас избавиться, – покачала головой матушка. – Я почти не вижу прошлого, поэтому могу сказать, что он, как умел, пытался вас предостеречь. И направить на нужный путь, которого вы, к сожалению, до сих пор не увидели.

– Какой путь?! Куда? – не сдержалась я. – Мама, ну сколько можно говорить загадками?!

– До тех пор, пока вы наконец не поймете, – улыбнулась матушка. Но грустно. Очень и очень грустно, как если бы знала ответ, но подозревала, что мне это не понравится. – И не придете к нужным выводам самостоятельно.

– Значит, мне больше нет смысла откладывать, – глухо уронил повелитель, отступая в сторону и снова поднимая к губам чашу с кроваво-красным напитком. – И нет смысла тянуть. Раз уж все предопределено, то пусть все случится, как задумано.

У стоящей рядом с ним моранки торжествующе блеснули глаза, на ее лице проступило невыразимое облегчение. Я же окончательно помрачнела, а матушка тяжело вздохнула:

– Слепец... разве можно отложить то, чему не суждено будет сбыться? И разве можно так неистово стремиться к смерти, когда само твое

существование требует совсем иного?

– У меня нет выхода, я должен это сделать, – глухо повторил Таалу, а мама сокрушенно развела руками:

– Еще и глупец в придачу. Неужели ты готов связать свою жизнь с женщиной, решившей разделить с тобой постель лишь потому, что это даст ей какие-то привилегии? Той, которой не нужны ни ты сам, ни твои мечты, ни твои интересы. Посмотри на нее, моран. Посмотри внимательно и скажи – ты готов прожить с ней остаток своих дней? Готов доверить ей своих детей, свою собственную жизнь и судьбу своего единственного брата?

Таалу в затруднении обернулся и взглянул на леди Шиис долгим, оценивающим взглядом. На ее не лишенное привлекательности лицо, на котором внезапно проступило волнение, на возбужденно блестящие глаза, зовуще приоткрытые губы, тяжело вздымающуюся грудь...

– Ты согласен провести с ней вечность? – настойчиво спросила его госпожа Тейлара. – Один на один. Каждый бесконечно долгий день и такую же долгую ночь? Видеть по утрам ее лицо, прикасаться к ее телу, быть с ней в горе и радости, в болезни и здравии? И, лежа на смертном одре, до последнего мига держать ее за руку, совершенно точно зная, что в следующей жизни вы снова встретитесь. Просто потому, что иного не дано. Ты готов к этому?

Рука Таалу с чашей очень медленно опустилась.

– Нет.

– Тогда почему же ты собираешься сделать именно этот выбор, повелитель? – тихо поинтересовалась мама. – Для чего идти на такие жертвы?

Моран поднял на нее полные муки глаза.

– Потому что я не хочу убивать ту, ради которой согласился бы на все, что ты перечислила, и даже на большее. И потому что это – единственный способ сохранить ей жизнь.

Моей похолодевшей ладони незаметно коснулись его пальцы и тихонько погладили. Легко, словно дуновение теплого ветерка. Нежно, словно на прощанье. И я, на мгновение замерев, вдруг ухватилась за них, как утопающий хватается за соломинку. Порывисто. В дикой, почти невозможной надежде и со страстным желанием никогда, ни при каких обстоятельствах больше не отпускать владыку. Потому что это был только мой мужчина. Самый лучший, желанный, дорогой. Мужчина, который уже во второй раз не побоялся сказать, что я ему небезразлична. И рядом с которым вся моя выдержка, вся прежняя, столь тщательно возвращавшаяся

стойкость, в долю секунды улетела в тартарары.

Таалу... Он был здесь, со мной, сейчас. Стоял и просто держал меня за руку, хотя все обстоятельства кричали, что нам не суждено соединить судьбы. Он знал об этом лучше кого бы то ни было, но все равно молча говорил: я здесь, я всегда с тобой. А в ближайшее время собирался сделать самый трудный в своей жизни выбор, до последнего надеясь, что этим сможет уберечь меня от себя.

Резким движением вскинув голову и увидев его необычайно теплый взгляд, я слабо, неуверенно ему улыбнулась. На миг нерешительно замерла и, отчаянно боясь поверить, все же потянулась навстречу. Переплела его пальцы со своими, крепко, до боли, сжала. А услышав звон выпавшего из его руки кубка и звук выплеснувшегося на пол бесценного зелья, наконец сдалась. Открылась. Рискнула довериться. С тихим стоном прильнула, обняв его сразу двумя руками. И до слез зажмурилась, ощущая, как он так же крепко обнял меня в ответ. А потом тихо, на грани слышимости, почти беззвучно выдохнул мне в макушку:

– Люблю!

Трудно сказать, сколько мы так стояли, прижавшись друг к другу и отгородившись от всего остального мира. Мне показалось, что целую вечность. А на деле, наверное, несколько секунд. Но ради этих секунд я отдала бы все, что имела: титул, должность, знания, жизнь... потому что не было ничего, дороже этих волшебных мгновений близости. Ничего, важнее объятий склонившегося надо мной мужчины. Никакого прошлого. Никакого будущего. Лишь этот день. Этот миг. Одно-единственное мгновение, которое действительно изменило все. И ответное признание, услышав которое, чуткий моран сначала неверяще замер, а затем обнял меня еще крепче, чтобы уже никогда больше не отпускать.

– Нет! – грубо разрушил эту идиллию хрипловатый женский выкрик, заставив меня дрогнуть и испытать прилив непонятной тревоги. – Нет! Он предназначен для меня! Ты не имеешь права!

Встревожившись еще больше, я попыталась выглянуть из-за плеча Таалу, но моран не позволил – закрыв меня собой, он ласково коснулся губами моего лба и успокаивающе сжал мою руку. Словно говоря: не волнуйся, тебя это больше не касается.

– Успокойся, девочка, – насмешливо отозвалась госпожа Тейлара. – Как прорицатель со стажем, могу заверить, что ни для одного из смертных не существует ни предопределенности, ни предназначения, в которые вы так любите верить. Все, что видят оракулы, это лишь осколки будущего, и прореченное может никогда не случиться. А все, что нам дано – просто

сделать выбор, который и определит нашу дальнейшую судьбу.

– Ты лжешь! – взвыла на одной высокой ноте моранка, все-таки заставив меня оторваться от Таалу. – Лжешь! Лжешь! Лжешь, старая ведьма!

Вот уж когда меня по-настоящему зацепило: моя мать была какой угодно, только не старой. Богиня милостива к своим жрицам, так что госпоже Тейларе и сейчас нельзя было дать больше тридцати пяти.

Впрочем, настоятельница ничуть не тронули эти истеричные вопли – на нелепые обвинения она только рассмеялась:

– Бедная девочка, ты даже не в силах оценить услугу, которую я тебе оказала. Не далее как через два года тебя ждет смерть в супружестве. Как и твоего первенца, а за ним – и второго ребенка. Тебе не дано стать супругой владыки. Смирись.

– Нет! – зло прошипела леди Шиис, безжалостно сдирая с головы свадебный намет, а затем разрывая его в клочья. Да с такой яростью, что я невольно ее пожалела. Если бы не зелье, которое, кстати, я ей недавно дала, она бы не реагировала столь бурно. Ну, позлилась бы. Погоревала, конечно. Быть может, прокляла меня в надежде, что хотя бы одно из «пожеланий» однажды сбудется. И на этом, пожалуй, все.

Однако сейчас в ее крови бурлила адская смесь из вошедшего в силу любовного зелья и подогреваемой им ненависти. На ее глазах какая-то ведьма смела обнимать ЕЕ мужчину! Того, который именно сегодня, сейчас, виделся ей совершенным, предназначенным лишь для нее одной. Того, на кого она как прошедшая все испытания невеста имела полное право. Но кто посмел от нее отказаться ради того, чтобы хотя бы на час стать ближе к проклятой чужачке? И этим причинил такую боль, что ее сложно переоценить.

– Ненавижу-у! – хрипло прошептала отвергнутая невеста, окидывая полубезумным взглядом погруженный в полутьму зал. – Всех вас теперь ненавижу!

А потом мстительно улыбнулась и, посмотрев куда-то в сторону, так же хрипло каркнула:

– Умрите!

К несчастью, Таалу стоял спиной к трону, поэтому не мог видеть, как в полуоткрытом проеме, через который я недавно пришла, что-то тускло блеснуло. А у меня не осталось ни времени его предупредить, ни возможности что-либо исправить.

Все, что я смогла, это вывернуться из объятий стремительно повернувшегося морана и с силой оттолкнуть его в сторону, чтобы

сорвавшийся со стальной тетивы арбалетный болт не пробил не защищенное доспехами тело. После чего рвануться в сторону и вздрогнуть от боли, когда что-то с силой ударило меня в плечо, отшвырнув прямо на окрасившийся алыми брызгами трон, рядом с которым терпеливо ждала моего приказа молчаливая, до сих пор никем не замеченная метла.

От удара у меня перехватило дыхание, в ушах загудело, поэтому я не услышала поднявшегося в зале крика. Если честно, я в тот момент вообще об этом не думала – это стало просто не важно. Все, что меня тогда интересовало – требовательно ткнувшаяся в руку, отполированная до блеска рукоять. И хлынувшее от нее ощущение небывалой силы, позволившее мне не рухнуть без памяти, а вполне уверенно подняться на ноги и, взвесив метлу на ладони, с силой швырнуть ее в стрелявшего на манер самого обычного копья.

Видел ли кто, что прямо в полете моя невзрачная метелка ощутимо вытянулась и истончилась, сбрасывая ненужные прутики, я не знаю. Как не знаю, понял ли кто-то из присутствующих, отчего деревянная рукоять внезапно приобрела подозрительный металлический блеск. Но вот то, что она с легкостью пробила толстенную каменную перегородку, не заметить было сложно. Как и свесившегося с той стороны, прищипленного к стене, словно бабочка, стрелка, которого расшвирипевшая По нанизала на выскочившее из рукояти острие без всякой жалости.

Всего миг она дрожала в стене, издавая неприятное гудение и разбрызгивая по сторонам злые искры. После чего, не дожидаясь приказа, самостоятельно высвободилась и, скрежетнув напоследок по камню серпообразным острием, быстрее молнии нырнула обратно в мою ладонь.

На краткий миг нас охватило мягкое золотистое сияние, в происхождении которого даже мораны не сумели бы усомниться. Я поморщилась, привычно направляя поток силы в раненую руку, и молча порадовалась, что болт прошел навывлет, не повредив кость. А как только рана закрылась, оставив на моей коже розовый шрам, По без предупреждения извернулась и с гневным звоном отшвырнула в сторону еще один болт – на этот раз летевший в спину. А затем и еще парочку, не дав им так некстати раскрыть мою рыжую и местами бестолковую голову.

– Нора, пригнись! – рявкнул откуда-то сбоку Таалу и сбил меня с ног, заставив рухнуть плашмя на пол.

– Она уже большая девочка и знает, как себя вести во время боя, – ответил с другой стороны спокойный мамин голос, и над моей головой снова что-то яростно вжикнуло, но тут же отскочило, отброшенное ее посохом. – Милая, ты в порядке?

– Нора! – обеспокоенно повторил накрывший меня своим телом Таалу.

– Конечно, – буркнула я и, оперевшись на По, приподнялась. Рука еще не обрела прежней силы, но боль ушла, так что моран зря беспокоился – помехой в бою я не стану. – Как я могу быть не в порядке, когда у меня такие резервы? Кто-нибудь в курсе, что тут вообще происходит? Или только у меня создалось впечатление, что в подземном мире назрел первый в истории дворцовый переворот?

– Вообще-то не первый, – облегченно выдохнул Таалу, поднимаясь и подавая мне руку. – Хотя на попытку переворота это пока не тянет. Просто, видимо, группа идиотов решила, что смена династии что-то изменит.

– Ну почему же сразу «идиотов»? – скривилась я, силясь избавиться от мерзкого ощущения, что это еще не конец. И что нам пока рано расслабляться, потому что упавший на наши головы камешек – это лишь начало. И где-то там, в необозримой дали, начинается разбег самая настоящая лавина, способная погрести под собой не только нас, но и весь мир.

– Потому что их уже добивают. А если на их стороне и был элемент неожиданности, то преимущество уже утрачено. Потому что у меня поблизости всегда дежурят два-три десятка стражников, которым дан четкий приказ – пленных не брать.

Я недоверчиво хмыкнула и, выступив из-за надежной спины морана, настороженно покосилась по сторонам. Но опасности действительно больше не было. Вывалившийся из-за потайной двери стрелок, изуродовавший мне руку, лежал лицом вниз в луже собственной крови и не подавал признаков жизни. Оглушенная... видимо, мамуля постаралась... леди Шиис затихла у алтаря. Ее находящиеся в глубоком обмороке подруги до сих пор не очнулись, и это, наверное, к лучшему. Моран и мама, кажется, не пострадали. А вот внизу, у подножия пирамиды, творилось что-то непонятное.

Усилием воли погасив грызущую душу ничем не объяснимую, но упорно растущую тревогу, я подошла к краю пирамиды и быстро глянула вниз.

Ну, так и есть. Четыре трупа, море крови, куча вооруженных до зубов моранов, старательно оттесняющих всполошившихся гостей к выходу, и ни демона не понятно, что здесь, собственно, сейчас произошло.

– Такое бывает, не удивляйся, – тихо сказал подошедший сзади повелитель, осторожно обняв меня за здоровое плечо. – Редко, конечно, но все-таки бывает. Сегодня, видимо, особенно удачный день, потому что я, как никогда, слаб, да еще по традиции без доспехов.

– Скверная традиция, – проворчала я, все еще нервно сжимая рукоять

метлы и раз за разом обшаривая взглядом взволнованно гудящий зал. – Надо бы ее поменять.

Таалу улыбнулся в ответ, но как-то неестественно, если не сказать – вымученно.

– Конечно, поменяем. Когда-нибудь. – Он неловким жестом пригладил упавшую на лицо челку и снова взял меня за руку. – Понимаю, что сейчас, наверное, неподходящее время, но я не решился сказать тебе об этом в прошлый раз и боюсь, что могу не успеть в этот. Нора... раз уж все так сложилось, и мне не стоит ждать истинной пары... раз леди Шиис, так сказать, не прошла последнее испытание, то я должен у тебя спросить...

Всякие посторонние мысли мигом выдуло у меня из головы.

Мать-богиня! Только не сейчас!

– Нора, – голос Таалу опустился до напряженного шепота, – скажи, ты хотела бы разделить со мной вечность?

Я с тревогой заглянула в глаза морана и неожиданно поняла, что уже давно знаю ответ на этот вопрос. Быть может, мой выбор покажется кому-то неправильным, недалёковидным и просто глупым, но я больше не желала все делать по правилам и совершать исключительно разумные поступки. Я отчаянно хотела жить по-настоящему. Любить до безумия. Отдавать любимому мужчине всю себя и полностью принимать его. Я мечтала прожить отведенное нам время так, словно оно никогда не закончится. И делать то, что хочется, а не то, что надо, не сковывая себя никакими условностями или рамками.

Только он и я. Лишь волшебное и неповторимое «вместе». Пожалуй, ради такого стоило отказаться даже от долголетия и даруемых матерью-богиней привилегий. Да что там! Я была готова рискнуть абсолютно всем ради одного-единственного дня с мужчиной, которого так долго искала! Точно так же, как собирался рискнуть он, хорошо понимая, что только этот единственный, но прекрасный день нам суждено провести вместе.

– Да, – без колебаний ответила я и снова улыбнулась. – Даже замуж за тебя пойду, хотя вечность вдвоем – это намного лучше.

Моран на секунду прикрыл веки и с невыразимым облегчением выдохнул.

Но стоило ему поклониться, как меня словно обожгло дурным предчувствием. Чувство опасности взвыло сиреной, перед мысленным взором замелькали уже знакомые, ужасающе реальные картины, но понять, откуда исходит угроза и как ее предотвратить, я не успела.

Таалу вздрогнул всем телом, словно его ударили в спину, и выгнулся от боли, издав болезненный полустон-полурыв. Его голова запрокинулась,

глаза широко распахнулись. Застывшее лицо помертвело. А из распахнутого рта неестественно медленно поползла вниз тоненькая алая струйка.

Всего мгновение он стоял, покачиваясь на широко расставленных ногах и силясь что-то сказать. После чего как-то разом осел и медленно опустился на колени. Под раздавшийся где-то неподалеку хриплый, похожий на воронье карканье хохот и торжествующий, полубезумный выкрик:

– Он мой! И всегда будет только моим!

Глава 19

Это было словно в дурном сне... в том самом проклятом кошмаре, который в последнее время упорно преследовал меня по ночам. Запрокинутая голова, посеревшая, истончившаяся кожа и стремительно угасающий, пробирающий до самой души взгляд, в котором горечь переплелась с обреченным пониманием и стремительно зарождающимся ужасом.

– Уходи! – прошептал повелитель моранов, глядя на меня широко раскрытыми глазами. – Уходи, Нора! Больше мне не сдержать Смерть! Скоро ее здесь станет слишком много!

– Таалу! – крикнула я, падая вместе с ним на колени, и чуть не взвыла, когда обхватила его одной рукой за спину и нащупала торчащую под левой лопаткой рукоять ножа. Того самого, ритуального, который обезумевшая от ярости леди Шиис всадила в него до упора.

– Он мо-о-о-ой! – хрипло выкрикнула эта дрянь, когда в груди повелителя что-то нехорошо заклокотало, а стекающей по подбородку крови стало еще больше. После чего девица снова оглушительно расхохоталась. Каким-то исступленным, нечеловеческим, каркающим смехом, который никак не мог принадлежать разумному существу.

Не обращая на нее внимания, я торопливо приложила ладонь к груди морана, направив в него всю благодать, которой владела, а второй ухватила за рукоять ножа, планируя вытащить его, как только станет ясно, что рана готова закрыться. Одновременно с этим истоиво взмолилась богине, надеясь, что она не откажет в помощи.

Однако время шло, кровь все текла и текла, а впавший в беспамятство повелитель выглядел едва ли не более скверно, чем минуту назад.

– Наш свет на него не действует! – в ужасе прошептала я, поняв, что моя благодать соскальзывает с владыки, как вода с прибрежного валуна. – Что мне делать?! Пожалуйста, мама, помоги!

– Боюсь, это не в моих силах, – глухо отозвалась госпожа Тейлара. – Не забывай: я сложила свои полномочия несколько лет назад. А смертельная рана – это удел сильнейшей.

Я стиснула зубы, надеясь, что у нас еще есть какой-нибудь выход, но через пару минут была вынуждена признать: исходящий от меня свет не мог помочь умирающему владыке – мы были слишком разными. Имели различных покровителей. Владели противоположной по знаку силой, из-за

чего даже сейчас, когда Таалу стал слаб, мой свет не приносил ему ни вреда, ни пользы.

Повелитель однажды сказал, что моя магия на него не действует. Но я тогда решила, что это касается лишь боевых заклинаний. А получается, что мой свет и в целительстве для него бесполезен? Точно так же, как на меня не подействовала его тьма?

Безумный смех леди Шиис взвился под самый потолок, заставив меня поднять голову и невидящим взором уставиться на размеренно раскачивающийся на краю пирамиды силуэт в развевающихся белых одеждах. Какое-то время я еще смотрела на искажившееся лицо убийцы, на ее распахнутые, неестественно блестящие глаза, болезненно искривившийся рот, скрюченные пальцы, которыми она держала второй ритуальный нож... и даже не вздрогнула, когда полоумная моранка с пронзительным воплем прыгнула с места, целясь этим ножом мне в горло, а загородившая ей дорогу настоятельница сокрушенно покачала головой и коротко взмахнула боевым посохом.

Несостоявшуюся супругу повелителя сбило с ног и как пушинку сбросило с огромной пирамиды. Но я не стала смотреть на ее бесславную кончину. И даже не вздрогнула, когда через пару томительно долгих секунд внизу раздался отвратительный мокрый шлепок.

Обняв хрипло дышащего Таалу за плечи, я бережно уложила его на каменный пол – так, чтобы не сдвинуть лезвие ножа в ране, и, ласково погладив по щеке, прошептала:

– Я спасу тебя, Таалу. Только не мешай, ладно?

А потом протянула в сторону руку и чуть громче добавила:

– По, давай попробуем вместе.

– Не смей использовать чистое благословение, – предупредила мама, по-прежнему держась поодаль. – Для морана оно будет сродни боевому заклятию. Не забывай – он все-таки смертен, а значит, как минимум одна слабость у него есть.

Я прикусила губу.

Так вот в чем дело! Получается, я уязвима для его прикосновений, а он – для полноценного благословения?

– Тогда как ему помочь, мама?!

– Уже никак, – с тоской прошептала госпожа Тейлара.

– Но я должна сделать хоть что-то!

– Оглянись, милая... Неужели ты не видишь? Уже слишком поздно! Смерть идет за нами!

Легонько сжав безвольную руку Таалу, я подняла голову и тревожно

огляделась.

Тронный зал быстро пустел. Оцепившие пирамиду стражники медленно и уверенно оттесняли последних гостей к выходу, оставив на полу лишь четыре распростертых тела, вокруг которых расплывалась большая лужа крови.

Кем они были? Для чего решили поучаствовать в заговоре? Это стало уже неважным. Главное, что после смерти их души благополучно отправились в обитель бога-отца. Тогда как сила... их смертельно опасная, неуправляемая, высвобожденная раньше времени сила так и осталась висеть над трупами в виде четырех плотных сгустков, к которым из углов уже потянулись первые щупальца востребованной тьмы.

Раалу как-то сказал, что Смерть похожа на море. И, глядя сейчас на то, что происходило внизу, я вдруг подумала, что, когда мораны умирают, их сила, как и в случае отлучения, тоже стремится вернуться к источнику. Всего несколько минут назад таким источником был брат повелителя. А сейчас, словно откликаясь на призыв внезапно получивших свободу душ, энергия Смерти неумолимо возвращалась, стекалась к пирамиде со всех сторон. Сначала тоненькими, едва заметными ручейками, затем целыми реками, а потом и могучими волнами, от которых не было спасения никому.

«Значит, Раалу не справился, – отстраненно подумала я, глядя, как стремительно заполняется этой черной хмарью зал. – Когда высвободилась сила убитых, ее оказалось слишком много для него одного. Вероятно, его сосуд просто переполнился. Возможно, разрушился. А значит, очень скоро Смерть придет за Таалу и окончательно его уничтожит. А вместе с ним – и всех нас».

Я на мгновение прикрыла глаза, чтобы не видеть, как быстро расходятся по залу тяжелые волны, как нарастает паника в рядах моранов, которые не успели выбраться. Стража вела себя спокойнее, но и дураку было ясно, что все уйти не успеют. А если и успеют, то Смерть настигнет их чуть позже, в коридорах... если только мы не сможем ее остановить.

– Помоги им, – помертвевшим голосом попросила я, подняв взгляд на побледневшую маму. – Помоги моранам уйти. Запри двери. Не дай Смерти вырваться на свободу.

– Я попробую, – кивнула она, поднимая посох. Но, прежде чем сбежать по ступенькам вниз, одарила меня долгим внимательным взглядом. – Будь осторожна, девочка моя. И помни: идеальных пар не бывает, поэтому, как только моран вернет хотя бы часть своей силы, его касание снова станет для тебя смертельным.

Я только криво улыбнулась. А когда мама ушла, в последний раз

погладила холодную щеку Таалу и, покрепче сжав метлу, решительно поднялась на ноги.

Ситуация внизу оказалась еще печальнее, чем мне показалось поначалу – между настоятельницей Белого храма и парадными дверьми уже колыхался целый океан Смерти, плотным кольцом окружая мелко подрагивающую пирамиду.

Самостоятельно маме было не добраться до выхода: ее силы для этого оказались явно недостаточно. Но секрет Белого храма в том и состоял, что сильнейшей и мудрейшей ведьмой далеко не всегда являлась одна и та же женщина. И если в мирное время было достаточно опыта мудрой настоятельницы, то в тяжелые времена, когда знания почти ничего не решали, на первый план неизменно выходила сила верховной ведьмы. Та самая сила, которую мама так смело когда-то мне передала.

Проблема в том, что истинная сила матери-богини не предназначена для слабого человеческого тела. Ее свет настолько силен, что вместо благословения может принести мучительную смерть. Именно поэтому в самой верховной ведьме божественного света сравнительно немного. Потому же она до поры до времени ничем не отличается от сестер, и ее почти невозможно узнать, чем, собственно, храм и пользуется. Единственное ее отличие – это наличие внешнего источника и умение на некоторое время полностью забирать силу на себя.

Когда перед госпожой Тейларой пролегла узенькая дорожка из света, ведущая сквозь недовольно отхлынувшую тьму к выходу, мама, не оборачиваясь, лихо мне отсалютовала. А как только она добралась до моранов и, вытолкав всех за дверь, накрыла ее своим щитом, я подняла По так, чтобы испускающая свет макушка, ставшая наконец-то похожей на нормальное навершие посоха, была направлена в потолок. И, мысленно помолившись богине, выпустила ее силу на свободу.

Пирамида тут же осветилась от вершины до самого подножия. Покрывавший ее черный налет мгновенно исчез, позволив во всей красе увидеть белоснежный трон, распластанное возле стены тело предателя, двух укутанных вуалью сна девушек-невест, опрокинутый столик, раскатившиеся чаши, брошенный рядом ритуальный нож и показавшиеся чересчур яркими капли крови на подлокотниках.

Тревожно глянув на ноги, вокруг которых уже натекла багровая лужа, я сделала свет еще ярче – чтобы осветить весь громадный зал до последнего уголка, и с тревогой всмотрелась в темноту.

Ну, где же ты, Смерть? Почему не идешь, когда я так дерзко хозяйничаю в твоих владениях?

Сгустившаяся в углах тьма неожиданно стала еще плотнее и гуще. Мой свет сделался чуть приглушеннее, когда Смерть откликнулась на призыв и холодной волной подкатилась ближе. Затем, наконец, внутри нее шевельнулось что-то огромное, и я, ощутив на себе уже знакомый внимательный, пронизывающий до костей взгляд, с облегчением опустила посох.

– Здравствуй.

Свет в зале тут же померк, но остался вокруг меня и тяжело дышащего Таалу. Тьма, напротив, подступила еще ближе. Попыталась было коснуться умирающего морана, но наткнулась на мой круг света, тут же отдернула щупальце и недовольно зашипела.

– *Он мой*, – раздалось едва слышное откуда-то из глубины накрывшего нас темного облака.

Я примирительно подняла руки.

– Я не собираюсь у тебя его отбирать. Лишь хочу попросить немного времени.

– *Зачем?* – с подозрением уточнила Смерть.

– Таалу умирает. Если ты коснешься его до того, как я залечу рану, то потеряешь сосуд.

– *Все вы смертны, и на смену одному обязательно приходит кто-то другой*, – чуть мягче шепнула тьма. Где-то совсем близко, на расстоянии буквально пары шагов, и от ее голоса у меня снова прошел мороз по спине.

– Боюсь, сейчас тебе некем будет его заменить. Раалу наверняка мертв или находится при смерти. Детей у них нет. Братьев тоже... кому ты доверишься, если погибнет последний моран из правящего рода?

Смерть подступила почти вплотную, но на этот раз я ее не боялась. В том числе и потому, что прекрасно помнила, как именно она отнеслась ко мне в прошлый раз. Не зло, хотя мы с ней и были давними соперницами. Без насмешки, хотя обе прекрасно понимали, что мой свет, будучи примерно равным ей по силе, находится в смертном теле, тогда как ее власть над мертвыми всеобъемлюща. И она не зависит от таких мелочей как голод, холод или самый обычный страх.

У Смерти нет возраста. У нее нет слабостей. Она никогда не заболит и не состарится, в отличие от нас. Как бы мы ни пытались ее избежать, предупредить или обмануть, она всегда является в назначенный день и час. И всегда исполняет свои обещания, о чем мы, жрицы, знаем лучше кого бы то ни было.

Именно по этой причине я не собиралась с ней сегодня сражаться. И поэтому же вместо того, чтобы попытаться ее отогнать, еще больше

приглушила исходящий от метлы свет и позволила Смерти легонько, на пробу, коснуться тяжело дышащего морана.

От ее невесомого поцелуя Таалу вздрогнул и распахнул глаза. При виде заполонившей все доступное пространство тьмы он глухо застонал, не хуже нас понимая, что происходит. Но потом увидел меня, и его лицо мучительно искривилось.

– Нора, я же сказал: уходи! Ты не должна ко мне прикасаться! Пожалуйста, Нора...

Я со вздохом опустилась перед ним на колени.

– Прости. Но я обязана попытаться залечить твою рану до того, как силы вернуться к тебе полностью.

– Нет! – рыкнул моран, попытавшись от меня отодвинуться, однако лишь обессиленно упал, поскользнувшись в собственной крови и издав еще один глухой стон. – Не смей!

– Ты умрешь, – бесстрастно подтвердила его опасения Смерть, когда я снова протянула руку и коснулась ножа.

– Все умрут, – спокойно откликнулась я, обвивая пальцами рифленую рукоять. – Кто-то раньше, кто-то позже... ну а я вот решила сейчас.

– Почему? – так же бесстрастно осведомилась Смерть, подступая еще на шаг и все настойчивее лаская кожу хрипло стонущего морана. Таалу был смертельно бледен, его пальцы бессильно скребли камни, но ни уползти, ни подняться, ни просто оттолкнуть меня он не мог. – *Зачем ты это делаешь?*

Я твердо посмотрела в колышущуюся возле моего лица тьму.

– Затем, что, если умрет он, мне тоже станет незачем жить.

– *А если умрешь ты?*

– Я ждала его всю жизнь. И буду ждать, сколько потребуется, только теперь – рядом с тобой. Надеюсь, он меня за это простит.

Таалу тихо выдохнул и подозрительно затих, а Смерть ненадолго задумалась.

Ее мягкие волны раз за разом накатывались на неподвижно лежащего морана, частично впитываясь в его кожу, но тут же просачиваясь обратно. Через рану. Через неподвижно застывшие ноздри и медленно сочащуюся кровь. Даже из-под плотно сомкнутых век струился легкий дымок и все больше и больше окутывал его тело. Меня, правда, Смерть пока не касалась, словно еще не решила, стоит ли забирать белую ведьму вместе с ним. Но я знала – если она пожелает, то всех моих сил не хватит, чтобы ей противостоять.

– *Тебе придется завершить ритуал,* – наконец изрекла Смерть,

неохотно отступив от Таалу. – *Чтобы служить дальше, он должен жить. Чтобы он выжил, понадобится твой эликсир. А чтобы ты смогла к нему прикоснуться, нужно завершить обряд.*

Я с облегчением перевела дух: всего-то? Да я что угодно сделаю, чтобы спасти Таалу!

Смерть издала странный смешок, а через мгновение в воздухе передо мной зависли две абсолютно чистые ритуальные чаши и наполовину опустевший кувшин, внутри которого плескалось драгоценное зелье.

У меня что-то екнуло в груди.

Вот, значит, о чем говорил Маару? Смерть действительно пришла и за его сыновьями, и за мной. И она действительно поставила меня перед выбором. Ведь если я сейчас откажусь, то повелитель неминуемо умрет. Если рискну завершить ритуал, то спасу ему жизнь, но обреку на ту же участь, которая некогда постигла его отца. Тот же рок. Та же безысходность. Те же муки...

Впрочем, нет.

Ни за что.

Никогда я не заставлю Таалу делать этот страшный выбор. В конце концов, помимо меня, в Белом храме имеется немало опытных жриц, а передача силы – дело несложное. Да, это будет своего рода предательством. Да, храм не отпустит меня так просто. Но если уж меня вырастили с мыслью, что любая жрица, тем более верховная, должна уметь жертвовать, то я предпочту пожертвовать собой, но не Таалу. Рискну испытать на прочность свои чувства, а не его. Останусь с ним, здесь, во тьме, навсегда позабыв о том, что была рождена для света. А если мать-богиня посчитает меня недостойной своего дара... что ж, без благодати я действительно долго не протяну. Но даже умирая, буду считать себя счастливой. Потому что отдала всю себя во имя того, во что верила. Ради любви. Ради новой жизни. Ради мужчины, который заставил меня понять нечто очень важное. И доказал, что любить можно и нужно вопреки всему: жизни, смерти, долгу и даже воле богов.

Я не предаю Таалу. Никогда. И соглашусь на любую участь, лишь бы уберечь его от боли. И готова рука об руку пройти с ним по одной дороге до самого конца, деля все трудности на двоих.

– *Ты уверена, что все делаешь правильно?* – с новым смешком осведомилась из-за моей спины Смерть, когда я взяла только одну чашу и вылила туда весь оставшийся эликсир.

Я решительно выдернула из тела морана нож, быстро капнула в зелье несколько капель его крови, после чего бестрепетно резанула себя по

ладони.

– Если уж верить – то без оглядки, если пить – то из одного кубка, – спокойно отозвалась я, бестрепетно смешивая нашу кровь. – Делить горе и радости, счастье и боль. Я всегда верила, что если жить – то только вместе, а если умирать, то лишь за другого. Для того, чтобы в новой жизни заново найти друг друга и больше никогда не расставаться.

Эликсир в чаше приобрел насыщенно-красный оттенок, но почти сразу снова стал янтарно-желтым. И не изменил своего цвета ни тогда, когда я отпила свои символические три глотка, ни тогда, когда все остальное, перевернув на спину и приподняв голову беспамятного морана, осторожно влила в его приоткрытые губы.

Убедившись, что Таалу проглотил зелье, я мягко его поцеловала и, прижавшись к его лицу щекой, снова призвала благодать. Вычерпывала себя досуха, отдавая ему даже то, что хранила По. Все отдавала, до последней капли. И напряженно размышляла, где смогу взять еще, если моего собственного дара вдруг окажется недостаточно.

– *Это был правильный выбор*, – неожиданно шепнула Смерть, обдув мою макушку холодным ветерком. – *Опасный для человека, но единственно верный путь. Ты молодец, дитя. Не бойся. Больше я тебя не потревожу.*

Я недоверчиво вскинула голову, но тьма вокруг так же внезапно поредела и начала стремительно рассеиваться, открывая моему взору опустевший зал, выщербленные, словно погрызенные паразитами, стены. Усеянный пеплом пол, на котором выделялись четыре горстки серого праха. И бесшумно хлынувшие к пирамиде черные волны, которые больше не представляли для меня опасности.

Прямо у меня на глазах сконцентрировавшаяся в тугой жгут энергия поднялась с пола гигантским смерчем и с огромной скоростью втянулась в тело Таалу. А то, что осталось, беззвучно расползлось по углам и плавно стекло под «кружевной» пол, где и затаилось до поры до времени.

Увидев устало прислонившуюся к покорженным, внезапно почти истлевшим дверям маму, я слабо улыбнулась и махнула рукой, показывая, что все в порядке. А затем осторожно оглядела спину Таалу и улыбнулась снова – от раны не осталось и следа. Да и Смерть наружу уже не сочилась, потому что ее драгоценный сосуд снова стал целым и невредимым.

Какое-то время я честно ждала, что близость носителя энергии Смерти, к которому вернулась сила, скажется на мне неблагоприятно. Что я снова начну слабеть, стареть, а то и рассыплюсь прямо тут, оставив после себя горстку праха, как те четыре предателя внизу.

Но время шло, я по-прежнему спокойно держала Таалу за руку и не

испытывала при этом неприятных ощущений. Как если бы его сила перестала на меня действовать, а таящаяся в нем Смерть приняла меня как свою.

Выходит, обряд все же имел над нами какую-то силу? И, завершив ритуал, я стала устойчива к энергии повелителя? По крайней мере, на время. Но почему же тогда Таалу до последнего в это не верил? И почему, даже открывшись мне, так отчаянно противился очевидному, казалось бы, решению?

Только ли потому, что понимал, что надолго я с ним не останусь? А если останусь, то это причинит боль нам обоим. Мне – потому что без света я вряд ли долго проживу. Таалу – потому что, как и отцу, ему придется следить за тем, как я угасаю, и каждый день мучиться, понимая, что он не в силах что-либо изменить.

Хотя, может, Таалу просто опасался, что снова меня поранит, и лишь поэтому не захотел рисковать?

Я с нежностью провела кончиками пальцев по щеке морана и улыбнулась.

Ничего. Я верю, что вдвоем мы все преодолеем и со всем сумеем справиться. Сколько нам суждено прожить вместе – уже не важно. Главное, что это будет наше время. Наши дети. Наше будущее. И я намеревалась сделать счастливым каждый грядущий день, потому что ничего важнее этого у меня никогда не было и не будет.

Внезапно раздавшийся грохот заставил меня оторваться от Таалу и с беспокойством посмотреть в сторону распахнувшихся дверей.

Так. Что там еще случилось? Какой наглец смеет врывать в тронный зал без предупреждения?

– Брат! – выдохнул ввалившийся внутрь растрепанный, бледный до синевы Раалу и обвел полубезумным взглядом пустой зал. – Таалу! Где он?! Что с ним?! Нора, ты еще здесь?!

– Куда ж я денусь, – с невыразимым облегчением откликнулась я, для верности помахав рукой во второй раз. – Таалу жив. С ним все в порядке. А вот тебя, если честно, я совсем не ожидала увидеть.

Раалу, мельком покосившись на устало опершуюся на посох настоятельницу, почти бегом кинулся в нашу сторону. Да с такой скоростью, что я только брови удивленно вскинула, когда этот торопыга рысью пересек громадный зал и ласточкой взлетел на пирамиду.

– Ты уверена, что с ним все нормально? – с подозрением осведомился он, увидев лежащего у меня на коленях брата.

– Просто исцеление отнимает много сил. Не волнуйся, он скоро придет

в себя. А ты почему такой потрепанный?

– Меня пытались убить, – хмуро пояснил Раалу, когда я выразительно оглядела его помятые доспехи, всклокоченную шевелюру и пламенеющую на щеке длинную царапину. – Риату нас предал. Время он выбрал более чем удачное, а я, к сожалению, оказался к этому не готов, поэтому он успел меня зацепить.

Моя рука, коснувшись волос Таалу, растерянно замерла.

– Риату – предатель?! Что ты такое говоришь?!

Мать-богиня! Неужели правда? Риату... тот самый терпеливый, уравновешенный, преданный, казалось бы, до последней капли крови Риату, о котором я никогда не подумала бы ничего дурного?!

Раалу скривился и с досадой вытер сочащуюся из царапины кровь.

– Это была не его инициатива. Мы, правда, не успели толком пообщаться, но... демон! Зря я тебя тогда не послушал! Кто бы мог подумать, что эта стерва до такого додумается?

– Ты о ком? – вздрогнула я, боясь поверить внезапному прозрению.

– Эта леди... как там ее... Шиис? – выплюнул Раалу. – Если бы я тебя тогда выслушал, у нее не хватило бы времени. Не успела бы просто, тварь. Но я не подумал. Не просчитал. Не увидел очевидного, придурок! И теперь Риату мертв, Таалу ранен, а ты... ты оказалась права во всем. Мне не следовало допускать эту ненормальную до последнего этапа!

Я нервно сжала кулаки.

– Это она виновата, что свадебный обряд едва не превратился в похоронный?

– Да, – с отвращением подтвердил Раалу и тревожно завертел головой. – А где она, кстати?

– Внизу. Если увидишь белое платье и кучку пыли рядом, так это она и есть.

Моран тут же подошел к краю пирамиды и глянул вниз. После чего удовлетворенно хмыкнул, хотел было отойти, но тут из-за края показалась рыжая мамина макушка, и моран, внезапно вспомнив о приличиях, галантно подал госпоже настоятельница руке.

– Я так полагаю, верховная ведьма все же соизволила нас посетить в самый последний момент?

Мы с мамой быстро переглянулись и... промолчали. После чего матушка спокойно оперлась на предложенную ладонь, а затем с достоинством взошла на пирамиду.

При виде ее лица, вновь превратившегося в бесстрастную маску, я только хмыкнула – мама оставалась верна себе и, как обычно, стремилась

отвести от меня даже малейшие подозрения. Неудивительно, что на приемах и любых официальных мероприятиях она всегда была на виду, тогда как мне приходилось довольствоваться ролью обычной ведьмы.

А вот когда госпожа Тейлара благодарно кивнула морану и величественно проплыла мимо, Раалу вдруг потянул ноздрями воздух и озадаченно нахмурился. После чего втянул ее запах снова, повернулся следом, как привязанный, и так странно посмотрел на ее гордо выпрямленную спину, что я едва не брякнула глупость. Но в последний момент все же прикусила язык и, хоть в голове роились тысячи вопросов, заставила себя вернуться к самому важному.

– Так что там с леди Шиис? – спросила, требовательно уставившись на застывшего в ступоре нелюдя. – Зачем ей было организовывать покушение на Таалу? Раалу-у... эй! Ты вообще меня слышишь?!

Моран, словно очнувшись от наваждения, вздрогнул и с усилием повернул голову в мою сторону.

– Прости, задумался. Что ты сказала?

– Я спросила, зачем этой дамочке было организовывать покушение? Она же замуж за Таалу собиралась. Какой ей смысл его убивать?

– Изначально, я думаю, она никого убивать не планировала, – рассеянно обронил Раалу. – Но мне следовало сразу подумать о том, кто именно поставил ей в ауре метку Смерти. Это должен быть сильный моран. А так как до обряда невестам запретили покидать дворец, то это воин из числа тех, кто постоянно находился рядом. А таких, как ты понимаешь, немного.

Я прикусила губу.

– Хочешь сказать, это она с Риату на днях... согрешила?

– Боюсь, что так.

– Скверно. Но я все равно не поняла: каким образом это связано с покушением? Ведь ты сам сказал, что Риату лишь выполнял приказы.

Раалу задумчиво покосился на невозмутимую госпожу Тейлару.

– Не уверен, что об этом стоит знать посторонним...

– Моя наставница – не посторонняя, – фыркнула я, заставив морана удивленно распахнуть и без того большие глаза. – И она не выдаст вашей тайны, если, конечно, то, что ты собрался мне сообщить, действительно является тайной.

– Скорее, это касается особенностей нашей физиологии, – усмехнулся Раалу. – Кое-что ты, правда, и так уже знаешь. В частности, то, каким образом мы чаще всего находим пару. А также то, что женщин у нас во много раз меньше мужчин, и они обладают в нашем обществе намного

большей властью, чем у какого-либо другого народа. И это обоснованно: продолжать род должны лучшие, поэтому у наших женщин так много привилегий. Фактически все семьи так или иначе блюдут интересы старших леди. Многие решения их глав подчинены воле и желаниям законных жен. Не могу сказать, плохо это или хорошо, но мы живем так уже много веков, и до сих пор ничего радикально не изменилось. Благодаря женщинам мы рождаемся, ради них сражаемся и умираем. Так рассудил бог-отец, когда создавал моранов.

Увидев, что я хочу что-то сказать, Раалу покачал головой, словно говоря «не сейчас», и продолжил:

– Как ты понимаешь, из-за небольшого количества женщин проблема выбора у нас стоит довольно остро. Некоторые ищут будущих жен в верхнем мире. И даже находят, что несколько уменьшает накал страстей и снижает остроту конкуренции. Дуэли до смерти у нас, правда, не приняты, но иногда такое все же случается. И ценность незамужней леди от этого только возрастает. В то же время, если женщина соглашается на брачный обряд, то в первую брачную ночь мужчина ставит ей метку в ауре. Это дарит женщине устойчивость к его силе, оберегает здоровье и гарантирует рождение одаренных детей.

Я нахмурилась.

– Почему же ты допустил, чтобы леди Шиис получила такую метку?

– Метку при желании можно поставить даже без законного брака. Собственно, именно за нее и сражаются мужчины, когда незамужняя леди объявляет о своем желании завести семью.

Я поперхнулась.

– Они что у вас, как кошки – выбирают лучшего самца, чтобы потом с ним спариться?!

Раалу кивнул.

– Грубовато звучит, но да. Обретение законной супруги – это привилегия, ради которой мужчины готовы на многое.

– Это... я даже не знаю, как назвать! Это ненормально!

– Для вас – возможно, – спокойно согласился моран. – Но здесь такое в порядке вещей.

Я открыла было рот, чтобы в голос возмутиться подобными порядками и тем, что здешние мужчины слишком много позволяют своим женщинам, но тут на мои пальцы легла горячая ладонь.

– Не сердись, любовь моя. Мы не виноваты в том, что нас создали именно такими.

Я вздрогнула и опустила глаза, а Таалу... мой замечательно живой и

невредимый Таалу, внезапно пошевелился и, уверенно сев, взглянул на меня так, что сердце забилося с удвоенной силой.

– Брат не сказал вам главного, – мягко добавил он, и я прерывисто вздохнула, впервые в жизни не зная, как себя вести и что говорить. А когда владыка осторожно отвел с моего лица растрепавшиеся локоны, с невыразимым облегчением прижалась к его ладони щекой. – Поставив метку, мужчина на какое-то время становится очень восприимчив ко всему, что происходит с его женщиной.

– В каком это смысле? – тут же насторожилась матушка, пока я наслаждалась нечаянной лаской.

– В прямом, – проворчал Раалу, однако при виде очнувшегося брата на его лице проступила неподдельная радость. – Свежая метка ослабляет нашу волю и в некотором роде даже подчиняет женщине. Ненадолго. Всего на несколько дней, но этого порой хватает, чтобы совершить какую-нибудь глупость.

– Обычно после обряда супруги проводят время в закрытых покоях, дабы избежать недоразумений, – добавил повелитель, незаметно сжав мою руку. – Но иногда этого сделать не удается, и тогда новоявленный супруг может стать неуправляемым.

Я поежилась.

– Вот как она заставила Риату повиноваться...

– Скорее всего, да, – тяжело уронил Раалу. – В иных обстоятельствах он бы нас не предал.

– Откуда же тогда взялись еще пятеро? – хмуро осведомилась мама. – Эта дамочка что, и их успела оприходовать? Или тут замешан кто-то еще?

Раалу качнул головой.

– Других я не нашел. Только один десяток.

– Десяток?! – шокированно переспросила я. – Но мы видели лишь пятерых!

– Верно. Потому что вторая пятерка, на ваше счастье, отправилась убивать мое недовольное высочество, – криво усмехнулся Раалу. – Судя по всему, Шиис окончательно выжила из ума, если отдала приказ уничтожить нас всех. Сила-то в тот момент была именно у меня. А поскольку ничем иным я защититься не мог, то, когда меня обстреляли из арбалетов... а близко они подойти попросту не смогли... я спустил эту силу на них. Разрушил плотину, которую мы возводили столько лет, и Смерть тут же хлынула наружу.

Я сглотнула.

– Если бы ты ее не выпустил, от тебя остались бы одни воспоминания.

– Да. Пять порций силы сверх того, что я уже взял, это для меня чересчур. И еще вы постарались. Хорошо хоть Риату был достаточно силен, чтобы умереть не сразу. Иначе я бы еще долго подозревал в предательстве весь его род и, скорее всего, стер бы дом Шеес в порошок еще до того, как прийти к вам.

Мама нетерпеливо стукнула посохом по полу и нахмурилась еще больше.

– Возможно, я что-то не так поняла... но почему на приказ этой дамочки среагировал кто-то, кроме вашего Риату?

Повелитель тяжело вздохнул.

– У нас принята система безоговорочного, почти абсолютного подчинения младших старшему. Причем основана она на принципе подавления силы. То есть когда рядом находится более сильный моран, слабый физически не способен ему противиться.

– Значит, когда Риату сошел с ума, его десяток просто не смог не выполнить дурацкий приказ? – ошеломленно переспросила я.

– Совершенно верно.

– Я даже догадываюсь, что ты сейчас скажешь, – поморщился Раалу, увидев, как вытянулось мое лицо. – Но не буду спорить. Ты действительно права: если бы я в тот момент находился рядом, то мой приказ значил бы для десятка Риату гораздо больше, чем приказ непосредственного командира. Но с той силой, которую я носил в себе, меня нельзя было подпускать к тронному залу. А сильнее Риату рядом, к сожалению, никого не оказалось. Так что Шиис знала, куда бить. Хотя, возможно, мысль об убийстве пришла в ее дурную голову только сегодня. После того, как ты, брат, в последний момент ей отказал.

– Боюсь, это я виновата, – пробормотала, опуская глаза. – Любовное зелье тем и опасно, что делает людей неадекватными. Не находишь леди под его воздействием, ей бы, наверное, и в голову не пришло мстить тебе таким зверским способом.

– Пустить весь правящий дом – под нож? – усмехнулась вдруг мама. – Жестокая месть за неоправданные надежды. Но я рада, что у леди ничего не получилось, ведь в противном случае я лишилась бы не только зятя, но и единственной дочери.

– Дочери?! – неверяще переспросил Раалу. И, кажется, только сейчас обратил внимание, насколько мы с мамой похожи. Правда, если не знать, что она – моя мать, ее вполне можно было назвать старшей сестрой. – Боги! Вот почему у вас запах почти одинаковый!

– Почти, да не совсем, – улыбнулся Таалу, поднимаясь на ноги и

заодно помогая подняться мне. – Для меня запах Норы всегда останется исключительным и неповторимым. И никакие другие ароматы не смогут его заменить.

Мама на это только загадочно хмыкнула, Раалу, кажется, искренне изумился. А я неожиданно вспомнила, что на пирамиде все это время мы были не одни, и почти с ужасом обернулась, чтобы увидеть лежащих ничком девушек-моранок, о которых непростительно позабыли.

Правда, не успела я в полной мере осознать, что именно мы натворили, как одна из девушек вдруг пошевелилась и, вопреки всем законам и правилам, приподнялась с пола! Мгновением позже зашевелилась и вторая. Тоже на первый взгляд, целая и невредимая. Только очень-очень растерянная и, кажется, плохо помнящая, что с ней произошло.

Мама, не сразу поняв, почему я так испуганно на них воззрилась, недоумевающе обернулась. А мораны, резко изменившись в лице, в голос воскликнули:

– Этого не может быть!

– Чего не может быть? – осведомилась матушка, помогая леди подняться. – Девушки здоровы. Ни проклятий, ни меток Смерти, ни каких-то иных неприятных вещей в аурах... эй, почему вы на меня так смотрите?

– Этого не может быть, – отдельно, каким-то механическим голосом повторил Раалу и шокированно посмотрел на брата. – Ты же сейчас в полной силе?

– Полнее не бывает, – растерянно отозвался повелитель, прислушавшись к себе и убедившись, что энергия Смерти из него никуда не делась.

– Тогда почему они все еще живы?!

Мы дружно уставились на оторопевших от такого внимания девиц. И так же дружно отшатнулись, когда за их спинами прямо из пустоты сформировалось плотное черное облачко, подозрительно похожее на человеческий силуэт. А мгновением позже из него вышел еще один моран и, посмотрев на наши ошарашенные лица, с усмешкой сказал:

– Я объясню. Если вы, конечно, не против.

Глава 20

Это был совсем не тот моран, которого я помнила. Его длинные седые волосы больше не напоминали неопрятную паклю. С немолодого лица исчезли глубокие морщины. В темных глазах снова появился живой блеск, а на тонких губах играла самая настоящая, почти человеческая улыбка.

– Отец?! – растерянно выдохнул Таалу, машинально закрывая меня собой и создавая на ладони сгусток весьма неприятного вида, испускающий отчетливые эманации угрозы.

– Убирайся! – мгновенно ощетинился Раалу, без раздумий закрыв собой мою мать. – Ты мертв! Ты не должен здесь находиться!

Повелитель Маару, сквозь которого на мгновение проступила противоположная стена, молитвенно сложил руки на груди.

– Я действительно здесь не во плоти, дети мои. Но позвольте мне все объяснить. Быть может, тогда, сын мой, ты перестанешь меня ненавидеть. А ты, дочь моя, поймешь, почему старый оракул так старался тебя запутать.

Раалу скрипнул зубами, собираясь рыкнуть что-то еще, но тут на его плечо легла твердая ладошка госпожи Тейлары.

– Я бы его послушала, если не возражаешь.

– Я тоже, – поддержала я, и Таалу неохотно опустил руку, а плясавший на ней сгусток бесследно исчез.

– Говори. Но не думай, что это что-то изменит.

– Быть может, сначала отпустим отсюда леди? – смиренно предложил Маару.

Его сыновья неодобрительно покосились на испуганно присевших девушек, которые взирали на призрака с потусторонним ужасом, и неохотно кивнули.

– Вы свободны.

Несостоявшиеся невесты встрепенулись и, забыв изобразить положенный по этикету реверанс, без колебаний кинулись прочь. Не взглянув больше ни на меня, ни на маму, ни на призрака. Причем рванули они с места с такой скоростью, что я даже обеспокоилась, как бы они не убились на крутых ступенях. И облегченно вздохнула, лишь когда леди благополучно спустились, а затем со всех ног кинулись к дверям.

– Если позволите, я начну издали, – так же кротко произнес повелитель Маару, едва невесты скрылись из виду. – С тех давних времен, когда боги еще только создавали наш мир. И со знакомой всем вам

прописной истины, что Жизнь и Смерть – это две половинки единого целого. Точно так же как свет и тьма, любовь и ненависть, разрушение и созидание... Так мать-богиня создала верхний мир, населив его животными, птицами и людьми. Бог-отец создал подземелья, которые отдал моранам. При этом богиня доверила вам, жрицам, толику своей силы. А бог-отец отдал нам толику своей мощи, завещав хранить ее и тем самым оберегать верхний мир от угрозы.

– В наших летописях написано не так, – хмыкнула мама, бесстрашно выходя из-за спины Раалу.

– В наших тоже, – буркнул он, выразительно на нее покосившись.

Маару мягко улыбнулся.

– Суть не в том, как именно описан момент создания мира. А в том, что его верхняя половина составляет единое целое с подземельями. Единство есть во всем, дети мои: в нас, в вас, даже среди богов. Ведь богиня не зря зовется именно матерью: все живое в этом мире – ее рук дело. В ней сосредоточена сама жизнь, та самая благословенная искра, благодаря которой мы стоим здесь сейчас. Она – это средоточие гармонии, спокойствия, мира. Точно так же как бог-отец – воплощение энергии разрушения, но при этом и защиты тоже. Только благодаря его усилиям энергия Смерти копится здесь, внизу, и не вырывается в верхний мир. Только его стараниями наверху стала возможна нормальная жизнь. И его же волей так тщательно оберегается покой мирных жителей.

– Хотите сказать, бог-отец не враждует с нами? – недоверчиво переспросила я.

– Нет, дитя мое, – снова улыбнулся Маару. – И ты легко это поймешь, если внимательно посмотришь на закат. Если увидишь, с каким нетерпением тянутся к заходящему солнцу длинные тени. Как бережно они укутывают его покрывалом ночи. И с какой нежностью ночь целует зарю, когда каждое утро отпускает солнце на свободу.

У меня расширились глаза.

– Значит, наши боги в действительности – не враги друг другу?

– Они создатели, – неожиданно подтвердила мама. – Противоположные по сути, но неразрывно связанные друг с другом. Как день и ночь, свет и тьма... ты это хотел сказать, моран?

– Конечно, – прошелестел Маару.

Я поражено повернулась к наставнице.

– Мама! Но почему ты не говорила об этом раньше?! Почему наши сестры до сих пор свято верят, что тьма – это зло, и ее надлежит немедленно уничтожить?!

– Потому что так гораздо проще, дитя, – ответил за нее призрак. – И потому, что к пониманию этих вещей вы должны прийти сами.

Мама тяжело вздохнула:

– Вас учат этому с раннего детства. Вспомни: наставницы по сотне раз повторяют одно и то же, но, к несчастью, этого недостаточно, чтобы вы увидели истину. К тому же подземелья для нас – непознанный мир. А то, что не познано и непонятно, уже само по себе считается опасным.

– Тем не менее интуитивно вы все же улавливаете суть, – заметил Маару. – Пусть и не понимаете, что и почему, но никто из вас не спешит по-настоящему воевать со Смертью. Согласись, вы беретесь лишь за те раны, которые можно исцелить. И за те болезни, которые еще не полностью поразили тело.

Я поджала губы.

Все верно. С неизлечимыми больными мы не работаем. Всегда чувствуем близость Смерти и благоразумно отходим в сторону, где-то глубоко внутри зная, что способны ей противостоять, но все же не рискуем заступать дорогу. Наверное, это и правильно – ни к чему нам вмешиваться в естественный ход вещей. Мы ведь не боги. Даже не их потомки. Поэтому то, чему суждено случиться, неизменно случается. А там, где мы способны помочь, обязательно помогаем, и тогда уже Смерть милосердно отступает в сторону, не мешая нам возвращать чужую душу.

Откуда в нас взялось это глубинное знание и умение вовремя остановиться – трудно сказать. Нас этому никто по-настоящему не учил. Никто толком не объяснял. Но инстинктивно я, как и все мои сестры, всегда чувствовала это. Точно так же, как чувствовала сейчас, что бывший повелитель моранов не лгал.

– Гармония – залог существования нашего мира, – спокойно озвучил он то, что и так уже крутилось у меня на языке. – Равновесие между небом и землей, закатом и восходом...

– Мужчиной и женщиной, – прошептала я, наконец-то прозревая.

– Совершенно верно, девочка. И точно так же, как царит гармония между двумя богами, она должна царить и между вами. Вы, смертные, их материальное воплощение. Именно в вас заложена великая сила. Единственная сила, что способна возрождать жизнь и сдерживать смерть. И имя этой силы...

– Любовь?

Маару одобрительно на меня посмотрел.

– Как думаешь, почему вы сейчас так спокойно находитесь рядом? В моем старшем сыне еще бушуют отголоски недавней бури, в младшем

сосредоточено столько энергии Смерти, что он легко может разрушить половину мира. Тем не менее вы все еще здесь и без помех касаетесь друг друга. А те юные леди, что нас недавно покинули, не испытали даже толики скверных ощущений, которые непременно их посетили бы, если бы все осталось как прежде.

Мы с Таалу растерянно переглянулись.

А ведь в самом деле! На леди даже меток в аурах не осталось!

– Во время брачного обряда вас благословляют не один, а сразу два бога, – тихо рассмеялся Маару, увидев наши обалделые лица. – Но если Смерть выступает лишь свидетелем ваших клятв, то по-настоящему их скрепляет только любовь. Та самая мать-богиня, которой вы и так поклоняетесь. Именно ее сила ведет вас вперед. Она заставляет вас верить. Потому же, когда чувства брачующихся искренни, любовь сплавляет их души воедино, и для этого не нужны ни слова, ни ритуальные чаши. Если же хоть один из пары окажется нечестен, то обряд, конечно, свершится, но истинного единения между супругами уже не будет. И никакие клятвы не уберегут одного из них от смертоносной силы другого.

– Использовать эликсир, чтобы обмануть богов, было низко, – проворчала матушка, кинув в сторону опрокинутого столика неприязненный взгляд. – Правда все равно однажды выплывет наружу. И никакие обряды не спасут от наказания. Не зря мать-богиня этого не одобряет.

– Если бы каждая пара, стоящая перед алтарем, была предельно честна друг перед другом, эликсиры не понадобились бы. Но ведь и в верхнем мире обманы нередки. Не зря же даже светлые жрицы опасаются заключать освященные союзы.

Под пристальным взглядом морана мама отвела глаза.

– В храме богини такие союзы исключены.

– А в подземелье их приходится заключать, – грустно отозвался Маару. – Потому что если простому морану достаточно отказаться от силы, то у мужчин правящего рода действительно не остается выбора. И мы вынуждены имитировать чувства... вынуждены лгать сами себе. Не только ради себя, но и ради вас тоже. Такова цена за обладание силой. И платить ее приходится не единожды.

– Вы же говорили, что обрели свою истинную пару? – вдруг прищурилась я. – Это был обман? Вы просто давили на жалость или решили обмануть меня, рассказывая о второй жене? Ведь если вы так любили друг друга, то она не должна была пострадать. Разве нет?

У Раалу загуляли на скулах желваки, а Таалу ощутило напряжение. Но их

отец не стал увиливать – открыто посмотрев на меня, он неохотно кивнул.

– Истинная пара – это действительно миф, – тяжело уронил он, заставив меня недоуменно отпрянуть. – Ни для кого из нас не существует никакого предназначения. Как не существует predeterminedных союзов и безупречных отношений.

– Но как же тогда?!

– Идеальные отношения можно лишь создать, – прошептала мама, прикрыв ненадолго веки. – А идеальной парой не рождаются, ее обретают. Через силу, ссоры, жертвы и все то, через что рано или поздно проходят все влюбленные... если пара готова рискнуть, то у нее появится шанс заключить по-настоящему освященный союз. Если же нет, то это будет уже подделка. Обман, который жестоко карается богами.

– Секрет идеальной пары в том, что ее скрепляют не просто привязанность, симпатия или страсть, – подтвердил Маару. – Чтобы стать по-настоящему единым целым, каждому из двоих придется так или иначе измениться. Вот только не каждый на это готов. Не каждому это дано. Но вы справились, дети мои. Наверное, не зря я все же советовал вам заглянуть в пещеру двух озер.

У меня на миг перехватило дыхание, а стоящий рядом Таалу едва не поперхнулся.

Наверное, мы с ним подумали об одном и том же. И оба вспомнили ту серебристо-черную реку, которая так отчетливо напоминала меня и его. Быть может, в этом было слишком много символизма, какой-то надуманной истины, но в тот момент мне показалось, что я поняла смысл того, что сказал Маару. И как наяву увидела два отдельно текущих потока, которые в какой-то момент с шипением и паром соединяются друг с другом, а затем вполне спокойно текут дальше, равномерно перемешанные и уже по-настоящему единые.

Возможно, наше с Таалу первое касание было именно таким – бурным, опасным, шипящим и даже брызжущим в стороны противоположными по знаку силами. И все же он нашел в себе мужество приблизиться ко мне снова. Но у меня, к несчастью, тогда не хватило духа его принять. Тогда я была не готова признаться себе, что Таалу мне бесконечно дорог. Боялась сама себя. Боялась его. И, возможно, именно поэтому едва не погибла.

– Выходит, обряд на самом деле не нужен? – непонимающе переспросила я. – Достаточно просто любить и полностью довериться друг другу?

– Обычным парам нет, но моранам и их избранницам из верхнего мира в силу отсутствия врожденной устойчивости к нашему дару нужен

обязательно, – спокойно отозвался Маару. – Именно он позволил без помех соединить ваши силы и обезопасить вас от самих себя.

– То, что на меня сейчас сила не действует, тоже связано с обрядом? – задала резонный вопрос матушка.

– Пока Таалу и Нора вместе, они друг друга уравнивают, поэтому мой сын может больше не опасаться кого-нибудь случайно убить – Нора ему этого не позволит. Точно так же, как она не сумеет поранить других моранов своим светом – этого ей не позволит сама Смерть. Но ограничение в один день по-прежнему останется для вас в силе, – добавил бывший повелитель, когда я открыла рот, чтобы задать этот насущный вопрос. – Не зря говорят, что истинно любящие не способны прожить друг без друга ни дня. Правда это или нет, не знаю, но Смерть не прощает обмана. Поэтому, как только пара расстанется, все клятвы немедленно аннулируются. И это – то единственное ограничение, которое у вас будет.

– А что насчет вашей супруги? – все же упрямо спросила я. – Почему она в действительности умерла? Вы мне так и не ответили!

Лицо призрака на мгновение болезненно искривилось.

– Потому что Шаэра не поверила в то, что мы сможем быть вместе. И не рискнула пройти обряд до конца. А я не смог ее уговорить, так как заставлять было нельзя, а открывать всю правду... к сожалению, доверие не рождается по заказу. Насильно невозможно полюбить. К тому же дар предвидения уже тогда был для меня сродни проклятию. И я видел, к чему приведет моя попытка насильно обручиться с Шаэрой.

– Она же любила вас, – непонимающе воскликнула я. – Как она могла вам не верить?

– Она видела, что стало с Найаре. Отчаянно этого боялась. И не рискнула повторить ее подвиг, чтобы раньше времени не оставить сыновей без второй матери.

У Раалу нервно дернулась щека.

– Это ты ее убил. Ты убил их обеих!

– Моя вина лишь в том, что я не нашел подходящих слов, чтобы убедить Шаэру завершить обряд. Она боялась за вас, сын. И в первую очередь за тебя, потому что ты был слишком взрослым, когда умерла твоя родная мать. И слишком вспыльчивым, чтобы суметь смириться с ее естественной смертью.

– Как ты смеешь?! Ее смерть не была естественной!

– Прости, я солгал, – тяжело вздохнул призрак. – Найаре не покончила с собой. Я был благодарен ей и искренне уважал ее за смелость, но уважение – это еще не любовь. А без любви она была обречена. Но только

Шаэра знала, как в действительности умерла твоя мать. Именно она ухаживала за Найаре, когда я не смел к ней даже приблизиться. Все, что я мог, это помочь ей уйти, когда она сама об этом попросила. И перенести ее прах в семейную усыпальницу, где он и по сей день лежит под плитой рядом с тем местом, где вы похоронили меня.

– Зачем же ты тогда устроил все это? – неверяще прошептал Таалу, а его брат опасно пошатнулся. – Для чего, отец?! Зачем ты нас обманул?!

По губам Маару скользнула вымученная улыбка.

– Это трудно объяснить, мой мальчик... пророком быть нелегко. Полноценный оракул всегда живет в нескольких измерениях сразу и одновременно видит десятки, сотни вариантов возможного будущего. И почти на каждый из них может так или иначе повлиять. Но подсмотренное грядущее – как вода в плошке. Стоит дунуть на него посильнее, и картинка тут же меняется. Одно неосторожное слово, один не вовремя сделанный намек, и все потеряно. Утрачено. И уже никогда не сможет вернуться. Думаешь, если бы я мог, я бы не нашел выхода для Шаэры? Если бы у нас был хоть один шанс, я бы хоть перед чем-то остановился, чтобы его использовать?

– Я тебя понимаю, – тихо уронила мама, когда призрак на мгновение умолк, а Таалу раздраженно отвернулся. – Хоть я не вижу будущее так далеко, но даже это невероятно тяжело. Знать и молчать. Говорить загадками, чтобы нечаянно не спугнуть наилучшее для твоих детей грядущее... жаль, что твоя жена этого не понимала. И вдвойне жаль, что когда-то она была нашей сестрой.

– Спасибо, – благодарно прикрыл веки бывший повелитель. – Мы многим жертвуем ради своей единственной пары, но еще большим готовы пожертвовать ради детей. За эти годы я видел разное будущее своих сыновей. Чаще всего то, где Раалу возненавидел брата, стал организатором нескольких покушений и в конце концов его убил. Но при этом оказался слишком слаб, чтобы принять в себя силу, потому что был рожден в неравном браке. И по определению не мог заменить владыку. Я также видел вариант, когда во время покушения Таалу, напротив, выжил, а Раалу ему пришлось убить. На какое-то время это уберегло его от опасности, но во время первого же всплеска Таалу погиб, потому что некому оказалось прикрыть ему спину. Я видел и другой его всплеск, который закончился не смертью, а новой жизнью, но, к сожалению, в не освященном богами союзе. Я видел его нерожденных детей, которые следом за женой один за другим уходили в небытие. И видел крах всего нашего рода, когда, оставшись без наследников, мой сын был вынужден передать силу в

другой, более слабый дом... и это меня убивало. Вся сложность в том, что будущее очень многогранно. И чутко реагирует даже на мимолетные наши мысли. Но из всех вариантов я хотел найти такой, где оба моих сына остались бы живы. Причем стали достаточно сильны физически, чтобы удержать в себе Смерть. И близки духовно – настолько, чтобы держаться друг за друга даже тогда, когда весь мир решит пойти на них войной.

Это было нелегко – отыскать почти неуловимое будущее, – после небольшой паузы признался Маару. – Я поступил малодушно, оставив после себя лишь двух сыновей вместо трех или четырех. По этой причине во всех других будущих Раалу так или иначе был обречен. Поняв это, я надолго впал в отчаяние и отстранился от детей, оставив их воспитание на Шаэру, но потом вспомнил, что нашу устойчивость к Смерти можно тренировать... и приложил для этого все усилия.

– Ты хотел, чтобы всплески случились у меня раньше времени? – ошеломленно переспросил Таалу.

– У вас обоих. Ибо только так можно нарастить броню нужной толщины. И только так у Раалу появился бы крохотный шанс выжить. К несчастью, времени оставалось немного – я уже доподлинно знал, когда Шаэра не выдержит моей силы и уйдет. И понимал, что после ее смерти довольно быстро превращусь в жалкое, отчаявшееся, не достойное вашего уважения существо. Поэтому выбрал наиболее быстрый способ для тренировки. И использовал самое простое и сильное чувство, способное вывести вас из равновесия.

– Ненависть, – глухо уронил Раалу, со смешанным чувством уставившись на отца.

Тот невесело кивнул.

– Я позволил вам поверить в то, что Найаре умерла не своей смертью. Дал понять, что она, как и ты, ничего для меня не значила. Позволил думать, что и в смерти Шаэры был виноват исключительно я. И этим очень быстро сплотил вас. Объединил ненавистью к себе, потому что рядом не нашлось других кандидатов. Ни одного морана, с которым вы не смогли бы справиться. Да и не хотел я их подставлять под удар.

У меня тревожно екнуло сердце.

– Зачем же было использовать ненависть? Любовь ведь намного более достойное чувство!

– Зато ненависть надежнее, – прошептал Маару. – Она не слабеет с годами, не дает осечек и не умирает, если ее объект внезапно сходит с ума. Именно ненависть подарила намного более устойчивое будущее для Раалу. И гарантировала, что, будучи направленной только на меня, она уже

никогда не обратится на Таалу.

– Но как ты мог?! – сдавленно прошептал Таалу, когда до него дошла вся глубина и дикость задумки отца. – Ты же не был безумцем! По крайней мере, не настолько!

– Я видел будущее, мой мальчик. И только этот вариант показался мне достаточно приемлемым.

Я с нескрываемым сочувствием посмотрела на удрученного призрака. Не так давно я считала его бесконечно несчастным, но только сейчас поняла, сколь многим он пожертвовал ради того, чтобы сыновья не повторили его ошибок.

– Но почему так жестоко? – невольно вырвалось у меня. – Разве нельзя объяснить? Неужели нельзя было сделать по-другому?!

– Нет, моя милая. Другого общего будущего я для них не увидел. Ранние слабые всплески сделали Раалу сильнее и оттянули для Таалу момент действительно опасной вспышки. Раскачивая их резервы годами, я помог им не просто уцелеть, но стать одними из самых могущественных моранов в нашем роду. И на целых несколько лет отсрочить тот неизбежный всплеск, который заставил бы их лихорадочно искать для правителя пару.

Мама неожиданно прищурилась.

– Ты уже тогда знал, что для твоих сыновей возможно нормальное будущее?

– Скорее, предчувствовал. Нужно было только дать им время подготовиться, обрести нужный опыт, изучить свой мир и то, что лежит за его пределами...

Раалу от этих слов едва заметно вздрогнул.

– Но самое главное, чего я хотел добиться, это чтобы здесь появились светлые жрицы, – добавил его отец. – Единственные создания, которые примерно равны нам по силе. И единственные, способные в полноценном союзе по-настоящему нас удержать.

– Отец...

– Я понял это не сразу, мой мальчик, – тепло улыбнулся Маару. – Любовь Шаэры стала для меня величайшим открытием, после которого я был вынужден пересмотреть всю нашу жизнь. Все свои убеждения. Знания. Опыт. А затем сделать нелегкий выбор не ради себя и нее... Шаэра за него меня как раз и не упрекала, хотя знала, чем это закончится... а ради вас. Ради того возможного будущего, из-за которого я должен предать самого себя. Именно за это я прошу у вас прощения. Но во всем остальном я и сейчас не раскаиваюсь, потому что в итоге все же сумел подвести вас к

самому главному. И заставил понять то, до чего вы оба... по крайней мере, я очень на это надеюсь... наконец-то додумались.

– Ты умышленно сообщил нам неполное имя верховной ведьмы, – неверяще прошептал Таалу. – Ты знал, что они появятся здесь обе!

– Конечно. Но для вас это должно было стать неожиданностью. Как и то, что они окажутся родственницами.

– Мое настоящее имя – Элизабет Нора Тейлара, – неловко кашлянула я, когда муж перевел на меня ошарашенный взгляд. – Прости. У нас не в ходу короткие имена.

– А мое – Элизабет Дана Тейлара, – с усмешкой сообщила мама, когда Раалу посмотрел на нее так же растерянно. – Первое имя у верховных ведьм традиционно одно и то же и не меняется вот уже много веков. Мы носим его в память о первой жрице, которая когда-то приняла благословение из рук матери-богини. Второе имя мы довольно редко кому-то сообщаем, а третье – это имя рода, который носит высочайший титул в храме вот уже четвертое поколение. Меня, правда, давненько терзали предчувствия, что очень скоро придется выручать единственную дочь из крупных неприятностей. А также догадки, что эти неприятности будут связаны с вами, моранами. Норе я, разумеется, об этом не говорила, потому что будущее лишь недавно обрело, наконец, стабильность. Но готовилась к чему-то подобному. А когда начали исчезать жрицы, была вынуждена достать из кладовки свой боевой посох.

– Ты давно не хранишь его в кладовке, – не преминула заметить я, поднимая руку и сжимая пальцы на ловко прыгнувшей в руку метле.

– С тех самых пор, как ты дотянулась до него в детстве и нечаянно вытянула всю силу, – легко согласилась мама под смешок неподвижно висящего призрака.

Таалу одарил меня крайне подозрительным взглядом, а вот Раалу, кажется, даже не услышал, потому что находился в глубокой задумчивости и до сих пор не пришел в себя после признаний отца.

– Как ты вернулся? – наконец, спросил он, уже без прежней ненависти взглянув на полупрозрачного морана.

Маару пожал плечами.

– Я хорошо послужил Смерти при жизни. Да и сейчас все еще готов служить, так что она сочла приемлемой мою просьбу изредка вас навещать и согласилась дать некое подобие свободы. К тому же она готова позволить мне снова увидеть Шаэру, а ради такого подарка я хоть на тысячу лет у вас задержусь. Тем более нового-то оракула здесь еще долго не появится.

– Это правда, – хмыкнула мама, перехватывая поудобнее свой посох. –

У меня просто возможностей не хватит, да и особого желания взваливать на себя эту ношу нет.

– Но кое-что тебе все-таки доступно, – прищурился моран.

– Разумеется. Я же не просто так здесь оказалась.

– Тогда, наверное, я больше не буду отнимать у вас время. Собственно, я уже сделал все, что хотел, и даже чуточку больше. Последнее, что мне осталось, это несколько слов на прощанье.

Маару внезапно мигнул, на мгновение исчез и возник совсем рядом. Наклонился вперед и, не дав Таалу времени отшатнуться, что-то быстро шепнул ему на ухо.

Я вопросительно приподняла брови, когда на лице мужа проступило непередаваемое выражение, а призрак тем временем скользнул ко второму сыну и так же тихо что-то ему сообщил.

Раалу отреагировал более бурно, чем брат. Прямо побледнел весь, осунулся, на его лбу выступили крохотные капельки пота. После чего моран нервно дернул плечом, как-то совсем уж растерянно провел рукой по топорщившимся в разные стороны волосам. И внезапно охрипшим голосом сказал:

– Я тебя услышал.

А когда Маару так же быстро вернулся на прежнее место и начал стремительно исчезать, неожиданно добавил:

– Спасибо.

Услышал его призрак или нет, но мне показалось, что на лице повелителя все же промелькнуло облегчение. А всего через пару секунд мы снова остались одни. Растрепанные, в драной и местами окровавленной одежде. Изрядно озадаченные столь неожиданным завершением этого странного утра. И не знающие, о чем дальше говорить и что делать со свалившимися на наши головы откровениями.

Нет, я, конечно, подозревала, что с моранами все не так просто, но признание бывшего повелителя и меня повергло в самый настоящий шок. Что уж говорить о Таалу и его брате, с лица которого до сих пор не сошло престранное выражение.

– Может, кто-нибудь все-таки соизволит оказать даме гостеприимство и позволит умыться с дороги? – вдруг нарочито громко, словно желая разбудить притихшее эхо, осведомилась матушка. И так строго на меня посмотрела, словно это я, негодница, посмела держать ее столько времени на пороге чужого дома.

– Я провожу, – первым спохватился Раалу и, поколебавшись, снова предложил леди руку.

Мама, что невероятно, благополучно ее приняла, хотя я не помнила, чтобы раньше она соглашалась воспользоваться чьей-либо помощью, да еще в таких незначительных вещах. Тем не менее с пирамиды эти двое спустились довольно быстро и, что совсем удивительно, вместе. После чего Раалу галантно проводил настоятельницу к выходу. И даже не забыл захлопнуть за собой дверь, мудро оставив нас с Таалу наедине.

– Я только одного не понимаю, – шмыгнула я носом, когда муж очень внимательно, но при этом с нескрываемой нежностью, на меня посмотрел. – Вроде эликсир мы с тобой давно выпили. А я до сих пор не чувствую, что схожу с ума. То есть нет. Не так. Мне уже давно и просто безумно хочется к тебе прикоснуться... но эликсир был довольно сильным. И я, если честно, ожидала немного большего.

Таалу одной рукой обнял меня за талию, а второй бережно приподнял мое лицо и с нескрываемым наслаждением втянул мой запах.

– Это потому, что эликсир будит страсть лишь в тех, кто не может предложить ничего другого. А я готов отдать тебе все. И ты согласилась это принять. Так что все у нас будет, любовь моя. Сегодня, завтра и во все остальные дни, что ты захочешь провести со мной рядом.

– Я хочу быть с тобой всегда и везде, – улыбнулась я и потянулась к нему за поцелуем. – Каким бы ни было наше совместное будущее. И ты, наверное, прав – нам с тобой никакой эликсир не нужен.

– Да. Потому что мы уже вместе, – шепнул Таалу, накрывая мои губы своими.

«Навсегда, – счастливо подумала я. – Ведь даже Смерть пообещала, что не разлучит нас».

Глава 21

Пробуждение стало для меня, пожалуй, самым светлым и радостным за последние годы, несмотря на то, что глаза мне довелось открыть в полнейшей темноте.

Правда, Таалу рядом уже не было, но я не испугалась, ведь он обязательно вернется, правда? Самое позднее, к следующему утру.

Безумная ночь и не менее насыщенный день ничуть не ослабили моей тяги к мужу. Казалось, любовный эликсир умышленно замедлил свое действие в тронном зале, чтобы затем внезапно вскипеть и в полной мере проявиться, когда мы остались одни.

Таалу был невероятно нежен со мной, заботлив и аккуратен до мелочей. Но при этом умудрился оказаться поразительно страстным и на редкость внимательным партнером, который понимал и чувствовал меня, казалось, до самых кончиков ногтей.

Наверное, так приходит безумие, но мы на удивление долго не могли насытиться друг другом. Не разрывая объятий, мы просыпались, засыпали и снова просыпались, окутанные любовным дурманом, готовым заново воспламенить кровь даже от мимолетного взгляда или легчайшего прикосновения.

Я даже затруднялась сказать, сколько часов или лет прошло с тех пор, как муж принес меня в эту спальню. И при всем желании не смогла бы вспомнить, о чем шептала ему в любовном бреде.

Он был со мной, здесь, мой бесконечно любящий и страстно любимый владыка. Единственный, кто был нужен мне. Единственный, кому я вручила себя. Навечно. Вместе. До последнего вздоха. Правда, сейчас он куда-то ушел, и у меня впервые после обряда появилось время для размышлений.

Нет, я ничуть не жалела, что сделала такой выбор. Мне даже сожалеть по большому счету было не о чем, потому что в итоге я получила то, о чем мечтает, наверное, каждая женщина. А если и заскреблась где-то на задворках сознания тоскливая мысль о брошенном храме, то быстро испугалась и сбежала. Потому что по сравнению с тем счастьем, что переполняло меня сейчас, даже воспоминание о долге виновато тускнело и утрачивало всякий смысл.

Мама, надеюсь, меня поймет, когда узнает, что именно я решила. А скорее всего, она уже видела мое будущее, потому-то и не спешила вчера

с обвинениями. Обычно в подобных вещах она довольно резка. Если не сказать – категорична. Но мама, напротив, полностью меня поддержала и даже подтолкнула к правильному решению, что ей совсем не свойственно.

О том, что будет со мной дальше, я постаралась пока не думать.

Да, сила Таалу стала для меня не опасна, но свет есть свет. Особенно для верховной жрицы. И без него я неминуемо начну слабеть. Какое-то время, конечно, уютный садик на верхнем уровне будет поддерживать мои силы, но что сможет сделать солнечный свет, если я перестану его впитывать?

Присев на постели, я повертела головой, а, нигде не найдя верной подруги, просто призывно свистнула. И широко улыбнулась, когда из-под широкой кровати немедленно выскочила эта безобразница.

– Знаешь, временами я жалею, что ты не умеешь говорить, – пробормотала я, отбрасывая в сторону одеяло и поднимаясь на ноги. – Но иногда я благодарна тебе за молчание, потому что когда молчат – мне почти не бывает неловко.

По плавно изогнулась и ласково взъерошила мои волосы. Ободряя и утешая, поддерживая и молча говоря, что никогда не оставит меня одну.

Рядом с ней мне будет не так тяжело в подземном царстве. Пока она со мной, я смогу еще долго поддерживать силы. И их хватит не только на то, чтобы на протяжении многих лет делать Таалу счастливым, но и на то, чтобы благополучно родить ему долгожданных сыновей, один из которых, если эликсир не подвел, должен появиться на свет где-то месяцев через девять.

Собственно, изначально этот состав и был придуман, чтобы помочь любящим парам избавиться от бесплодия. Усиленная магией страсть являлась лишь побочным эффектом, но именно из-за него эликсир со временем стал использоваться не по назначению. И потому же богиня в конце концов перестала его одобрять.

Тихонько открывшаяся сбоку дверь заставила меня затаенно улыбнуться.

Таалу...

– Я тебя разбудил? – спросил моран, неуловимо быстро переместившись к постели.

Я отставила метлу к изголовью и, ничуть не смущаясь собственной наготы, повернулась, с радостью увидев, как возбужденно дрогнули его ноздри, а в глазах заплясали знакомые серебристые огоньки.

– Если ты будешь встречать меня так всегда, я не смогу долго усидеть на троне, – пробормотал он, когда я обвила руками его шею и нежно

поцеловала. – Твой запах преследует меня повсюду. Куда бы я ни пошел, меня всегда что-то возвращает к тебе. Три раза сегодня подъемником ошибался.

– Это же хорошо, – промурлыкала я. – Дворец такой большой... а так ты в нем точно не заблудишься.

Таалу все же перехватил у меня инициативу, и на довольно долгое время я потеряла способность связно мыслить. Зато вместе с ней ушли и некстати всколыхнувшееся беспокойство, тревоги, сомнения – все то, о чем не подобает думать женщине рядом с влюбленным в нее мужчиной.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Так и объятия Таалу через некоторое время ослабли. После чего, сорвав с моих губ последний, самый нежный поцелуй, он пытливым взглядом заглянул в мои затуманенные глаза и очень тихо спросил:

– Когда ты планируешь уехать?

От этого простого вопроса меня бросило сначала в жар, а потом в холод. Всего четыре слова, мгновенное ожидание, и мое сердце с протяжным стоном рухнуло куда-то вниз.

Таалу, Таалу... что же ты творишь, любимый? И для чего решил поднять столь болезненную для меня тему? Ты же знаешь правила – ни одного дня порознь. Так почему же ты смотришь с такой тревогой? И почему так уверен, что я смогу оставить тебя здесь? Одного? Во тьме? Наедине с твоей болью и самыми прекрасными воспоминаниями, которые больше никогда не повторятся?!

– Так когда, Нора? – настойчиво повторил моран, и я, не выдержав, отвернулась.

При мысли о том, что чисто теоретически он готов допустить предательство с моей стороны, на глазах сами собой всплыли слезы. А в душу, еще мгновение назад сиявшую от счастья, пробрался холодок бывшего недоверия.

Я ведь всем ради него пожертвовала. Все, что имела, отдала, чтобы остаться рядом. А он до сих пор не верит? Не видит? И настолько не доверяет, что уже раздумывает, как со мной поступить?!

– Почему ты спрашиваешь? – ровным голосом осведомилась я, прилагая титанические усилия, чтобы не сторбиться.

– Тебе понадобится собраться, – спокойно пояснил муж. – Поэтому я должен знать, как планировать наше время.

– То есть ты собираешься уделять мне время сугубо по определенным часам? – ледяным тоном уточнила я, скидывая голову, чтобы не показать слезы. – Мне уже пора готовиться переехать в личную камеру? Или ты

подождешь до истечения срока, как отец?

– Нора, ты что?! – совершенно искренне опешил владыка, когда я сжала губы и резко к нему повернулась. – Ты... плачешь?!

– Нет! – процедила я, сердито стерев кулаком упрямо набегающие слезы. – Просто тоже хочу спланировать свое время! И заранее понять, вписываюсь я в твое расписание или нет!

На лице Таалу проступила растерянность.

– Боги... что ты надумала?! – воскликнул он, порывисто прижимая меня к себе. – Женщина! Я всего лишь задал простой вопрос! И не потому, что мне вдруг понадобилось тебя обидеть, а лишь по той причине, что я должен знать, к чему готовиться! Я не хотел тебя задеть, слышишь?! Я люблю тебя! Всегда буду любить! Мы связаны с тобой навеки!

– Тогда почему ты говоришь, что мне пора уехать? – с болью прошептала я.

– Потому что я намереваюсь пойти с тобой!

– Что?!

Изумленно вскинув голову, я ошарашенно воззрилась на мужа. А тот бережно вытер с моей щеки крохотные слезинки и совершенно спокойно добавил:

– Ты не останешься в подземном мире. Ни со мной, ни тем более без меня. Если природный свет – это то, без чего ты не сможешь жить, значит, он у тебя будет. В Белом храме. Дома. Там, где ты чувствуешь себя намного лучше, чем здесь. И куда, если мне не изменяет память, тебе надо вернуться на исходе следующей недели. На дорогу уйдет примерно половина этого времени. Если нас что-то задержит... наводнение или, скажем, лавина... то немного дольше. Плюс мне понадобится сколько-то дней, чтобы утрясти дела и хорошо подготовиться. И еще пара дней останется в запасе. Так, на всякий непредвиденный случай.

– Стой! – окончательно всполошилась я. – Какие дни? Какие сроки?! Ты сошел с ума! Ты не сможешь пойти со мной к храму!

– Почему? – внимательно посмотрел на меня супруг.

– Потому что там солнце! В верхнем мире тебе не выжить!

На губах Таалу мелькнула облегченная улыбка.

– Вот же глупенькая, – прошептал он, прижав меня к груди так, что я поневоле пискнула. – Мне необязательно идти с тобой по земле. Весь путь до храма я вполне могу проделать по подземельям. Один, с братом или с целой армией... рядом с горами всегда столько пустот, что мне не составит никакого труда пробить к вашему храму широкую дорогу.

– А как же ограничение в один день? – пролепетала я. – Нам же нельзя

не видется так долго!

– Подумаешь, проблема. А телепорты на что? Для больших расстояний они, правда, не годятся, особенно вдали от дворца, так что на мгновенный перенос отсюда до храма можно не рассчитывать. Но на то, чтобы преодолеть расстояние в пару десятков шагов, которые будут разделять нас в пути, их вполне хватит. А чтобы не ошибиться, я тебе дам специальный маячок. Как только остановитесь на привал, тут же мне просигналишь. И я украду тебя из верхнего мира на целую ночь. А утром верну, чтобы ты больше не испытывала недостатка в солнце.

Я ошеломленно замерла.

Мать-богиня! Это и впрямь выход... да-да, тот самый долгожданный выход, придумать который у меня просто не хватило смелости! Или смекалки? Идя по земле и под землей двумя разными отрядами, жрицы и мораны не будут испытывать друг друга на стойкость! Мы с мамой получим достаточно света, чтобы полностью восстановиться. Мораны, в свою очередь, не подвергнутся действию губительного для них солнца... и мы с Таалу все время будем вместе! Ни на день не расстанемся! Неужели для нас все-таки существует способ остаться вместе и при этом не предать свой народ?!

– Таалу! – пораженно прошептала я. – Но если я вернусь в храм, куда денешься ты? Что ты будешь делать вдали от дворца и всего своего народа?!

– Дворец – это не проблема, – усмехнулся моран, ласково погладив меня по растрепанным волосам. – Его я могу построить заново. Тем более ты как-то сказала, что в этом уже почти не осталось того, что я мог бы усовершенствовать. А мне надо развиваться, расти, улучшать свое искусство скульптора. А где это лучше делать, как не внутри огромной, изрытой множеством пещер и почти не тронутой присутствием смертных скалы, на вершине которой построен твой драгоценный храм?

У меня на мгновение остановилось сердце.

– Ты что... решил туда переехать?!

– Мы решили, – невозмутимо поправил меня моран. – Как только ты дашь свое согласие, весь народ снимется с места и отправится обустраивать новое место жительства. Собственно, Раалу уже умчался – исследовать породу и прокладывать путь. Я поделился с ним силой. А вместе с ним отправились лучшие каменщики и архитекторы, чтобы взглянуть, сумеем ли мы подвести опоры внутри горы так, чтобы ничего там не обрушить.

– Но Таалу! Мать-богиня! Неужели ты только из-за меня задумал это безумие?!

– Не только. Не поверишь, но мне порядком надоели бесконечные набегии демонов, – доверительно шепнул муж, на мгновение отстранившись от меня и всмотревшись в мое потрясенное лицо. – А рядом с вашим храмом их практически не бывает. К тому же там довольно мощный скальный массив. Места и для дворца, и для новых городов хватит. И вообще, я подумал: сколько можно жить на отшибе, сторонясь людей, словно какой-то заразы? Рядом с тобой я могу больше не опасаться принимать послов и налаживать более тесные отношения с верхним миром. Мы сможем получать больше продовольствия, древесины и других жизненно важных товаров. Но пока мы ютимся на окраине мира, большая часть купцов вряд ли рискнет до нас добраться. А рядом с вами и магов полно, чьи услуги нам тоже пригодятся, и торговых рек, и портов, и городов, и вообще всего, чего душа пожелает. Полагаешь, ради такого шанса мой народ откажется сменить место жительства?

Я сглотнула.

– Это ты меня сейчас спрашиваешь? Или себя убеждаешь?

– И то и другое, – со смешком подтвердил Таалу и аккуратно поцеловал меня в лоб. – Ну что? Теперь ты мне веришь? Я больше не выгляжу в твоих глазах жутким тираном?

– Прости, – прошептала я, порывисто к нему прижавшись. – Прости, прости, прости меня, дуреху подозрительную! Я даже подумать не могла... у меня даже мысли такой не возникло...

Таалу хмыкнул:

– У меня, если честно, тоже. Спасибо, отец подсказал.

– Вчера?!

– Конечно. Стал бы я уходить в такую рань, оставив тебя здесь в одиночестве? Всякую сонную, мягкую и ошеломительно доступную...

Я уткнулась носом в традиционно черный саалу мужа и прерывисто вздохнула:

– Как же мы с тобой будем видеться? Ты станешь после полуночи тайно влезать ко мне в окно? Или я каждый вечер стану сбегать к тебе в подземелья?

– Зачем такие крайности? – промурлыкал Таалу, зарывшись лицом в мои волосы. – Я пробью эту несчастную скалу насквозь и доберусь до самой ее вершины. Подведу к твоим покоям большущую лестницу и начну каждый вечер тебя там встречать.

– Тогда я прикажу создать рядом с ней абсолютно темную комнату, в которую не проникнет ни единого лучика света, – прошептала я, обнимая мужа за шею. – И каждый день, как только зайдет солнце, буду ждать тебя

там. У двери. Зная, что ты обязательно ее откроешь.

– Так когда ты намереваешься отправиться в обратный путь? – повторил свой вопрос Таалу, как только я окончательно размякла и успокоилась.

– Когда скажешь.

– Тогда я передам брату, чтобы поторопился. Надеюсь, переговорный амулет он у тебя еще не отобрал?

Хоть и хорошо было в объятиях мужа, хоть уже и скользили его руки по всяким неполюженным местам, а губы настойчиво исследовали мою шею, но необычный вопрос заставил меня отстраниться. А потом я кое-что сопоставила, припомнила и, прижав ладони морана к себе, на всякий случай уточнила:

– А почему это Раалу решил помчаться к храму раньше тебя? Или мне показалось, что он одно время всерьез тебя ко мне ревновал?

– Он ревновал не меня, а тебя, – шумно выдохнул мне в шею Таалу. – Только я долго не видел причины. Сам он молчал, а я ломал голову до вчерашнего дня, пока не увидел твою очаровательную матушку и не сообразил, что вы пахнете почти одинаково.

– Мне показалось, Раалу понравился ее запах, – осторожно заметила я, по-прежнему не давая ладоням мужа гулять, где вздумается. – Но твой брат довольно странно отреагировал, когда узнал, кем она мне приходится.

Муж ненадолго задумался.

– Мне тоже это показалось неестественным. А потом я вспомнил, каким взбудораженным он вернулся из одной вылазки года четыре назад. Он тогда был сам не свой. Все метался по дворцу раненым зверем. Рычал, огрызался... ну, ты примерно можешь себе это представить. Потом постепенно успокоился, а однажды все-таки признался, что в тот раз с отрядом ушел слишком далеко в горы. И на поверхность вышел на морском берегу. Как раз рядом со скалами, где находится ваш храм.

Я наострила уши.

– Мне удалось тогда вытянуть из него только то, что он видел женщину. Привлекательную и вкусно пахнущую светлую жрицу в траурном облачении.

– Раз в году, когда мы поминаем павших, мама совершает обряд памяти, – дрогнувшим голосом сообщила я. – И развеивает над волнами цветки белого дерева, символизирующие прах наших ушедших сестер. Это древняя традиция. Раньше цветы развеивали над горами. Но мама очень любит море, поэтому каждый год после обряда спускается к берегу и подолгу гуляет там в одиночестве... думаешь, поэтому Раалу так нервно

отнесся ко мне поначалу? И потому так встревожился, когда увидел то черное платье?

Таалу оторвался наконец от моей шеи и затаенно улыбнулся.

– Он мне об этом не говорил. Но если мои догадки верны, брат поначалу действительно мог принять тебя за нее. Но не осмелился признаться, потому что видел, как на тебя смотрю я. Он бы не заступил мне дорогу. И предпочел смолчать, хотя я вполне могу представить его чувства, когда ты проявила симпатию ко мне, а не к нему.

– Бедный Раалу, – пробормотала я. – С учетом того, как много значат для вас запахи, он должен был с ума сходить эти годы. Зная, что та женщина – жрица, которую он, как и ты, не захотел бы обрекать на гибель, в ту ночь он, скорее всего, просто ушел. Хотел пережить свое отчаяние в одиночестве, поскольку вернуться и остаться с ней – значило бросить тебя. А он не мог этого сделать, так что неудивительно, что тогда вспылал. А когда увидел меня, наверное, подумал, что бог-отец над ним издевается. Сначала обалдел. Потом разозлился. Даже попытался выставить меня вон, лишь бы не подвергать опасности. И лишь вчера, когда стало понятно, что в ту ночь он видел совсем другую женщину...

– Мне кажется, твоя мама что-то такое подозревает, – доверительно шепнул муж, с чувством поцеловав меня в висок.

Я рассеянно кивнула.

– Она совсем не удивилась, когда его увидела, хотя я готова поклясться, что с моранами она раньше лично не общалась. К тому же Раалу стал первым мужчиной, которому она позволила к себе прикоснуться после отца. А если учесть, что ее видения намного более точные, чем мои... как думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем твой брат решится сделать ей предложение?

– Неужели это все, что тебя сейчас волнует? – лукаво прищурился муж.

– Нет, конечно, – с облегчением рассмеялась я, запоздало отпуская руки Таалу и позволяя делать все, что ему захочется. – На оставшуюся вечность я твоя целиком и полностью. И у тебя еще будет немало поводов, чтобы в этом убедиться.

Эпилог

Примерно девять месяцев спустя...

Когда за окном загорелись лиловые полосы заката, а в комнате раздался истошный крик новорожденного, я слабо улыбнулась и со стоном откинулась на подушки.

– Боже, какой кошмар... второй раз я ни за что на это не решусь.

– Не зарекайся, милая, никто не знает, как повернется жизнь, – проворчала мама, ловко обтирая и заворачивая орущего младенца в чистую пеленку. – Кстати, у вас мальчик. Пуповину сейчас обрежу, а ранка сама потом заживет. Не уверена, что на вашем малыше можно практиковать обычное исцеление.

Откинув с лица влажные волосы, я дождалась, когда она закончит, и требовательно протянула руки к сыну. Тот, испустив еще один недовольный крик, мгновенно угомонился и, едва его губы коснулись набухшего от молока соска, удовлетворенно зачмокал.

– Гляди-ка, шустрый какой, – усмехнулась мама, вытирая руки полотенцем. – Еще глаза не открыл, а уже к титьке потянулся.

Я с нежностью взглянула на сына, в котором удивительным образом перемешались наши с Таалу черты: круглое личико, пухлые розовые губки, которые достались ему от меня; а вот широкий лоб и узкий подбородок явно передались от супруга. А когда ребенок, насытившись, снова требовательно захныкал, я покосилась на окно и попросила:

– Задвинь, пожалуйста, шторы. Ему наверняка некомфортно.

– По идее он должен переносить солнечный свет гораздо лучше отца, – заметила матушка, но поднялась и послушно задернула плотные шторы. – Все-таки наша кровь – не водица, должна была дать ему какие-то преимущества.

– Через пару-тройку дней узнаем, – пожала я плечами.

Тем временем мама активировала слабенькое освещающее заклинание, и крошечная тьма в спальне сменилась мягким приглушенным светом, который, как и ожидалось, не доставлял сыну никакого беспокойства.

– Ладно, отдыхай, – сказала она, осмотрев меня еще раз и убедившись, что со мной и ребенком все в полном порядке. После чего собрала мокрые тряпки и собралась уходить. – Все равно часа два тебе нельзя подниматься с постели. А я попозже вернусь. Надеюсь, к тому времени твой муж уже придет в себя и сможет адекватно мыслить.

– Мама? – позвала я, когда она развернулась и решительно направилась к выходу. – Так что ты решила с Раалу? Он сделал тебе предложение?

У матушки отчетливо напряглась спина.

– Сделал. На днях.

– И что?

– И я сказала, что подумаю.

– Как тебя не стыдно? – укорила я ее, перекладывая сладко сопящего сына поудобнее, а затем приподнялась на одном локте. – Он же тебе нравится. И от тебя без ума. Так почему бы не перестать изображать святую невинность и просто не сказать ему «да»?

– А ты помнишь, как отреагировали сестры на известие об окончательном прекращении изоляции моранов? – нервно огрызнулась мама.

– Помню. И что? Привыкнут.

– Да храм даже сейчас не в курсе того, что у тебя есть законный муж! Который в этот самый момент наверняка караулит снаружи, ожидая, пока солнце окончательно сядет!

– Люди всегда были суеверными, – спокойно возразила я. – Но это не значит, что мы должны таиться от них вечно. К тому же мать-богиня одобрила наш союз. И я не вижу причин, почему бы уже сейчас не начать постепенно приучать народ к мысли, что очень скоро рядом с ними будут жить представители другой расы. Не так уж мораны от нас отличаются, чтобы из-за этого разводить панику!

– Простому крестьянину достаточно того, что у них глаза не той формы, как у нас!

Я только фыркнула:

– Значит, будем приучать их к мысли, что это нормально. Сначала поартачатся, побунтуют, но когда выяснится, что храм целиком и полностью одобряет смешанные союзы, притихнут. А через пару поколений и вовсе не увидят ничего странного в том, что по одной и той же улице бегают не только голозадые человечки, но и шустрые малыши с большими глазами.

Мама, замерев у двери, тяжело вздохнула:

– Я боюсь, нам не удастся переубедить народ так легко, как ты сейчас описываешь. Могут быть стычки. Нападения.

– А храмовая стража на что? – изумилась я. – Пусть следят за порядком в смешанных поселениях, а самых буйных мы сразу предупредим, что за любое необоснованное нападение на нелюдей будем

наказывать так же, как за умышленное убийство. Думаешь, в итоге наберется так уж много смельчаков, готовых стать отлученными?

– Эх. Мне бы твою уверенность...

– Что я слышу? Мама! В кои-то веки ты споришь со мной и говоришь о тактике менее решительных мер! Да что с тобой в самом деле такое? Неужели ты... боишься?!

– Боюсь, – неожиданно призналась мама и, обернувшись, посмотрела мне прямо в глаза. – Я видела больше тебя. И пусть твоя сила сейчас на пике, но она далеко не всегда является решающим аргументом.

Я прищурилась.

– Да? А мне кажется, ты просто боишься связывать себя полноценным обрядом и еще больше боишься, что Раалу его не пройдет.

– Я уже немолода, – моментально нахмурилась госпожа Тейлара.

– Ничего, он тоже не мальчик.

– Но Раалу готов довериться одному только запаху...

– А ты наверняка подсмотрела ваше общее будущее. И вообще, если уж дело только в этом, вы могли бы начать отношения и без брачных клятв и обетов.

Мама как-то болезненно дернулась.

– А может, я не хочу без клятв. Но и рисковать понапрасну не желаю. Ты об этом не думала?

– Думала. Но считаю, что вас надо просто взять и спокойно обвенчать. А если ты боишься, что именно ваш союз может спровоцировать неблагоприятное для храма будущее... что ж, мы просто повременим с правдой. Единственное, на чем я настаиваю, это на том, что к моменту, когда у вас будут дети, население нашего мира должно получить какое-нибудь правдоподобное объяснение происходящему. Советую, кстати, заглянуть в нижний дворец и посоветоваться по этому поводу с Маару. Он – существо мудрое и видел гораздо больше, чем я или ты. А уж оракул из него и вовсе замечательный.

После такой простой подсказки у мамы изумленно распахнулись глаза. А потом она внезапно посветлела лицом, расправила плечи и наконец-то стала похожа на ту жесткую негибаемую леди, какой всегда была. После чего подлетела, с чувством чмокнула меня в щеку и стремглав умчалась, бросив напоследок:

– Дочка, спасибо!

Ну вот. А то все – боюсь, боюсь...

Удовлетворенно вздохнув, я снова откинулась на подушки, а услышав снаружи осторожный стук, немедленно крикнула:

– Мы в порядке. Все уже закончилось, так что можешь заходить!

В дальней стене бесшумно провернулась на невидимых петлях и отъехала в сторону широкая каменная плита, закрывавшая вход в один из прорытых моранами тоннелей. Оттуда так же тихо выскользнула безликая тень, а мгновением позже на краешек постели опустился взволнованный донельзя супруг.

– Держи, – улыбнулась я, передавая ему тихо сопящий сверток. – Сына я тебе, как и обещала, родила. И он, естественно, уже помечен Смертью. Так что, если не возражаешь, я бы хотела назвать его по обычаям твоего народа. В честь вашего с Раалу отца.

– Маалу? – прошептал моран, бережно прижимая к груди младенца. – Да, это прекрасное имя. В самый раз для наследника рода. Спасибо тебе за него, моя любовь.

Почувствовав чужое прикосновение, маленький моран немедленно встрепенулся и вдруг распахнул такие же черные, как у Таалу... точнее, теперь его правильнее было бы называть Таару... глаза. Большие, полностью заполненные клубящейся внутри тьмой, но при этом не по-детски внимательные, изучающие.

Убедившись, что угрозы для него нет, малыш охотно цапнул отца за палец и немедленно потащил этот палец себе в рот. Но потом ему что-то не понравилось, и он, заворчав, второй рукой настойчиво потянулся в сторону. Ко мне. Вернее, к лежащему возле моего бока второму свертку, откуда немедленно раздался такой же требовательный хнык.

– Ох и нелегко же нам будет, если вы уже сейчас не желаете друг с другом расставаться, – пробормотала я, выпутывая из пеленок еще одного младенца. Сморщенного, розовощекого и ничуть не похожего на бледненького, но увесистого Маалу. – Хотя, может, это и есть очередное доказательство того, что свет и тьма всегда идут рука об руку? На, поддержи дочку! – велела я, почти силком всунув в руки обалдевшего мужа здоровую, симпатичную, совершенно обычную человеческую девочку.

Таару растерянно моргнул, а между малышами, стоило им только прикоснуться друг к другу, сверкнула серебристо-черная молния.

– Как же это... Нора?!

– Вот так, – с гордостью улыбнулась я, а близнецы, ухватившись друг за друга слабенькими пальчиками, успокоенно затихли. – Она даже выходить без брата не хотела. Если бы не бабушка, еще неизвестно, кто бы в итоге выбрался на свет первым. Кстати, ее зовут Наала. Твоя законная дочь. И маленькая светлая жрица, которую мать-богиня уже почувствовала и благословила.

Моран бережно прижал к груди детей, глубоко вдохнул и, подняв на меня диковато горящие глаза, неверяще прошептал:

– Они пахнут тобой!

– Естественно, – хмыкнула я. – Но подозреваю, что им, как и нам, нельзя будет надолго расставаться, чтобы их обоюдная устойчивость не исчезла. Собственно, я пока даже не уверена, стоит ли сообщать храму, что у нас родилась двойня. Достаточно будет одной Наалы. И не исключено, что Маалу придется первое время пожить у тебя, чтобы сестры не впали в панику, а мы с дочкой будем вас каждый день навещать, пока твой отец не скажет, что будущее стабильно, и мальчика уже можно продемонстрировать верхнему миру.

– Моя дочь... светлая жрица, – словно в трансе, пробормотал окончательно выбитый из колеи Таару и неверяще перевел взгляд с одного малыша на другого. – А сын – наследник Смерти, который при этом спокойно переносит свет. Нора... но это же невозможно! Как они могли родиться вместе, сейчас, да еще и в нашем роду?!

Я приподнялась на подушках и, мягко поцеловав мужа, прошептала:

– А кто сказал, что чудес не бывает? Бывают. А причиной конкретно этого двойного чуда стала... конечно же любовь!

---

notes

СНОСКИ

Мораны – малоизученная раса нелюдей, обитающая в подземельях, которые принято называть нижним миром. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Дмурт – мелкая лесная нечисть, обычно принимающая облик кота и обладающая пакостным характером.

Злыдни – одна из разновидностей нечисти. Имеют вид длинных и очень крупных белых червей.

4

Магически созданный маяк, испускающий ровное золотистое свечение.

5

Хищные некрупные рыбы, предпочитающие охотиться стаями.